

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
УПРАВЛЕНИЯ**

**СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ
СЕРИИ «ПРАВО»**

Выпуск 1

**Правовое обеспечение деятельности органов
государственной власти и местного самоуправления
в современных условиях**

**Донецк
2015**

УДК 378:082.1 ББК Ч448.046+Х

Д 67

Донецкий государственный университет управления. Сборник научных работ серии «Право». Вып. 1: Правовое обеспечение деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в современных условиях / ДонГУУ. – Донецк: ДонГУУ, 2015. – 141 с.

Основатель: Донецкий государственный университет управления

Главный редактор:

Ворушило В.П. - кандидат юридических наук, доцент.

Заместитель главного редактора:

Саенко Б.Е. - кандидат экономических наук, доцент.

Редакционная коллегия:

Голос И.И. - кандидат наук по государственному управлению, доцент;

Денисова М.М. - кандидат юридических наук (ответственный секретарь);

Саенко В.Б. - кандидат наук по государственному управлению, доцент;

Сабирзянова И.В. - кандидат философских наук, доцент;

Каблов Д.С. - кандидат юридических наук;

Сичкар В.А. - кандидат юридических наук;

Шестак С.В. - кандидат юридических наук;

Кушаков М.Н. - кандидат юридических наук;

Моисеев А.М. - доктор юридических наук, профессор Донбасской юридической академии ДНР;

Седнев В.В. - доктор медицинских наук, профессор, сотрудник Генеральной прокуратуры ДНР;

Беляев В.П. - доктор юридических наук, профессор Юго-Западного государственного университета, г. Курск, РФ;

Маркова-Мурашова С.А. - доктор юридических наук, профессор ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», РФ;

Стремоухов А.В. - доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов;

Степанова О.Г. - ст. преподаватель (технический секретарь).

В сборнике представлены результаты научных достижений ученых, аспирантов, магистров, студентов правовых кафедр ДонГУУ, высших учебных заведений Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, ВУЗов России и СНГ. В материалах освещены актуальные вопросы современного государства, правотворчества в условиях становления и развития национальной правовой системы в отраслях конституционного, гражданского, уголовного, экологического, хозяйственного, финансового и международного права.

Адрес редакции: 283015, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 163а.

Телефон: (062) 337-66-09

Издаётся по решению учёного совета ДонГУУ

© Донецкий государственный университет управления, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю.....	4
Кушаков М. Н. Дефиниция терроризма в современном праве её значение для борьбы с ним.....	6
Сафронова Е. В. О новых стандартах в сфере защиты прав человека: международно-правовой аспект.....	14
Стремоухов А. В. Геноцид населения Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики должностными лицами Украины: квалификация и порядок привлечения их к ответственности.....	20
Саенко Б. Е Становление института вещного права: история, опыт.....	31
Ворушило В. П. Актуальные проблемы административного законодательства в сфере безопасности дорожного движения.....	40
Саенко В. Б. Инвестиционная политика и современные средства улучшения инвестиционного климата региона.....	51
Семькин Н. В., Семькина М. Н. Теоретические аспекты объекта преступления.....	59
Мавлиханова Р. В., Подсушная М. В. Роль правовой доктрины в формировании гражданского законодательства Донецкой Народной Республики.....	69
Мавлиханов Р. И., Зажирей М. П. Особенности возмещения морального вреда в Донецкой Народной Республике.....	77
Степанова О. Г. Коммунальная собственность как экономическая основа местного самоуправления.....	85
Денисова М. М. Становление судебной системы в непризнанных государствах.....	99
Разбейко Н. В. Признаки юридических фактов в хозяйственных отношениях.....	106
Ворушило В. П., Тутова Т. В. Проблемы становления и развития системы исполнительной власти в Донецкой Народной Республике.....	120
Смирнов А. А., Котова А. И. Убийство – преступление, нарушающее право человека на жизнь.....	129

К читателям

Уважаемые коллеги!

Сегодня мы делаем очередной шаг на пути развития юридической науки и права в Донецкой Народной Республике.

В нашем первом научном сборнике опубликованы результаты исследований ученых-юристов, направленные на освещение путей решения наиболее острых проблем в юриспруденции.

В этом сборнике, как и в последующих его выпусках, обязательно найдут место идеи и опыт, накопленный юристами-практиками, работающими в органах государственного управления, местного самоуправления, на предприятиях и в организациях.

Особый интерес у читателя наверняка вызовут научные статьи авторов, непосредственно участвующих в создании и развитии правовой системы – депутатов Народного Совета, работников органов юстиции, суда, прокуратуры, внутренних дел, государственной безопасности и других правоохранительных органов, непосредственно стоящих на страже закона и защиты интересов государства.

Центральное место в нашей научной тематике будет уделено вопросам, связанным с правами человека и гражданина, формированием гражданского общества в Донецкой Народной Республике на конституционных принципах равенства перед законом, социальной справедливости и демократии.

Исходя из современных реалий, мы предполагаем, что в работах авторов сборника найдет отражение научная характеристика и анализ правовых аспектов развития общественных отношений в условиях военного положения, экономической блокады ДНР со стороны неонацистского режима Украины, получат юридическое обоснование и разъяснение пути урегулирования конфликта в рамках Минских договоренностей. В нашем сборнике будут отражаться результаты дискуссий, проводимых в рамках диссертационных исследований, научных конференций и семинаров по актуальным проблемам теории и практики права в целом, его отдельных отраслей и институтов.

Мы надеемся, что сборник станет открытой площадкой для учёных, юристов-практиков, молодых ученых-юристов, аспирантов, соискателей, магистрантов направления подготовки «Юриспруденция», других направлений по юридическим наукам, нашего университета, образовательных организаций Республики и других государств.

Планы, намеченные редколлегией сборника, могут быть эффективно, качественно реализованы только при условии регулярного научного обмена, непосредственного участия в публикациях ученых-юристов других стран, в первую очередь братской России. Мы благодарны авторам, которые нашли возможность и, главное, доверили нам для опубликования результаты своих научных исследований в первом сборнике серии «Право» Донецкого государственного университета управления.

Надеемся на дальнейшее плодотворное, творческое сотрудничество во благо юридической науки.

С уважением, редакционная коллегия сборника научных работ серии «Право»

ДЕФИНИЦИЯ ТЕРРОРИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ БОРЬБЫ С НИМ

Кушаков М. Н.,

*к.ю.н., доцент, первый заместитель Министра
образования и науки Донецкой Народной Республики*

В статье рассматривается проблема правовой оценки терроризма как одного из наиболее опасных деяний с точки зрения действующего законодательства и сформировавшихся в научной литературе мнений. Особое внимание автор уделяет, более чётким дефинициям понятий «террор», «терроризм», «террористический акт», предпринять попытку научной классификации признаков терроризма. Для достижения отмеченной цели в статье ставятся и одновременно решаются задачи анализа основных определений терроризма, его наиболее существенных свойств, главных направлений исследований, направленных на совершенствование борьбы с терроризмом.

Ключевые слова: терроризм, террор, террористический акт, общественная опасность, преступление.

The problem of the legal assessment of terrorism as one of the most dangerous offenses in terms of the current legislation and formed opinions in the scientific literature. Particular attention is paid more than a clear definition of the term «terror», «terrorism», «terrorist act», to attempt a scientific classification of signs of terrorism. To achieve the objectives marked in the article are placed at the same time solved the problem of analysis of basic definitions of terrorism, its most important properties, the main directions of research aimed at improving the fight against terrorism.

Keywords: terrorism, terror, terrorist attack, public danger, a crime.

Постановка проблемы. Одним из наиболее опасных преступлений против общественной безопасности и общественного порядка в настоящее время является терроризм. Государства и международные организации признают терроризм одной из самых важных глобальных проблем современности. Вопросам правового регулирования борьбы с терроризмом, классификации видов и форм современного терроризма посвящено значительное количество исследований как отечественных, так и зарубежных правоведов, политологов, социологов и философов.

Терроризм – сложное и многомерное социальное явление, посягающее на наиболее важные сферы общественной жизни,

охраняемые. При этом данное посягательство происходит наиболее опасными способами. С одной стороны это делает терроризм и борьбу с ним правовыми способами важнейшей функцией государства и межгосударственного сотрудничества, а с другой затрудняет выработку как общей дефиниции терроризма, так и его отличительных признаков. В связи этим исследование феномена терроризма, разработка этого понятия, установление специфических уголовно-правовых признаков преступлений террористического характера является крайне актуальным.

Анализ последних исследований и публикаций. Различные аспекты проблемы терроризма исследовались в работах целого ряда отечественных и зарубежных авторов: Ю.М. Антоняна, А.И. Белкина, И.В. Биндера, О.В. Будницкого, В.В. Витюка, М. Ильчикова, И.И. Карпеца, Р. Конквеста, М.П. Киреева, А.Г. Латышева, У.Р. Латыпова, Е.Г. Ляхова, В.В. Лунеева, Н.А. Мелентьевой, О.М. Нечипоренко, Дж. Поуста, В.Е. Петрищева, С.А. Смирнова, А.В. Филонова, Б.Г. Чуркова, Д.В. Чухвичева, С.А. Эфирова и др. учёных. Вместе с тем, правовых исследований, обобщающих проблемы терроризма и борьбы с ним в настоящее время недостаточно.

Целью настоящей статьи является дать более чёткие дефиниции понятий «террор», «терроризм», «террористический акт», предпринять попытку научной классификации признаков терроризма. Для достижения отмеченной цели в статье ставятся и решаются задачи анализа основных определений терроризма, его наиболее существенных свойств, главных направлений исследований, направленных на совершенствование борьбы с терроризмом.

Изложение основного материала. Разработка понятия терроризма является одной из сложных проблем мировой науки и практики борьбы с преступностью. В настоящее время существует около 200 понятий терроризма, ни одно из которых не признано общепринятым в международно-правовых актах и научной литературе. Такое положение обусловлено как сложностью самого явления, которым является терроризм, так и факторами субъективного характера, существующими на внутригосударственном и международном уровнях.

В современной юридической литературе под терроризмом (от лат. *terror* – страх, ужас) принято понимать использование насилия или угрозы его применения в отношении отдельных лиц, группы лиц или различных объектов с целью достижения политических,

экономических, идеологических и иных выгодных террористам результатов.

Анализ научных работ по определению понятия терроризма свидетельствует о том, что общим практически для всех исследователей при разработке определения является стремление более чётко разграничить понятия «террор», «терроризм», «террористический акт».

При этом среди учёных нет единого мнения по вопросу уголовно- правового определения понятия терроризма. Одни авторы (С.А. Эфиров, А.В. Наумов) полагают, что более плодотворно не искать универсальное определение терроризма, а следует ограничиться лишь некоторыми его признаками. По мнению других (А.Э. Жалинский), полезно было бы попытаться дать рабочее определение терроризма на правовом уровне. Сходное с этим мнение высказывают и некоторые зарубежные исследователи (например, А.-М. Лизен). Другие зарубежные авторы (например, В. Малиссон, С. Малиссон), напротив, не считают террор и терроризм понятиями, которые идентифицируются с чётко определёнными фактическими событиями, в силу широкого смыслового значения этих терминов [1, с. 17].

Под терроризмом, с нашей точки зрения, следует понимать преступное деяние, состоящее в применении насилия или в угрозе насилием в отношении отдельных лиц либо группы лиц, сопровождающееся устрашением населения и преднамеренным созданием обстановки страха, подавленности, напряжённости с целью оказания воздействия на принятие решений, выгодных для террористов и отличающееся повышенной общественной опасностью и публичным характером его совершения. При этом, цели террористов могут быть различными: религиозными, политическими, экономическими и т. д.

Важность определения сущности терроризма, сути этого явления, его структурных элементов как преступного деяния, обусловлена необходимостью выработки самостоятельного понятия терроризма. Отметим, что исследователи проблем терроризма в течение длительного времени предпринимают попытки дать точное понятие определения его сущности. Однако ни одно из них не стало общепринятым из-за сложности исследований в данном направлении, а также в связи с возникающими дополнительными трудностями. К таким трудностям, можно отнести то обстоятельство, что терроризм

как явление исследовался в разных аспектах – юридическом, философском, политическом, психологическом, и т.д., и каждый исследователь рассматривал это явление со своей точки зрения, давая понятию «терроризм» оригинальную интерпретацию [2, с. 89].

Под сущностью терроризма, по нашему мнению следует понимать совокупность оригинальных признаков, характерных черт и отличительных особенностей, присущих терроризму как социально-политической и правовой категории, и составляющих его внутреннее содержание. В современной юридической литературе посвящённой проблемам терроризма, выделяют следующие отличительные признаки терроризма как преступного деяния.

Во-первых, отличительной чертой терроризма является то, что он порождает высокую общественную опасность, возникающую в результате совершения общественно опасных действий либо угрозы таковыми. При этом, умыслом террориста охватывается причинение смерти лицам, которые захватываются в качестве заложников, находятся вблизи мест взрывов и т. п.

Во-вторых, терроризм отличает публичный характер его исполнения. Если другие преступления, как правило, совершаются без претензии на огласку, а при информировании лишь тех лиц, в действиях которых имеется заинтересованность у виновных, то терроризм без широкой огласки, без открытого предъявления требований практически не находит реального проявления.

В-третьих, отличительной особенностью терроризма, на наш взгляд, является преднамеренное создание обстановки страха, подавленности, социальной напряжённости. При этом, отмеченные факторы формируются не на индивидуальном или узкогрупповом уровне, а на уровне социальном и представляет собой объективно сложившийся социально-психологический фактор, воздействующий на других лиц и вынуждающий их к каким-либо действиям в интересах террористов или принятию их условий. Игнорирование отмеченных обстоятельств приводит к тому, что к терроризму порой недостаточно, по нашему мнению, обоснованно относят любые действия, порождающие атмосферу страха и беспокойства в социальной среде. Однако, с нашей точки зрения, терроризм тем и отличается от других порождающих страх преступлений, что здесь страх возникает не сам по себе в результате получивших общественный резонанс деяний и создаётся виновными не ради самого страха, а ради других целей, и служит своеобразным

объективным рычагом целенаправленного воздействия, предполагающим создание обстановки страха, выступающей не в качестве цели, а средством достижения противоправной цели. Таким образом, создание обстановки страха есть выражение терроризма, проявление его сути, а не его конечная цель.

В-четвёртых, отличительной чертой современного терроризма является то, что при его совершении общественно опасное насилие применяется в отношении конкретных лиц или имущества, а психологическое воздействие в целях склонения к определённом поведению оказывается на других лиц, т.е., насилие в данном случае влияет на принятие решения потерпевшим не непосредственно, а опосредованно – через выработку (хотя и вынужденно) волевого решения самим потерпевшим лицом (физическим или юридическим или группой лиц) вследствие созданной обстановки страха и выраженных на этом фоне стремлений террористов. При этом воздействие на лиц, от которых террористы желают получить ожидаемого результата, может быть как прямым, так и косвенным. Например, взрывы в общественных местах, произведённые национал-сепаратистами, преследующими цель понудить власти к удовлетворению каких-либо требований, представляют собой прямое воздействие, но те же действия, совершенные кем-то с целью породить у населения недоверие к сложившимся в обществе правящим элитам, выставить их «неспособными» осуществить поддержание правопорядка и законности, с тем, чтобы на этом фоне выдавать обещания об улучшении в регионе или стране, если граждане отдадут предпочтение на выборах определённым кандидатам. Могут применяться различные варианты непосредственного и опосредованного воздействия.

Ещё одним фактором, затрудняющим разработку проблемы сущности и понятия терроризма, является проблема отождествления понятия терроризма и понятия террора. Нередко эти понятия употребляются как синонимы [3, с. 9].

Представляется, что более правы те авторы, которые считают, что терроризм – преступление, а террор – способ действия любого субъекта (государства, организации, физического лица) с использованием силы, угрозы, порождения страха.

Терроризму как самостоятельному преступному деянию присущи следующие отличительные признаки:

- 1) насильственные и иные действия виновного не являются

самоцелью, а служат средством достижения других целей;

2) обстановка страха создаётся виновным целенаправленно в расчёте на её содействие при достижении преступной цели в качестве средства понуждения к принятию или отказу от принятия какого-либо решения в интересах виновного или других лиц;

3) достижение конечного результата осуществляется не за счёт действий самого виновного, а за счёт действий тех лиц, в отношении которых направленно устрашающее воздействие;

4) насильственные и преступные действия могут быть направлены против одних лиц, а достижение конечного преступного результата виновного осуществляться за счёт действий третьих лиц. При этом возможно, что направленность действий и достижение конечного преступного результата будут связываться у виновного с одним и тем же лицом.

Необходимо отметить, что в юридической литературе терроризм, как правило, рассматривается как крайняя форма проявления экстремизма [4, с. 16].

Исключительная сложность, многообразие форм, политические противоречия в оценке определяют и отсутствие единого подхода к классификации видов терроризма.

Отечественные и зарубежные юристы, философы, политологи, историки систематизируют и классифицируют терроризм, основываясь на различных классификациях данного явления и форм его проявления, что, естественно, отражает многомерность и сложность этого явления. При всем многообразии и иногда несовместимости подходов такая многогранность научного подхода к проблеме позволяет учёным-юристам с наибольшей обоснованностью выявить общественную опасность терроризма и те его признаки, которые значимы в уголовно-правовом аспекте, для придания им юридического характера признаков состава преступления [5, с. 98].

Выводы. В результате проведённого исследования представляется возможным сделать следующие выводы.

1. Терроризм представляет собой сложное, многомерное негативное социальное явление. Кроме правовых, он затрагивает целый ряд других проблем – психологические, исторические, технологические и т. д. Всё это обуславливает то обстоятельство, что в международно-правовых актах и юридической науке до сих пор не удалось выработать общепринятое понятие терроризма.

2. В настоящее время существуют разнообразные формы проявления терроризма, которые изучаются специалистами в области уголовного права, криминологами, социологами, политологами, историками права и государства и др. Вместе с тем, продолжается процесс появления качественно новых форм терроризма, связанных с развитием научно-технического прогресса (например, компьютерный терроризм).

3. В правовое понятие терроризма, на наш взгляд, целесообразно включить значимые аспекты философского и социально-политического характера, поэтому главным в его анализе должны быть: оценка насилия, анализ целей, характеристика возможных субъектов и оценка его последствий.

4. Представляется необходимым дальнейшее проведение научных исследований по проблеме терроризма, учитывающих современных тенденций развития мирового сообщества, которые существуют в настоящее время и оказывают влияние на современный терроризм, формы и методы борьбы с ним. При этом целесообразно привлекать специалистов различных областей знаний: юристов, политологов, психологов, медиков, философов и др.

Более детальное разграничение терроризма со смежными преступлениями возможно на основе изучения признаков соответствующих составов, существующих в уголовном законодательстве, а это, в свою очередь, предъявляет особые требования к вновь вводимому в уголовные кодексы составу терроризма, который в полной мере должен отразить сущностные характеристики терроризма и органически присущие ему составные элементы и не содержать в своей конструкции признаков иных преступлений, уже нашедших закрепление в действующем уголовном законодательстве.

Исследования в этом направлении нередко опираются лишь на национальное уголовное право, которое при сравнении различных нормативных источников между собой, а также с законодательством других государств обнаруживает больше различий, чем сходства, при этом таким категориям, как «терроризм», «террористический акт», «террористическая акция», «преступления террористического характера (террористической направленности)» в действующем законодательстве различных стран придаётся далеко не идентичная интерпретация и не одинаковое семантическое наполнение.

Такое положение диктует необходимость осмысления новых аспектов проблемы, проведения сравнительного анализа антитеррористического законодательства различных государств и поиска путей к единообразному употреблению отмеченных правовых категорий в национальных источниках, а также к сближению национальных законодательств. Это особенно важно в современных условиях, когда активно происходит интернационализация преступности, что требует в свою очередь, и интернационализации уголовного права.

Сказанное обуславливает возможность формирования сравнительно нового научного юридического направления исследований, базирующегося на сравнительно-правовом анализе антитеррористического законодательства современных государств и предлагающего пути и средства по его унификации.

Литература

1. Федотова В. Терроризм: попытка концептуализации // Pro et Contra. – 2002. – Т. 7. – № 4. – С. 196-197.

2. Фисенко И. В. Система уголовного преследования за совершение международных преступлений: комиссии по расследованию и международные уголовные суды. // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 1998. – № 4.

3. Кузнецов Ю., Никольский В. Введение в теорию национальной безопасности. Проблемы безопасности русского народа и современность. – Алма-Ата: Верный, 1999. – С. 500.

4. Емельянов В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.

5. Даньшин И. Н. Ответственность за хулиганство в уголовном праве. – Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 2007.

О НОВЫХ СТАНДАРТАХ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Сафронова Е. В.,

д.ю.н., проф., Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Российская Федерация

В статье рассматривается вопрос о том, как международное право становится средством легализации безнравственности. Современный человек лишается права и на моральный протест, и на защиту своих традиционных коллективных ценностей.

Ключевые слова: права сексуальных меньшинств, защита традиционных коллективных ценностей.

In the article a question is examined about that, how an international law becomes the means of legalization of immorality. A modern man is deprived right both on moral protest and on defense of the traditional collective values.

Keywords: rights for sexual minorities, defense of traditional collective values.

Постановка проблемы. Знаковой чертой юридической науки последних лет выступает дискуссия по вопросам допустимости однополых браков, ювенальной юстиции, легализации права на «законное убийство» (аборт и эвтаназия) и «запретные» удовольствия, то есть того, что однозначно не приемлется христианской цивилизацией и оценивается как зло и грех. Во всем мире наблюдается агрессивное наступление «идеалов» западной модели либеральной демократии, на международном уровне нарастают тенденции введения новых стандартов в сфере защиты прав человека. Особенно активно и даже агрессивно продвигается идея бесполого человека, имеющего право на выбор пола и любой модели супружества и семьи.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросы стандартов в сфере защиты прав человека являются предметом исследования многих отечественных и зарубежных учёных, а именно: Н.А.Алексеева [1], М. Гринюк [2], В. Зозули [3], О.Н. Четверяковой [9] и др.

Но, несмотря на значительное количество научных исследований, проблема защиты традиционных ценностей остается

не решенной. Современный человек постепенно лишается права и на моральный протест, и на критическую оценку ситуации, и на защиту своих традиционных коллективных ценностей.

Актуальность. Любопытным выступает тот факт, что важнейшем средством легализации безнравственности и порока становится право. Причем право не национальное, а международное. Именно на международном уровне впервые стали открыто провозглашаться и юридически закрепляться новые стандарты, угрожающие традиционным представлениям о добре и зле, нравственном и безнравственном. При этом попытки государств (в частности Российской Федерации) отстаивать свое право на защиту традиционных ценностей чревато негативными последствиями от объявления тоталитарными режимами до введения прямых санкций. Обратимся к наиболее значимым событиям в международном праве, легализующим и продвигающим новые стандарты.

Цель статьи – теоретические аспекты исследования сущности прав сексуальных меньшинств и обоснование необходимости защиты традиционных коллективных ценностей.

Изложение основного материала исследования. 16 ноября 1995г. Генеральной конференцией ЮНЕСКО была утверждена «Декларация принципов терпимости». Декларация провозгласила «отказ от догматизма, от абсолютизации истины» и установила, что терпимость – это «нормы, установленные в международных правовых актах в области прав человека» (п. 1.3) [5].

Закрепив постулат об отсутствии истины, декларация способствовала утверждению в международном праве нравственного релятивизма и способствовала агрессивному распространению неолиберальной идеологии.

В 1995 г. ООН внесла нарушение прав сексуальных меньшинств в перечень нарушений основных прав человека. При этом Международная ассоциация лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров и интерсексуалов (ILGA) была включена в число организаций, имеющих консультативный статус в ЭСС ООН. Именно она ведет мониторинг ситуации и ежегодно публикует карту, отражающую положение с соблюдением сексуальных меньшинств в мире.

Прародителем новых ценностей и стандартов стала «прогрессивная» Европа. Наиболее активно и последовательно новые ценности стали распространяться, прежде всего, в Европейском

союзе. Начало правовому закреплению прав сексуальных меньшинств положил Комитет по гражданским свободам и внутренним делам Европейского парламента, составившим и принявшим доклад «Равные права для гомосексуалистов и лесбиянок в ЕС» (1994 г.). По результатам слушаний Европарламент принял резолюцию о запрещении всех форм дискриминации по признаку сексуальной ориентации.

В 1997 г. рекомендации Европарламента были закреплены на договорном уровне. В новый Амстердамский договор, который вступил в силу 1 мая 1999 г., была внесена поправка обеспечивающая право на борьбу с дискриминацией на почве сексуальной ориентации (ст. 13) [4]. Позднее запрет на такую «дискриминацию» был закреплен и в Хартии ЕС «Об основных правах граждан ЕС» 2000 г. В этом же документе отказались от понятия пол при определении брака. В резолюции от 5 июля 2001 г. Европарламент впервые рекомендовал странам членам законодательно закрепить право на однополые браки. Позднее такие рекомендации поступали неоднократно (в 2003, в 2006 гг.). 2006 г. Европейский парламент принял резолюцию «Гомофобия в Европе», где говорилось, что «иррациональный страх и отвращение к гомосексуальности, лесбиянкам и геям, бисесуалам и трансвеститам, которые основываются на предрассудках и сродни расизму, ксенофобии, антисемитизму и сексизму» [9, с. 102-103].

Уже в этих документах неприятие содомии стало рассматриваться как противоправное деяние. Так, среди форм, в которых может проявляться гомофобия, называется даже оскорбление словом. Некоторые эксперты предлагают классифицировать гомофобию как «нетерпимое расстройство личности», а это уже чревато помещением в психиатрическую клинику [9, с. 103].

Наиболее опасный документ, лишающий европейские народы права на моральный протест и критическую оценку, был принят в 2010 г. Это была резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы №1728 (2010) «Дискриминация по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности» [8]. Документ закреплял право на так называемую «самоидентификацию человека» на сексуальной почве. В п. 1 говорилось, что сексуальная ориентация «может быть гетеросексуальной, бисексуальной и гомосексуальной, является принципиальным компонентом самоидентификации

каждого человека». Ассамблея выражала «обеспокоенность» нарушением права на свободу собраний и свободу выражения мнений ЛГБТ в ряде государств – членов Совета Европы (п. 6); выступлениями «политических и религиозных лидеров и иных деятелей гражданского общества», не принимающими правила новой морали (п. 7). «Важно не подвергать критике, – отмечалось в резолюции, – ощущаемую или декларируемую сексуальную ориентацию» (п. 9), т. е. даже лично не противодействовать греху. Ассамблеей специально было подчеркнуто, что важнейшая задача всех органов государственной власти заключается в том, чтобы действительно и эффективно защищать права, закрепленные в правозащитных международно-правовых документах (п. 7); «наладить и/или поддерживать регулярные контакты с правозащитниками, отстаивающими права лиц из числа ЛГБТ «содействовать проведению исследовательской работы по проблеме дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности» (16.13); разработать и ввести «антидискриминационные и информационно-разъяснительные программы по развитию толерантности, уважения и понимания нужд ЛГБТ» (16.12) [8].

В 2010 г. Европейским бюро ВОЗ вслед за вступлением в силу конвенции «О защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия» был принят Рамочный документ для лиц, определяющих политику, руководителей и специалистов в области образования и здравоохранения «Стандарты сексуального образования в Европе». Главное требование документа «в разработке подхода, согласно которому сексуальное образование начинается с момента рождения». В этом весьма интересном документе есть раздел, который называется: «Почему надо начинать сексуальное образование до четырех лет?». Обучающиеся дети разделены на следующие возрастные группы: от 0-4; 4-6; 6-9; 9-12; 12-15; от 15 и старше. Так, в возрасте от 0-4 – дети должны получить информацию «о разных видах любви»; «об ощущении радости и удовольствия от прикосновения к собственному телу», «о мастурбации в раннем возрасте»; об «исследовании собственного тела и половых органов; о наслаждении от физической близости; о разных видах любви». В возрасте от 4-6 о «позитивном и негативном опыте со своим телом/что вызывает приятные ощущения? (прислушивайся к своему телу); «о разных способах оплодотворения». В возрасте от 6-9 о

«сексуальных правах детей» и др. [10].

Параллельно с защитой сексуальных меньшинств нарастали и тенденции легализации на государственном уровне их союзов. Так, уже на Международной конференции по народонаселению и развитию в Каире в 1994 г. [7] и Четвертой Всемирной конференцией по положению женщин в Пекине в 1995 г. [6], были приняты решения, положившие начало политике признания гомосексуальных браков и расширения техники медицинского содействия гомосексуальным парам.

Однако в тот период, о возможности легализации их союзов говорилось в расплывчатых формулировках. Так, в докладе Каирской конференции в V главе «Семья, ее функции, права, состав и структура», говорилось «разнообразии структур и состава семьи», утверждалось, что «для различных социальных, культурных, правовых и политических систем присущи разные типы семьи» (5.1), констатировалось, что в политике ряда стран «игнорируется существующее разнообразие типов семьи» (5.1) [7]. В тексте Каирской программы было введено понятие «пары» и закреплены репродуктивные права человека [7].

Следующей ступенькой легализации однополых брачных союзов стало введение альтернативной полноценному браку формы сожительства – регистрируемых гражданских (домашних, внутренних и др.) однополых партнерств (фактических сожительств). Такие союзы по юридической терминологии представляют собой социальный институт, признанный государством, в котором могут быть узаконены отношения двух людей преимущественно одного пола, не состоящих в браке.

Первой закон о зарегистрированном однополым партнерстве приняла в 1989 Дания. В настоящее время список стран, регистрирующих такие отношения значительно расширился: Андорра, Австралия, Австрия, Бельгия, Бразилия, Великобритания, Венгрия, Германия, Гренландия, Исландия, Испания, Ирландия, Италия, Колумбия, Лихтенштейн, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Португалия, Словения, Финляндия, Хорватия, Чехия, Швейцария, Эквадор, Эстония (с 2016 г. узаконивается договор о сожительстве), отдельные штаты США.

В ряде названных стран уже возможна регистрация «полноценного» брака со всеми вытекающими последствиями, прежде всего правом на усыновление и воспитание детей.

При этом тенденция распространения, популяризации и активного навязывания не ослабевает, о чем свидетельствует динамика легализации однополых браков: 2001 г. – Нидерланды; 2003 г. – Бельгия; 2005 г. Испания, Канада; 2006 г. – ЮАР; 2009 г. – Норвегия, Швеция; 2010 г. – Португалия, Исландия, Аргентина; 2012 г. – Дания; 2013 г. – Бразилия, Франция, Уругвай; 2015 г. – Люксембург, Словения, Ирландия, ряде штатов США; с 2017 г. – Финляндия. В ряде стран однополые браки легализованы на региональном уровне (Мексика, Великобритания).

Выводы. Имея в распоряжении целый арсенал юридических средств, проводники новых ценностей теперь «с полным правом» включают другие механизмы («науку», «образование», «искусство» и пр.) в их продвижение. Между тем, что подавляющее большинство тех, кто не приемлет новых ценностей, лишается права на протест. Современное положение дел можно оценить как войну, объявленную христианской цивилизации. Кто ведет эту войну, может понять только человек с религиозным мировоззрением. Придание правам человека сакрального характера говорит, что борьба ведется на метафизическом уровне.

Нельзя не согласиться с О.Н. Четверяковой, что проводники «новых» ценностей и стандартов, прикрываясь научной риторикой, преследуют совершенно определенные цели. «Действуя в соответствии с сатанинской логикой», они «постоянно совершают подмену смыслов и понятий, чтобы вовлечь в свои сети как можно более широкий круг людей, которые, будучи уже толерантными, не в силах отличить правды от лжи» [9]. Многочисленные примеры говорят, что ребенок, воспитанный звериным сообществом, человеком стать не может.

Литература

1. Алексеев Н.А. Правовое регулирование положения сексуальных меньшинств. Россия в свете практики международных организаций и национального законодательства стран мира. – Москва, БЕК, 2002. – 375 с.

2. Гринюк М. Однополые браки. // Allpravo.Ru, 2004.

3. Зозуля В. Где разрешены однополые браки // Комсомольская правда. – 2001. – 16 ноября.

4. Амстердамский договор 2 октября 1997 г. // Режим доступа: <http://www.eurotreaties.com/-amsterdamtreaty.pdf>

5. Декларация принципов терпимости, принятая резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995г. //Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/declconv/declarations/toleranc>

6. Пекинская декларация 1995, принятая четвертой Всемирной конференцией по положению женщин 4-15 сентября 1995 в Пекине // <http://www.un.org/ru/documents/declconv/declarations/womdecl.shtml>

7. Программа действий международной конференции по народонаселению и развитию (Каир, 1994) // http://www.r-komitet.ru/s_i_d/kair1.htm

8. Резолюция № 1728 (2010) «Дискриминация по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности», принята апреля 2010 г. // <http://1001.ru/articles/post/18182>

9. Четверякова О. Н. Диктатура «просвещенных»: дух и цели трансгуманизма. – М.: Благословение, Техинвест-3, 2015. – 160 с.

УДК 341.485

ГЕНОЦИД НАСЕЛЕНИЯ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ УКРАИНЫ: КВАЛИФИКАЦИЯ И ПОРЯДОК ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИХ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Стремоухов А. В.,

д.ю.н., проф., зав. кафедрой Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

В статье рассмотрены теоретические аспекты исследования сущности понятия геноцида. Определены квалификация и порядок привлечения к ответственности за геноцид.

Ключевые слова: геноцид; квалификация геноцида; порядок привлечения к ответственности за геноцид.

The theoretical aspects of research of essence of concept of genocide are considered in the article. Qualification and order of bringing in to responsibility for a genocide.

Keywords: genocide; qualification of genocide; order of bringing in to responsibility for a genocide.

Постановка проблемы. По данным Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК РФ) с начала боевых действий Украинских карательных сил против населения Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) и Луганской Народной Республики (далее – ЛНР) было убито более 4800 человек, еще 10 500 получили ранения, полностью либо частично разрушено и сожжено более 1000 жилых домов, объектов коммунального хозяйства и жизнеобеспечения, в связи с чем не менее 500 тыс. мирных жителей вынуждены покинуть свои дома, перебравшись в Россию [1]. За время конфликта погибло более 40 детей от пулевых и осколочных ранений [2]. Остались без внимания и соответствующей правовой оценки массовые захоронения гражданских лиц под Донецком.

Актуальность. Представитель СК РФ сообщил [3], что командиры 25-й и 93-й бригады Украины, осуществлявшие руководство боевыми действиями в районе аэропорта Донецка, с 3 июля по 5 сентября 2014 года умышленно отдавали приказы с целью полного уничтожения национальной группы русскоязычных лиц, проживающих на территории самопровозглашенных ЛНР и ДНР. Военные, исполняя эти приказы, при обстрелах Донецка, Луганска, Горловки и других городов и посёлков применяли системы залпового огня «Град» и «Ураган», авиационные неуправляемые ракеты, имеющие кассетную головную часть, тактические ракеты «Точка-У», другие виды тяжелого наступательного вооружения неизбирательного действия.

В связи с этим Главным следственным управлением СК РФ возбуждено уголовное дело по ст. 357 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) – «Геноцид» за геноцид населения, проживающего на территории провозглашенных ЛНР и ДНР. Проблема привлечения виновных лиц из числа высшего политического и военного руководства Украины к международной уголовной ответственности за геноцид русскоязычного населения ДНР и ЛНР идет параллельно с эскалацией политики «двойных стандартов» со стороны США и ряда западных стран по отношению к ситуации в Украине. В такой ситуации резко возрастает необходимость активного использования существующих международных механизмов противодействия политике геноцида русскоязычной группы Донбасса со стороны Украины, в том числе международных политических и правозащитных организаций, призванных объединять и защищать людей, без какого бы то ни было

различия (ст. 2) [4].

Общественная опасность геноцида заключается в том, что в результате соответствующих действий полностью или частично прекращает или может прекратить существование характеризующаяся самобытностью образа жизни и культуры, традиций и обычаев, иными особенностями определенная национальная, этническая, расовая или религиозная группа людей, что влечет обеднение разнообразия человеческого сообщества [5]. Геноцид, ведет к «подрыву» авторитета международного гуманитарного права и показывает неэффективность международных организаций в его противодействии.

Цель статьи – теоретические аспекты исследования сущности геноцида, его квалификации и порядка привлечения к ответственности за геноцид.

Изложение основного материала исследования. Для решения вопроса имел ли место геноцид русскоязычного населения на территориях провозглашённых ДНР и ЛНР необходимо определить его с точки зрения международного права.

Определение и состав преступления геноцида в международном праве. Согласно ст. II Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него от 9 декабря 1948 года [6] (далее – Конвенция о предупреждении геноцида), под *геноцидом* понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу, как таковую:

- a) убийство членов такой группы;
- b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- e) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

Аналогичное содержание понятия геноцида содержится и в ряде других международноправовых актов (например: ст. 4 Устава Международного трибунала по бывшей Югославии от 25 мая 1993 г.; ст. 2 Устава Международного уголовного трибунала по Руанде от 8

ноября 1994 г.; ст. 6 Римского Статута Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г.), а также в ст. 357 УК РФ, и ст. 442 УК Украины.

Объектом геноцида являются общественные отношения, обеспечивающие безопасные условия существования национальных, этнических, расовых или религиозных групп (далее – группы). Дополнительный объект – жизнь, физическое и психологическое здоровье людей, их достойные, исторически сложившиеся жизненные условия, а также иные права и свободы гарантированные международным гуманитарным правом.

Н. Ф. Кузнецова, кроме того, отмечает, что объектом геноцида являются основы человечества и человечности [7]. На наш взгляд, вышеуказанное описание объекта состава преступления охватывает широкий, не конкретизированный круг общественных отношений, которые должны подлежать защите Конвенцией о предупреждении геноцида. Но нельзя не согласиться, с тем, что потерпевшими от геноцида выступают не отдельные лица, члены групп, а сами названные группы населения в целом, на уничтожение которых нацелено это преступление.

Так, Москалев Г.Л. отмечает, что безопасность человечества и безопасность национальных, этнических, расовых и религиозных групп соотносятся как часть и целое, что характерно для взаимосвязи соответственно видового и непосредственного объектов. Именно безопасность указанных групп необходимо признать непосредственным объектом геноцида [8].

Диспозиция ст. II Конвенции о предупреждении геноцида содержит исчерпывающий перечень видов групп:

а) национальная группа (нация) – устойчивая, исторически сложившаяся группа людей, принадлежащая к определенной нации, которая характеризуется общей территорией, общностью языка, национального характера (менталитета), культуры, обычаев, традиций и иных признаков, отличающих ее от других национальных групп;

б) этническая группа (этнос) – устойчивая, исторически сложившаяся общность людей, объединенных общими особыми признаками, включающие в себя язык (диалект), географическую территорию проживания, историческое самосознание, культуру, обычаи, традиции, быт, вероисповедание.

в) расовая группа (раса) – устойчивая, исторически сложившаяся группа (популяция) людей, объединенная определенными биологическими и физическими внешними признаками отличающими ее от других расовых групп;

г) религиозная группа – устойчивая совокупность определенной группы людей, которая исповедует единую религию.

Полагаем, что русскоязычное население Донбасса – это этническая группа, обладающая всеми необходимыми признаками, члены которой компактно проживают на территориях ДНР и ЛНР.

Адекватное действительности определение понятия каждой из групп очень важно не только для теории уголовного права, но и для правоприменительной практики. Ибо в ходе последней нередко возникает сложность в идентификации жертв геноцида. К сожалению, сегодня ни один международный акт не содержит единого, унифицированного определения национальной, этнической, расовой или религиозной группы, как жертв геноцида.

Так, Д.Э. Видус в своем исследовании подчеркивает, что юридическое понятие охраняемых групп сформировалось в объективном и субъективном восприятии этих групп. Он отмечает, что судебные решения Трибуналов по Руанде и Югославии подтверждают триумф субъективного подхода к вопросу идентификации групп [9].

На основании вышеизложенного представляется важным заполнить правовой пробел в идентификации групп – жертв геноцида путем внесения дополнений в Конвенцию о предупреждении геноцида. А именно дать правовое определение каждой группе, основываясь на опыте Международных трибуналов по Югославии и Руанде. Это позволит унифицировать определение каждой из групп, что заставит судей руководствоваться нормой права, а не субъективным восприятием.

Объективная сторона геноцида, характеризуется указанными в Конвенции действиями, направленными на полное или частичное уничтожение группы людей:

а) убийство членов группы (на Донбассе убито более 4800 мирных жителей);

б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы (ранения получили более 10500 человек);

с) предумышленное создание для какой-либо группы таких

жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее (Украинскими националистами была создана социально-экономическая блокада Донбасса, что ставит под угрозу жизнь и здоровье местного населения);

d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы (за время боевых действий Украинской хунтой были разрушены около 50 медицинских учреждений и около 70 % медицинского персонала покинули зону конфликта).

Такой способ совершения геноцида как причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы указан в диспозиции, например, ст. 357 УК РФ[10]: законодатель указал в виде причинения тяжкого вреда здоровью, которое определено в ст. 111 УК РФ. По иному пути пошли законодатели Украины, так в ст. 442 УК Украины указано, что геноцид может совершаться путем причинения тяжких телесных повреждений. В свою очередь, определение тяжких телесных повреждений содержится в ст. 121 УК Украины: «Умышленное тяжкое телесное повреждение, то есть умышленное телесное повреждение, опасное для жизни в момент причинения, или повлекшее утрату какого-либо органа либо его функций, психическую болезнь либо иное расстройство здоровья, сопряженное со стойкой утратой трудоспособности не менее чем на одну треть, или прерывание беременности либо неизгладимое обезображивание лица».

Субъектом преступления, согласно ст. 4 Конвенции о предупреждении геноцида, является лицо, совершившее геноцид, и которое подлежит наказанию независимо от того, является ли оно ответственным по конституции правителем, должностным или частным лицом.

Анализируя нормы международного права, можно сделать вывод, что уголовной ответственности за геноцид подлежит физическое лицо (ст. 25 Римского Статута Международного уголовного суда от 1998 года (далее – Статут)), достигшее 18-летнего возраста (ст. 26 Статута), и которое в момент совершения им деяния не страдает психическим заболеванием или расстройством (т.е. вменяемое), которое не лишено возможности осознавать противоправность или характер своего поведения или соотносить свои действия с требованиями закона, и которое не находилось в состоянии интоксикации, которое лишает его

возможности осознавать противоправность или характер своего поведения или соотносить свои действия с требованиями закона, если только это лицо не подверглось добровольно интоксикации при таких обстоятельствах, при которых это лицо знало, что в результате интоксикации, им может быть совершено деяние, представляющее собой преступление, подпадающее под юрисдикцию Международного уголовного суда, либо проигнорировало опасность совершения им такого деяния (ст. 31 Статута).

В соответствии с положениями Статута, лицо подлежит уголовной ответственности и наказанию за геноцид независимо от:

- вида соучастия в преступлении, перечисленных в ст. 25 Статута;

- должностного положения или иммунитета, указанных в ст. 27 Статута.

Таким образом, привлечение к уголовной ответственности высшего руководства Украины становится не только возможным, но и обязательным.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом, с целью полного или частичного уничтожения национальной, этнической, расовой или религиозной группы. Мотивом, побудившим субъект преступления к совершению геноцида может быть национальная, расовая, этническая или религиозная вражда, нетерпимость и др.

Новым этапом в развитии международно-правовой защиты национальных, этнических, расовых или религиозных групп после Международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, стало решение, принятое на дипломатической конференции в Риме о создании постоянно действующего Международного уголовного суда (далее – Суд)[11], под юрисдикцию которого попало преступление геноцид (ч. 1 ст. 5 Статута).

Важным остается вопрос, может ли Суд распространять свою юрисдикцию в отношении высших политических и военных должностных лиц Украины в связи с совершением геноцида населения ДНР и ЛНР? Тем более, что Украина подписала Римский Статут еще в 2000 г., но не ратифицировала его.

В соответствии с положениями Статута процедура расследования может быть возбуждена в Суде тремя способами: односторонним обращением государства к прокурору; по

собственной инициативе прокурора; по инициативе Совета Безопасности ООН.

Суд на основании ст. 13 Статута может осуществлять свою юрисдикцию в отношении геноцида, если:

а) ситуация передается прокурору государством — участником в соответствии со ст. 14 Статута [11];

б) ситуация передается прокурору Советом Безопасности, действующим на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций;

с) прокурор начал расследование в отношении такого преступления в соответствии со ст. 15. Прокурор может возбуждать расследование *proprio motu* на основе информации о преступлениях, подпадающих под юрисдикцию Суда.

Возможные пути привлечения виновных лиц Украины к уголовной ответственности за геноцид населения Луганской и Донецкой Народных Республик. Представляется, что для защиты прав, свобод и интересов населения Донбасса, в отношении которого совершен акт геноцида, путем привлечения виновных лиц к ответственности через Международный уголовный суд требуется:

1) в рамках возбужденного Главным следственным управлением СК РФ уголовного дела по ст. 357 УК РФ провести тщательное расследование всех обстоятельств имеющих значение для дела, и которые позволят изобличить лиц виновных в данном преступлении;

2) собрать вещественные доказательства, а также показания потерпевших (более 60 тысяч человек были допрошены в уголовно-процессуальном порядке в качестве свидетелей, из них потерпевшими признаны более 12 тысяч человек)[12], свидетелей, заключения экспертов и специалистов, в том числе международных организаций;

3) поручить сотрудникам прокуратуры РФ организовать правовую поддержку (помощь) лицам, пострадавшим от противоправных военных действий украинского руководства, а также тем лицам, которые отказались выполнять преступные приказы своего руководства и командования или в отношении которых были возбуждены уголовные дела по ст.ст. 402-404, 407, 409, 422 УК Украины (ст. 402 Неповиновение, ст. 403 Невыполнение приказа, ст. 404 Сопротивление начальнику или принуждение его к нарушениям служебных обязанностей, ст. 407 Самовольное оставление воинской части или места службы, ст. 408 Дезертирство, ст. 409 Уклонение от

военной службы путем самокалечения или иным способом, ст. 422 Разглашение сведений военного характера, составляющих государственную тайну, или потеря документов или материалов, содержащих такие сведения) [13];

4) по завершению расследования сотрудникам прокуратуры РФ оказать правовую помощь лицам, пострадавшим от противоправных военных действий украинского руководства в подготовке и направлению жалобы в Европейский суд по правам человека;

5) после признания, что все следственные действия по уголовному делу произведены, а собранные доказательства достаточны для предъявления обвинения лицам виновным в совершении геноцида, руководствуясь п. «с» ст. 15 Статута, СК РФ через МИД РФ передать материалы уголовного дела Прокурору Международного уголовного суда для возбуждения расследования «*proprio motu*».

Прокурор с разрешения Палаты предварительного производства только два раза начал расследования по собственной инициативе (*proprio motu*): в Кении в связи с беспорядками после выборов 2007-2008 годов и в Кот-д'Ивуаре в отношении предполагаемых подпадающих под юрисдикцию МУС преступлений, совершенных с 19 сентября 2002 года

Прокурор со своей стороны должен будет сделать вывод о наличии достаточных оснований для возбуждения расследования по факту геноцида русскоязычной группы на Донбассе. После чего он может обратиться в Палату предварительного производства с просьбой дать санкцию на проведение расследования. В соответствии с решением Досудебной палаты 2006 г., потерпевшие также имеют право участвовать в стадии расследования, то есть еще до выдачи ордера на арест обвиняемого. Уже на этой стадии они должны показать, что имеется достаточно оснований для утверждения того, что им был нанесен вред [14].

В случае отказа Палаты предварительного производства дать санкцию на расследование, Прокурор вправе подать последующую просьбу на основании новых фактов или свидетельств (ч. 5 ст. 15 Статута), доказывающих геноцид местного населения на территориях ДНР и ЛНР. Из чего следует необходимость привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

Однако мы сомневаемся в положительном исходе уголовного дела, которое может быть передано на рассмотрение в

Международный уголовный суд. Под положительным исходом мы понимаем привлечение виновных лиц к уголовной ответственности за геноцид русскоязычной группы на Донбассе. Все это будет возможным при одном условии, когда политика останется в стороне и верх над разумом человеческим одержит Право. Это послужит гарантией объективного и беспристрастного судебного расследования.

Копии материалов уголовного дела направлены для решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности должностных лиц Грузии, виновных в совершении преступлений Прокурору Международного уголовного суда, к юрисдикции которого относится расследование преступлений против мира и безопасности человечества [15]. Сомневаемся мы и потому, что со времени Юго-Осетинской трагедии августа 2008 года прошло уже более семи лет, но вопрос остается актуальным и неразрешенным, ибо виновные (экс-президент Грузии М. Саакашвили и др.) не понесли заслуженного наказания, а нарушенные права потерпевших не восстановлены.

Видный российский ученый по международному праву Б.Р. Тузмухамедов [16] оценил следующим образом работу Суда: «Международный уголовный суд – по-прежнему юный и все еще незрелый организм. Он до сих пор не разрешил ни одного дела. По выданным им ордерам арестованы едва ли четверо подозреваемых, а попытка задержать президента Судана Омара аль-Башира вызвала скандал и неповиновение. Оптимизм, сопутствовавший его созданию, умерился».

Выводы. Такое нарушение незыблемых прав и свобод человека является негативным примером для дальнейшего построения взаимоотношений между странами на международной арене, что противоречит целям и принципам Устава ООН. Мировое сообщество, оставляя виновных лиц безнаказанными за преступления против человечества и человечности, создают тем самым грубейший прецедент нарушения такого важного принципа в уголовном праве, как неотвратимость наказания за уничтожение народа – геноцид.

Литература

1. Следственный комитет Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sledcom.ru/smi/425382/>
2. Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.rfdeti.ru/display.php?id=8571>

3. Следственный комитет Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sledcom.ru/news/item/523952/>
4. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948г. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеей ООН.
5. Батырь В. А. Международно-правовые проблемы квалификации преступления геноцида и «катынское дело»// Государство и право. – 2008. – № 5. – С. 68.
6. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него от 9 декабря 1948 года // Ведомости ВС СССР. 22 июня 1954 г. – № 12. – Ст. 244.
7. Уголовное право России: учебное пособие / Г.Н. Борзенков (и др.) под ред. В. С. Комисарова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2007. – С. 371.
8. Москалев Г. Л. Объект преступления, предусмотренного ст. 357 УК РФ (геноцид) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 2. – С. 237-243.
9. Видус Д. Э. Вопрос о группах, охраняемых Конвенцией «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» и идентификации жертв геноцида // Международное право и международные организации. – 2012. – № 3. – С. 16-27.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации.
11. Римский Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г.
12. Российская газета 02 октября 2014 года.
13. Уголовный кодекс Украины.
14. Шинкарецкая Г. Г. Международный уголовный суд: попытка оценки//Международное право и международные организации. – 2014. – № 1. – С. 88-95.
15. Следственный комитет Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sledcom.ru/news/item/513314/>
16. Тузмухамедов Б. Р. Юридические споры в Кампале // Независимая газета. – 6 июля 2010 года

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ВЕЩНОГО ПРАВА: ИСТОРИЯ, ОПЫТ

Саенко Б. Е.,

к.э.н., доцент, зав. кафедрой хозяйственного права,
Донецкий государственный университет управления

Рассматривается понятие и содержание вещного права, его значение в регулировании имущественных отношений. Уточнено соотношение вещного права и права собственности. Указаны основные проблемы становления института вещного права на примере РФ. Даны рекомендации по применению вещного права в Донецкой Народной Республике с учетом опыта РФ.

Ключевые слова: вещное право, право собственности, право владения, право хозяйственного ведения, право оперативного управления, сервитут.

The paper is concerned with the definition and the essence of property law, its value in regulation of property relations. In the text is outlined the interrelation of property law and right of ownership. The main problems of property law formation are pointed out using the practice of Russian Federation as an example. The recommendations on application of property law in Donetsk People's Republic are suggested based on the background of Russian Federation. Formation of institute of property law: history, experience, problems

Keywords: law of property, the right to property, the right of ownership, the right of economic management, right of operative management, easement.

Постановка проблемы. Вещное право – один из важнейших институтов гражданского права. Вместе с тем, именно он был предан забвению на протяжении почти четверти столетия. Правовая категория вещное право использовалась еще в римском частном праве. Известна она была и российскому дореволюционному гражданскому праву. Исторически вещному праву предшествовало право владения землей, поэтому в древнем русском праве термин «вотчинное право» означал право на землю отца. В проекте Гражданского Уложения, который был разработан в начале XX в., но так и не был принят, вещным правам был посвящен раздел «Вотчинное право».

Актуальность. Институт вещного права был закреплен и в Гражданском кодексе 1922 г., в его состав вошли нормы о праве собственности, праве залога и праве застройки. В ГК РСФСР 1964 г. вещное право было сведено, по существу, к праву собственности. Несмотря на то, что термин вещное право в кодексе не использовался, вещные права существовали: прежде всего, право собственности, а также право оперативного управления, на основе которого закреплялось имущество за государственными предприятиями.

Лишь в Законе «О собственности в РСФСР» от 24.12.1990 г. законодатель возвратился к категории вещных прав, которая была затем воспринята в Основах ГЗ Союза ССР и республик и в новом Гражданском кодексе. Однако в полной мере историческая справедливость не восторжествовала. В ныне действующем Гражданском кодексе раздел II назван не «Вещное право», а «Право собственности и другие вещные права».

Цель статьи. Таким образом, новый ГК воспринял систематику ГК 1964 г., выдвинув на первое место право собственности. Это имеет принципиальное значение, так как наглядно демонстрируют, что ведущие отечественные цивилисты до сих пор склонны преувеличивать роль права собственности. Р. Давид не без иронии писал об этом: «Советские юристы с гордостью подчеркивают всегда, что понятие собственность приобрело у них совершенно новый смысл. Западный юрист с первого взгляда будет даже удивлен тем акцентом, который делается на этом понятии» [1].

Вместе с тем, по словам выдающегося дореволюционного цивилиста проф. Покровского И.А.: «Одним правом собственности мог бы удовлетворяться только разве самый примитивный экономический быт» [2, с. 87]. Именно примитивным экономическим бытом советской эпохи может быть объяснено закрепление минимального количества вещных прав в ГК 1964 г. Граждане СССР не нуждались в разветвленной системе вещных прав и в их ущемленной защите, так как у большинства из них не было ценного I имущества, а использование таких мощных гражданско-правовых средств имеет смысл при нарушении существенных интересов, в первую очередь связанных с правами на недвижимость.

Изложение основного материала. Экономические преобразования, происходящие как России, так и в ДНР обуславливают потребность в широком использовании вещного

права на практике. Однако уже сейчас очевидно, что вещное право как система правовых норм нуждается в дальнейшей разработке. Пока законодатель сделал лишь первый шаг, которого явно не достаточно: только в одной статье ГК РФ – 216 закреплены общие положения о вещном праве. В ней сконцентрированы и основные проблемы формирования института вещного права в российском гражданском праве.

В первую очередь следует отметить, что в ГК не получило закрепления легальное определение вещного права. В ст. 216 ГК вещные права лишь перечисляются: право пожизненного наследуемого владения земельным участком; право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком; сервитуты; право хозяйственного ведения и право оперативного управления имуществом. Право собственности, как уже отмечалось, также является вещным правом. Оно носит всеобъемлющий характер, будучи наиболее сильным из всех вещных прав. Право собственности «подавляет» все остальные вещные права, включая их в себя, поэтому собственник вещи не может иметь на нее каких-либо других вещных прав.

Отсутствие легального определения обусловливается, прежде всего, недостаточной разработанностью теории вещного права в современной российской цивилистической науке. Цивилистам не удалось еще достигнуть единства во взглядах по вопросу о признаках вещного права, что не позволяет сформировать и доктринальное понятие вещного права.

К признакам вещного права большинство авторов относят абсолютный характер данного права, объект (индивидуально-определенная вещь), право следования и право преимущества.

Обладателю вещного права как абсолютного права противостоит неограниченный круг обязанных лиц, тогда как правомочному субъекту в относительном правоотношении будет противостоять конкретный обязанный субъект.

Отличие вещного права от других абсолютных прав (личных неимущественных: авторское право, патентное право и др.) заключается в его объекте, которым, по общему правилу, может быть только вещь, что находит отражение в самом термине «вещное право». Не могут выступать в качестве объекта вещного права результаты творческой деятельности, несмотря на то, что в ГК РФ используется термин «интеллектуальная собственность».

Утверждение, распространенное в цивилистической литературе, что вещь должна быть обязательно индивидуально-определенной, требует уточнений. Деление вещей на индивидуально-определенные и определенные родовыми признаками довольно условное, поэтому в качестве объекта может выступать и родовая вещь, тем или иным образом индивидуализированная.

В значительной степени специфичен такой объект вещного права, как предприятие. Предприятие как имущественный комплекс составляют все виды имущества, в том числе имущественные и неимущественные права, а также долги. Но из этого нельзя делать вывод, что права или обязанности могут быть самостоятельным объектом вещного права наряду с вещами. В экономической литературе акционера зачастую именуют собственником, хотя с юридической точки зрения данное утверждение – нонсенс. Собственником акционерного общества является само общество, как юридическое лицо, акционеру же принадлежат лишь обязательственные права.

Права только в том случае становятся объектом вещного права, когда выступают в устойчивой совокупности с другим имуществом, объединяемой общим экономическим содержанием (предприятие), принадлежностью одному лицу (наследственная масса) или особым правовым режимом (имущество супругов).

Содержание вещного права как субъективного права составляют правомочия. Право собственности как всеобъемлющее вещное право состоит из трех правомочий: владение, пользование и распоряжение. Другие вещные права производны от права собственности, поэтому их содержание составляет сочетание правомочий, как правило, владение и пользование (например, право оперативного управления). Вещное право обладает специфическими свойствами, обусловленными самой природой данного правового явления. Это право следования и право преимущества.

Сущность права следования заключается в том, что вещное право сохраняется и при переходе права собственности к другому лицу, т. е. вещное право следует за вещью. Так, при переходе права собственности на жилое помещение вещное право членов семьи собственника – право пользования этим помещением — сохраняется.

Наибольшие разногласия возникают по поводу такого признака вещного права, как право преимущества. Оно заключается в преимущественном удовлетворении требований, вытекающих из

вещных прав, по сравнению с требованиями, вытекающими из обязательственных прав. Ю.К. Толстой считает, что в ГК право преимущества не закреплено в качестве признака вещного права. С этим нельзя согласиться, так как из ст. 398 ГК прямо следует приоритет вещно-правовых правомочий над обязательственными: право кредитора на отобрание вещи у должника отпадает, если вещь уже передана третьему лицу, имеющему право собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления.

Социальным стержнем вещного права является особый режим охраны и защиты. Защита вещного права носит абсолютный характер. Владелец его пользуется защитой от любого лица, нарушившего его право, в том числе и от собственника. Причем защита осуществляется при помощи особых гражданско-правовых способов – вещно-правовых исков (виндикационного и негаторного), известных еще римскому частному праву.

Перечисленные выше признаки вещного права наиболее полно отражены в определении, предложенном Р. П. Мананковой: «Вещное право – это основанная на законе возможность субъектов гражданского права осуществлять владение, пользование, распоряжение в полном или частичном объеме индивидуализированной вещью, характеризующаяся специфическими свойствами (право следования, право преимущества) и обеспечиваемая особым режимом охраны и защиты этих прав» [3, с.19].

Особого внимания заслуживает позиция М. И. Брагинского, который утверждает, что «безусловно, большинство гражданских правоотношений является смешанными «вещно-обязательственными» [4, с. 65]. Следует отметить, что любая классификация условна и исключения лишь подтверждают общее правило. Кроме того, деление правоотношений на вещное и обязательственное несет большое значение для системы российского гражданского права и отказ от него большее зло, чем неизбежные отступления от четкой классификации. Не стоит забывать и того, что в недавнем прошлом позиция В. К. Райхера [5] и О. С. Иоффе [6], указывавших на недостатки данной классификации, негативно отразилась на судьбе вещного права.

М. Брагинский, рассматривая вопрос о соотношении вещных и обязательственных правоотношений, также не делает какого-то определенного вывода, в связи, с чем его позиция представляется, по

крайней мере, неконструктивной

Вторым существенным недостатком ст.216 ГК является незакрытый перечень вещных прав, на что указывает используемая законодателем формулировка «в частности». С одной стороны, это говорит о несовершенстве нашего законодательства относительно вещных прав. Их перечень должен быть четко закреплён в законе, иначе стирается грань между вещными и обязательственными правами, что снижает и уровень гарантий защиты вещных прав. С другой стороны, это можно расценивать как свидетельство незавершенности работы по формированию института вещных прав в российском гражданском праве, так как незакрытым перечнем обеспечивается возможность включения новых вещных прав.

В научной и учебной литературе сложился весьма своеобразный взгляд на данную проблему. В теории гражданского права признание, что вещное право не может быть установлено соглашением сторон, должно быть прямо предусмотрено законом. Отсюда делается следующий вывод: в закрытый перечень вещных прав должны быть включены не только те вещные права, которые перечислены в данной статье ГК, но и те, которые предусмотрены другими нормами самого ГК, а также иными законами.

Нельзя не признать, что в обоснование данного вывода положены довольно веские аргументы. Так, из наименования гл. 18 «Право собственности и другие вещные права на жилые помещения» прямо вытекает, что существуют другие, кроме права собственности, вещные права на жилые помещения. Из анализа норм данной главы следует, что право члена семьи собственника пользоваться жилым помещением (ст. 292 ГК РФ).

Но данный пример единственный, когда законодатель определяет, хотя и опосредованно, право субъекта как вещное. В отношении других прав, которые в литературе называются вещными, такой определенности нет. Наиболее ярко это проявляется в отношении залога, который целый ряд ученых (А.И. Масляев, Е.А. Суханов) отнесли к вещным правам.

Недостатки такого подхода обнаруживаются при анализе норм о так называемых публичных сервитутах, содержащихся и ст. 21 Лесного кодекса, ст. 41, 43 Водного кодекса, ст. 64 Градостроительного кодекса. Несмотря на то, что в данных законах используется гражданско-правовой термин «сервитут», предусматриваемые в них правовые явления по своей правовой

природе не могут быть отнесены по целому ряду признаков к ограниченным вещным правам. В данном случае речь идет о пределах осуществления собственником своих правомочий [7, с. 11].

Предложенный подход к определению замкнутого круга вещных прав был бы оправдан при наличии в законе определения самого вещного права, которое позволило бы, по крайней мере, выявить вещные права на основе установленных законодателем критериев.

Таким образом, названные проблемы тесно взаимосвязаны и решение одной из них сняло бы в определенной степени с повестки дня другую. Соответственно закрепление в законе определения вещных прав способствовало бы более точному отнесению того или иного права к числу вещных.

Анализируя вещное право с точки зрения институционального явления, нельзя не коснуться и ряда вопросов, связанных со ст.216 ГК. Работающими из них можно признать только два – право хозяйственного ведения и право оперативного управления. Остальные (право пожизненного наследуемого владения земельным участком; право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком; сервитуты) предусмотрены гл.17 ГК еще не вступившей в силу (на момент написания статьи – авт.)

Право хозяйственного ведения и право оперативного управления – вещные права, которые были рождены административно-командной системой хозяйствования в советский период. Соответственно данные вещные права отсутствуют в правовых системах стран с рыночной экономикой. Предполагается, что по мере развития рыночной экономики в России будет происходить отказ от их использования. Так, в Чешской республике после принятия законов о приватизации (1990-1992) право оперативного управления было исключено из раздела Г гражданского кодекса о собственности.

Сужение сферы использования данных вещных прав уже сейчас предусматривается Концепцией управления государственным имуществом и приватизации в РФ, одобренной Правительством РФ в 1999 г. В ней, в частности, подвергается резкой критике конструкция права хозяйственного ведения, которая, по мнению разработчиков Концепции, предоставляет широкие возможности для всякого рода злоупотреблений со стороны лица, осуществляющего функции директора унитарного предприятия.

Не останавливаясь на характеристике вещных прав, предусмотренных гл. 17 ГК, хотелось бы отметить, что решение вопроса о земле, т. е. принятие Земельного кодекса, соответствующего нормам ГК о земле, является краеугольным камнем в развитии института вещного права.

Одним из вещных прав, известных еще римскому частному праву, является право владения. В советском и в современном российском гражданском праве владение рассматривается преимущественно как одно из правомочий собственника. Однако праву собственности исторически предшествовало владение, как отношение фактическое. Это нашло отражение и в римском частном праве, сохранилось и в современном гражданском законодательстве ряда стран, например в ФРГ. В проекте Гражданского уложения нормы о владении составили отдельный раздел.

В российской дореволюционной литературе дискутировался вопрос о правовой природе владения, не вытекающего из права собственности: одни ученые (К.А. Неволин, К.П. Победоносцев, Д.И. Мейер) определяли его как юридический факт, порождающий определенные юридические последствия, другие (К. Д. Кавелин, Г. Ф. Шершеневич, Ю. С. Гамбаров) – как право.

Возникает вопрос о необходимости закрепления в нашем законе общих положений о владении. Представляется правильным решить его положительно. Смысл специального регулирования отношений владения заключается, прежде всего, в защите прав владельца. Элементы защиты владения предусмотрены и в действующем гражданском законодательстве: невозможность истребования у добросовестного владельца денег, ценных бумаг, вещей, выбывших из владения собственника по его воле (ст. 302 ГК). Но их явно недостаточно для решения возникающих перед современным обществом задач.

В частности, это касается итогов приватизации. По расчетам Аналитического центра РАН, в результате приватизации 35 % капитала и 80 % «голосующих» акций перешли в руки криминальных организаций. И одно из средств решения этой проблемы – легализация криминального капитала, в частности путем защиты владения, в т. ч. и незаконного, в противном случае общество в очередной раз встанет под лозунги «грабь награбленное».

Выводы. Таким образом, вещное право как система правовых норм нуждается в дальнейшей разработке.

Представляется преждевременным говорить о вещном праве как об институте гражданского права или иной структурной его части, так как в настоящее время оно находится в стадии формирования.

Теоретические и практические аспекты вещного права являются одними из наиболее актуальных в регулировании гражданско-правовых отношений, формирующихся в ДНР. Вещные, имущественные, наследственные и иные права физических и юридических лиц нуждаются в законодательном упорядочении, что невозможно без создания целостной правовой системы государства. Вместе с тем опыт других стран показывает, что создание правовой системы – это процесс достаточно сложный и продолжительный, он может длиться годами и десятилетиями.

Между тем, вопросы правового регулирования отношений собственности, имущественных прав, возникающие как в повседневной жизни граждан, так и в хозяйственной, предпринимательской деятельности требует соответствующего нормативно-правового регулирования.

В связи с этим предлагается, наряду с принятой законотворческой практикой, применение в этих целях подзаконных нормативных актов (Указов Главы ДНР, постановлений и распоряжений Совета Министров ДНР, приказов министерств и ведомств, распоряжений глав местных государственных организаций). Для повышения качества нормотворчества необходима научно-практическая экспертиза принимаемых нормативных актов с последующей их регистрацией в органах юстиции с общеобязательным установлением срока регистрации.

Введение такой процедуры позволит существенно повысить качество принимаемых нормативных актов, непосредственно затрагивающих имущественные интересы физических и юридических лиц, обеспечит их оперативное вступление в юридическую силу.

Решая текущие, неотложные правовые задачи в области вещного, да и в целом гражданского права, следует не упускать из виду вопросы создания собственного института вещного права, используя для этого опыт других стран, прежде всего Российской Федерации.

Некоторые аспекты изучения подобного опыта, изложенные в данной статье, могут стать одной из отправных точек при формировании института вещного права в Донецкой Народной Республике.

Литература

1. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. – М., 1999. – С. 197.
2. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М., 1998. – С. 207
3. Мананкова Р. П. Тенденции развития гражданского права // Вестник Томского гос. педагогического ун-та. – 1997. – Вып.3. – С.4.
4. Брагинский М. И. К вопросу о соотношении вещных и обязательственных), правоотношений / Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сборник памяти С. А. Хохлова. – М., 1998. – С. 115.
5. Райхер В. К. Абсолютные и относительные права // Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института. – 1928. – Вып. 1. – С. 304.
6. Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву/Избранные труды по гражданскому праву. – М., 2000. – С. 617.
7. Скрынник Е. В. Правовая природа публичных сервитутов // Вестник Томского гос. педагогического ун-та. – 1999. – Вып. 3. – (13) С. 11-13.

УДК 342.9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Ворушило В. П.,

*к.ю.н., зав. кафедрой административного права,
Донецкий государственный университет управления*

Статья посвящена освещению и решению проблем осуществления производства по делам об административных правонарушениях в сфере безопасности дорожного движения. Автором проанализирована деятельность субъектов правоприменительной деятельности в сфере безопасности дорожного движения и определены основные проблемные моменты, которые подлежат теоретическому и практическому решению на законодательном и научном уровнях.

Ключевые слова: административное правонарушение, безопасность дорожного движения, производство по делам об административных правонарушениях, ГАИ МВД ДНР, правоприменительная деятельность.

The article is devoted a lineation and decision of problems of realization in matters about administrative offences in the sphere of safety of travelling motion. An author is analyse activity of subjects on application of low in the sphere of safety of travelling motion and basic problem moments are certain, that need to the theoretical and practical decision on legislative and scientific levels.

Keywords: administrative offence, safety of travelling motion, judicial process about administrative offences, application of low.

Постановка проблемы. Административное производство по делам об административных правонарушениях является неотъемлемым элементом служебной деятельности сотрудника Государственной автомобильной инспекции (ГАИ) Министерства Внутренних Дел (МВД) Донецкой Народной Республики (ДНР). Соответствие составления процессуальных документов в сфере безопасности дорожного движения законодательству Украины и ДНР это одна из приоритетных задач, стоящих перед Госавтоинспекцией. Такой подход предопределён стремлением к объективному, полному и всестороннему рассмотрению каждого дела об административном правонарушении в сфере безопасности дорожного движения в соответствии с действующим законодательством.

Анализ последних исследований и публикаций. Отдельные аспекты административного производства в сфере безопасности дорожного движения были предметом исследования многих отечественных и зарубежных учёных, а именно таких как: В. Б. Аверьянов, И. Л. Бородин, И. П. Голосниченко, С. М. Гусаров [1], Т. А. Гуржий [2], А. К. Засторожная, Р.А. Луца, Н. В. Кузнецов, Т. А. Коломиец, В. К. Колпаков, А. Т. Комзюк, А. В. Кузьменко, А. Л. Миленин [3], Н. А. Микитюк [4], А. А. Нечитайленко, И. В. Панова, А. А. Собакар, М. М. Стоцкая [5], С. М. Тараненко [6], В. К. Шкарупа и другие.

Но, несмотря на значительное количество научных исследований в сфере безопасности дорожного движения, ещё имеют место проблемы, которые остаются не решёнными до конца.

Учитывая определение, что административное производство в сфере обеспечения безопасности дорожного движения – это урегулированная административно-процессуальными нормами

деятельность компетентных административных органов по рассмотрению в соответствии со специальной административной процедурой с помощью специальных административно-правовых методов подведомственных им административных дел относительно нарушения законодательства о дорожном движении [4]. Необходимо дальнейшее исследование комплекса вопросов, связанных с концептуальными основами и практическими инструментами привлечения правонарушителей Правил дорожного движения (ПДД) в соответствии с действующим законодательством к административной ответственности.

Актуальность. Существует проблема в противоречивости административного законодательства Украины (противоречащие друг другу нормы) которые влияют на качество составления административно-процессуальных материалов сотрудниками ГАИ, связанная с возможным уклонением в дальнейшем правонарушителя от административной ответственности, которую он должен понести в связи с совершением им правонарушения в сфере обеспечения безопасности дорожного движения (БДД) или не законного привлечения лица к административной ответственности.

Цель статьи – проанализировать административные правовые нормы, применяемые при производстве по делам об административных правонарушениях в сфере безопасности дорожного движения, определить и дать юридическую оценку проблемным моментам в правоприменительной деятельности сотрудников ГАИ МВД ДНР как с позиции научной регламентации, так с учётом опыта практической деятельности субъектов правоприменения в сфере безопасности дорожного движения, а также изложить наши предложения по усовершенствованию правовых норм в свете современных требований направленных на защиту прав и законных интересов человека, гражданина.

Изложение основного материала исследования. Решение этой проблемы заключается в проведении анализа административного законодательства Украины регулирующего отношения в области безопасности дорожного движения, формировании у сотрудников ГАИ, занимающихся оформлением материалов об административных правонарушениях, практических навыков правильного, основанного на законах применения административно-процессуальных норм соответствующих законодательству Украины (ДНР) и ведомственным нормативно-правовым актам ГАИ МВД ДНР, а также

внесение изменений в КУоАП.

В действующем на территории ДНР Кодексе Украины об административных правонарушениях (КУоАП) существуют определённые на наш взгляд неточности, противоречивые определения не дающие чёткого понимания нормы которыми руководствуются в практической правоприменительной деятельности сотрудники правоохранительных органов, в том числе и работники ГАИ при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. В связи с этим возникла необходимость проанализировать следующие правовые пробелы, допущенные законодателем вследствие внесения изменений и дополнений в Кодекс, в связи с новыми принципиальными позициями сотрудников ГАИ по поводу привлечения правонарушителей норм, правил и стандартов в сфере безопасности дорожного движения.

1. Статья (ст.) 268 КУоАП четко определяет, что дело об административном правонарушении рассматривается в присутствии лица, которое привлекается к административной ответственности [7]. Но в то же время, другой нормой, часть (ч.) 6 ст. 258 КУпАП определены случаи, когда протокол об административном правонарушении не составляется (в случае выявления административного правонарушения в сфере безопасности дорожного движения, зафиксированного с помощью работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, которые имеют функции фото и видеозаписи), а постановление по делу выносится без участия лица, которое привлекается к административной ответственности [7].

Такие расхождения норм законодательства, которые содержатся в одном правовом источнике приводят к многим проблемам, которые возникают при их реализации и применении на практике. Например, в следствии рассмотрения дел без участия правонарушителя в соответствии с требованиями ст. 258 КУоАП сотрудники ГАИ не придерживаются главного конституционного принципа административного производства, принципа соблюдения прав и свобод человека и гражданина, который заключается в предоставлении возможности каждому правонарушителю участвовать в рассмотрении дел, которые касаются привлечение его к ответственности, а также предоставлении возможности ознакомиться

с материалами административного дела, дать объяснение, предоставить доказательства, заявить ходатайство, а также привлечь для участия в рассмотрении административного дела адвоката и в случае необходимости обжаловать постановление по делу. Указанные действия должностных лиц ГАИ становятся поводом для отмены таких постановлений в судебном порядке при рассмотрении жалоб или вынесении прокурорского протеста.

2. В ст. 268 КУоАП декларируется, что лицо, которое привлекается к административной ответственности имеет право ознакомиться с материалами дела [7], но законодатель четко не определил не только каким образом процессуально оформляется факт ознакомления правонарушителя с такими материалами (необходимо ли составлять определенный протокол ознакомления, или об этом необходимо отмечать в протоколе об административном правонарушении), но и срок этого процессуального действия. То есть, если принимать к сведению, что закон всегда имеет правозащитную функцию, то фактически правонарушителю законом предоставляется неограниченное время для ознакомления с материалами дела. Ни в одном нормативно-правовом акте не прописаны действия должностного лица ГАИ в таких случаях.

Исходя из этого, можно считать, что теоретически лицо, которое совершило правонарушение, имеет возможность ознакомления с материалами дела в течении 2-х месяцев и больше, что является нарушением срока наложения административного взыскания (ст. 38 КУоАП) как следствие возникает возможность уклонения от ответственности за совершенное правонарушение. Если взять для сравнения криминально-процессуальное законодательство, которым предусмотрена процедура ознакомления с материалами уголовного дела ст. 217-218 УПК Украины, то можно увидеть, что уголовно-процессуальная норма закрепляет право следователя на установление определенного срока ознакомления с делом, если он считает, что сам обвиняемый или его защитник преднамеренно затягивают эту процедуру. Таким образом, необходимо внести изменения в действующий КУоАП, которые касаются четкого определения ознакомительного периода (срока) с материалами административного дела правонарушителя или его защитника.

По нашему мнению, такой срок должен быть не больше 1 суток. Отметка об ознакомлении правонарушителя с требованиями относительно процедуры ознакомления должна быть в виде его

собственной подписи в протоколе об административном правонарушении.

3. Кодексом Украины об административных правонарушениях установлена ответственность за превышение скорости движения, а именно по ч. 1 ст. 122 КУоАП за превышение водителями транспортных средств установленных ограничений скорости движения транспортных средств более чем на двадцать километров в час наступает ответственность в виде штрафа. По ч. 3 ст. 122 КУоАП за превышение водителями транспортных средств установленных ограничений скорости движения транспортных средств более чем на пятьдесят километров в час наступает ответственность в виде штрафа или общественных работ [7].

В данном случае необходимо, чтобы инспектор ГАИ имел доказательства самого факта превышения скорости. В соответствии со ст. 251 КУоАП доказательствами по делу об административном правонарушении, являются любые фактические данные, а именно: объяснение лица, которое привлекается к административной ответственности, а также потерпевшего, свидетеля; выводы эксперта; вещественные доказательства; показания технических приборов и технических средств, которые имеют функции фото и видеозаписи, также используемые при надзоре за обеспечением безопасности дорожного движения; протоколы об изъятии вещей и документов и другие доказательства.

Таким образом, законодательно установлено, что технические приборы должны иметь функции видеозаписи, фото и киносъёмки. На сегодня ГАИ имеют единственный прибор измерения скорости «ВИЗИР» которой имеет функции видеозаписи, фото-, киносъёмки. Но его использование в наше время также вызывает много дискуссий по поводу его сертификации и наличия на вооружении ГАИ. Приборы типа Радис, Искра и Беркут фиксируют лишь скорость и время, но не фиксируют само транспортное средство. Таким образом, единственным доказательством в соответствии с Законом, является фиксация факта превышения установленной скорости на фото, или видеоматериале, на котором изображено транспортное средство с указанием даты, времени и скорости.

На наш взгляд, применение вышеупомянутых приборов измерения при надзоре за дорожным движением, и использование показателей отмеченных приборов в качестве доказательств при привлечении водителей к административной ответственности

является незаконным на основании следующего:

1) показания отмеченных приборов не являются доказательствами в понимании ст. 251 КУоАП, то есть не имеют функций видеозаписи, фото- и киносъемки;

2) в распоряжении МВД Украины № 466 от 21.05.2009 года отмечено: Исключить случаи составления относительно водителей транспортных средств административных протоколов без доказательств их вины, или достаточных доказательств допущения ими нарушений правил дорожного движения (фото, видеоматериалов, свидетельских показаний, и проч.).

4. Неоднозначны толкования вызывают положения Кодекса, связанные с определением места рассмотрения дел отмеченной категории. Должностные лица органов ГАИ осуществляющие надзор за дорожным движением, при выявлении правонарушений, за какие они, в соответствии со ст. 222 Кодекса, имеют право рассматривать дела с предварительным составлением протокола об административном правонарушении, выносят постановления на месте выявления правонарушения.

Данная ситуация порождает в ряде случаев жалобы со стороны лиц, привлеченных к административной ответственности, в части нарушения их прав, предусмотренных ст. 268 Кодекса. Обоснованность таких претензий подтверждает тот факт, что КуоАП Украины предусматривает возможность вынесения постановления на месте выявления правонарушения в отношении лиц, совершивших правонарушения за которые составление протокола законом не предусмотрено.

В соответствии со ст. 276 Кодекса дела об административных правонарушениях рассматриваются по месту их совершения, но не на месте, как это предусматривает ст. 258 Кодекса. Кроме того, дела могут рассматриваться по месту учета транспортных средств или по месту жительства нарушителей в случае совершения правонарушений, предусмотренных статьями 121-126, 127-1, 129, ч.ч. 1, 2, 3, 4 ст. 130, ст. 139 Кодекса [7].

Такой же позиции придерживается и Пленум Верховного Суда Украины в своем постановлении от 11.06.2004 № 11 Об отдельных вопросах, которые возникают при применении судами положений ст. 276 Кодекса Украины об административных правонарушениях.

5. Действующая редакция ч. 1 ст. 140 КУоАП не отражает полностью тех отношений, на защиту которых она (норма)

направлена, а также содержит информацию об определенных сроках, отсутствующих в других нормативно-технических актах.

Так, ч. 1 ст.140 КУоАП предусматривает ответственность за: нарушение правил, норм и стандартов, которые касаются обеспечения безопасности дорожного движения при содержании автомобильных дорог и улиц, железнодорожных переездов, других дорожных сооружений [7]. *Во-первых*, определения термина дорожные сооружения нет ни в одном нормативном акте, в то время, как Государственные строительные нормы ГСН В.2.3-5-2001 Сооружения транспорта. Улицы и дороги населенных пунктов и Сооружения транспорта. Автомобильные дороги. Часть I. Проектирование. Часть II. Строительство содержит термин сооружения транспорта или искусственные сооружения. *Во-вторых*, в соответствии с Постановлением Кабинета Министров от 3 декабря 2009 года № 1342 Об утверждении Правил парковки транспортных средств из определения понятия специально оборудованные площадки для парковки можно понимать, что это места вне пределов проезжей части улицы или дороги, а в соответствии с элементами улицы (дороги) не входят, следовательно требуют отдельного обозначения. *В-третьих*, в элементы улиц и дорог не входят инженерные коммуникации, в местах пересечения с улицами или автомобильными дорогами, но соответствующее состояние которых также влияет на безопасность дорожного движения.

Кроме того, считаем целесообразным отметить в диспозиции нормы понятия элементы улиц и дорог и зеленые насаждения, то есть ч. 1 ст. 140 КУоАП может иметь такую юридическую форму: нарушения правил, норм и стандартов, касающиеся обеспечения безопасности дорожного движения при содержании автомобильных дорог и улиц, их элементов, в том числе зеленых насаждений, железнодорожных переездов, других транспортных (искусственных) сооружений, специально оборудованных площадок для парковки, инженерных коммуникаций в местах пересечения с улицами или автомобильными дорогами, неприятия мер своевременного запрещения или ограничения движения при возникновении условий, которые угрожают безопасности дорожного движения, или неприятия своевременных мер к возобновлению безопасных условий для движения.

6. Среди составов правонарушений предусмотренных ч. 2 ст. 140 КУоАП упоминается нарушение определенного

законодательством порядка согласования с ГАИ разработки проектной документации на строительство, реконструкцию и ремонт объектов дорожного сервиса, но не предусмотрена ответственность за фактическое установление (строительство) объектов дорожного сервиса [7].

Учитывая вышесказанное, ч. 2 ст. 140 КУоАП необходимо дополнить следующим содержанием: нарушение определенного законодательством порядка согласования с Государственной автомобильной инспекцией: установление (строительство) рекламоносителей, технических средств организации дорожного движения, объектов дорожного сервиса, проведения любых работ на автомобильных дорогах, улицах, железнодорожных переездах, разработка проектной документации на строительство, реконструкцию и ремонт автомобильных дорог, улиц, железнодорожных переездов и объектов дорожного сервиса, осуществление пассажирских перевозок по установленным маршрутам движения транспортных средств общего пользования.

7. Согласно требованиям ст. 299 КУоАП, постановление о наложении административного взыскания подлежит исполнению с момента его вынесения. При обжаловании или опротестовании постановления о наложении административного взыскания постановление подлежит исполнению после оставления жалобы или протеста без удовлетворения [7]. В соответствии со ст. 300 КУоАП постановление о наложении административного взыскания исполняется уполномоченным на то органом в порядке, установленном Кодексом и другими законами Украины. Постановление о наложении административного взыскания в виде штрафа подлежит принудительному исполнению после окончания срока, установленного ч. 1 ст. 307 Кодекса, то есть через 15 дней после вручения постановления о наложении штрафа, а в случае обжалования не позже 15 дней после сообщения об оставлении жалобы без удовлетворения. В соответствии со ст. 308 КУоАП в случае неуплаты правонарушителем штрафа в срок, установленный ч. 1 ст. 307 Кодекса, постановление о наложении штрафа направляется для принудительного исполнения в государственную исполнительную службу по месту жительства нарушителя, по месту работы, учёбы нарушителя.

Однако имеются случаи несвоевременного отправления, или не отправления вообще отмеченных постановлений правонарушителям.

О наличии фактов привлечения к административной ответственности указанные лица узнают только во время прохождения технического осмотра. При этом работники ГАИ отказывают им в прохождении техосмотра ссылаясь на ст. 35 Закона Украины «О дорожном движении». На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в органы исполнительной службы соответствующие документы относительно принудительного взыскания штрафов не направлялись. Считаем, что отказ сотрудников подразделений ГАИ в регистрации транспортных средств (ТС) и прохождении техосмотра, со ссылкой на ст. ст. 34, 35 Закона Украины «О дорожном движении» [8], т. е. в виду неуплаты штрафных санкций, без подтверждения того, что водитель получил постановление и оно направлено на принудительное исполнение, является незаконным.

В соответствии со ст. 303 КУоАП, не подлежит исполнению постановление о наложении административного взыскания, если оно не было обращено к исполнению в течении трех месяцев со дня вынесения. В случае обжалования или опротестования постановления, в соответствии со ст. 291 Кодекса, истечение срока давности приостанавливается до рассмотрения жалобы или протеста. В случае отсрочки исполнения постановления, в соответствии со ст. 301 Кодекса, истечение срока давности останавливается до окончания срока отсрочки [7]. Невыполнение требований закона относительно обращения постановлений к принудительному исполнению приводит к непоступлению в бюджет средств в особо крупных размерах.

Выводы. Таким образом, мы проанализировали некоторые административные правовые нормы и предложили формулировки некоторых материальных норм. Такие расхождения норм законодательства, которые содержатся в одном правовом источнике, приводят ко многим проблемам, которые возникают при их реализации и применении на практике.

Например, вследствие рассмотрения дел без участия правонарушителя и в соответствии с требованиями ст. 258 КУоАП, сотрудники ГАИ не всегда придерживаются конституционного принципа административного производства, принципа соблюдения прав и свобод человека и гражданина, который заключается в предоставлении возможности каждому правонарушителю участвовать при рассмотрении дела по привлечению его к ответственности, а также предоставлении возможности ознакомиться с материалами административного дела, дать объяснение,

предоставить доказательства, заявить ходатайство, привлечь для участия в рассмотрении административного дела адвоката и в случае необходимости обжаловать постановление по делу. Также имеются другие выше проанализированные противоречия административного законодательства которые негативно влияют на производство по делам об административных правонарушениях.

Мы предлагаем внести изменения в действующий КУоАП, а также при разработке и принятии административного кодекса ДНР необходимо учесть эти противоречия и не определённые ситуации для того чтобы чётко соблюдались права граждан и сотрудники правоохранительных органов не допускали нарушений законности.

Литература

1. Административно-правовые принципы управленческой деятельности государственной автомобильной инспекции Украины относительно обеспечения безопасности дорожного движения: автореф.: дис.... канд. юрид. наук: 12.00.07 [Теория управления; административное право и процесс; финансовое право; информативное право] / С. М. Гусаров; Нац. ун-т внутр. дел. – Харьков, 2002. – 19 с.

2. Административно-правовая квалификация нарушений водителями механических транспортных средств правил управления: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.07 [Теория управления; административное право и процесс; финансовое право; информативное право] / Т.А. Гуржий; национ. акад. внутр. дел Украины. – Киев, 2004. – 18 с.

3. Властные полномочия Государственной автомобильной инспекции Министерства внутренних дел Украины: проблемы теории и практики реализации в сфере обеспечения безопасности дорожного движения: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.07 [Административное право и процесс; финансовое право; информативное право] / Н. А. Микитюк; Львов. гос. ун-т внутр. дел. – Львов, 2008. – 20 с.

4. Правосознание участников дорожного движения: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 [Теория и история государства и права; история политических и правовых учений] / А. Л. Миленин; Нац. ун-т внутр. дел. – Харьков., 2001. – 19 с.

5. Производство по делам об административных проступках в сфере обеспечения безопасности дорожного движения: автореф. дис.

канд. юрид. наук: 12.00.07 [Административное право и процесс; финансовое право; информативное право] / М. М. Стоцкая; Харьков. нац. ун-т внутр. дел. – Харьков., 2007. – 23 с.

6. Защита прав и свобод граждан в производстве по делам об административных правонарушениях и их обеспечение в деятельности милиции: автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.07 [Теория управления; административное право и процесс; финансовое право; информативное право] / С. М. Тараненко; НАН Украины. Ин-т государства и права им. В. М. Корецкого. – Киев., 2000. – 20 с.

7. Кодекс Украины об административных правонарушениях Научно-практ. комментарий; под ред. Р. А. Лужи, А. Т. Комзюка, А. А. Погребного и др. – Киев: Всеукраинская ассоциация издательства Правовое единство, 2008. – 781с.

8. О дорожном движении: Закон Украины от 23 сентября 1997 года: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mvs.gov.ua/mvs/control/>

9. Статистические данные деятельности судебных учреждений Донецкой области за 2009-2010 год: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vru.gov.ua/vru/control/>

10. Решение совещания с заместителями начальников В (В) ГАИ главных управлений МВД Украины в Автономной Республике Крым, областях, городах Киеве и Севастополе от 1 февраля 2011года: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.sai.gov.ua/

УДК 330.3

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И СОВРЕМЕННЫЕ СРЕДСТВА УЛУЧШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА РЕГИОНА

Саенко В. Б.,

*к.гос. упр., декан учетно-финансового факультета,
Донецкий государственный университет управления*

В данной статье рассматривается потребность в осмыслении путей по улучшению инвестиционного климата регионов, способов сотрудничества государственной власти и гражданского общества, а так же совершенствование инвестиционной политики.

Ключевые слова: государство, инвестиционный климат, кластерный подход, инвестиционная политика, социальное участие.

This article discusses the need for reflection on ways to improve the investment climate in the region, ways of cooperation of the government and civil society, as well as improving the investment policy.

Keywords: government, investment climate, the cluster approach, investment policy, social participation.

Постановка проблемы. Прогресс любой экономической системы невозможен без инвестиций, направляемых на расширение производства, на улучшение организации и управления, на совершенствование технологических процессов. Инвестиционный процесс является очень сложным для прогнозирования и всегда связан с риском потери вложенных средств.

Современная сложная экономическая и политическая ситуация, сложившаяся в регионе, значительно усложнила инвестиционную деятельность и привела к снижению инвестиционной привлекательности в целом. Предпосылками такого неблагоприятного инвестиционного климата, как финансового, так и реального, выступают, прежде всего, политическая нестабильность, вооруженный конфликт, неопределенность юридического и политического статуса региона, несовершенная законодательная база, отсутствие координированных и взаимно согласованных действий между ветвями власти.

Особую актуальность в этих условиях приобретает поиск путей улучшения инвестиционного климата и содействие привлечению инвестиций на основе выделения отдельных конкурентоспособных объектов прямого иностранного инвестирования реального сектора экономики региона.

Анализ последних исследований и публикаций. Большое количество публикаций на тему инвестиций, увеличивающееся с каждым годом, свидетельствует об огромном интересе к этой области знаний. Теоретико-методические вопросы формирования и оценки инвестиционной привлекательности регионов на макроэкономическом уровне и предприятий как субъектов хозяйствования отражено в работах таких зарубежных ученых, как Ю. Блех, Е. Бригхема, В. Гетце, Л. Гитман, М. Джонка, Д. Норкотта, П. Хавранек, У. Шарпа и др.

Отечественными представителями в сфере оценки и управления инвестиционной привлекательностью выступают И. А. Бондарчук, Б. М. Вышитая, М. С. Герасимчук, А. А. Гончаренко, В. С.

Головатюк, А. В. Захарина, А. В. Омельченко, А. А. Пересада и другие.

Анализ работ зарубежных ученых показал, что существующий опыт оценки и управления инвестиционной привлекательностью западноевропейских стран невозможно применить в отношении региональных объектов экономики по ряду политических, социальных, экономических и правовых особенностей. В данном контексте требуют дополнительного исследования вопрос установления взаимосвязи между оценкой и повышением уровня инвестиционной привлекательности объектов инвестирования.

Целью статьи является установление взаимосвязей между конкурентоспособностью предприятия и инвестиционной привлекательностью региона в контексте стратегического менеджмента и с учетом специфики отечественных процессов инвестирования. В статье поставлены и рассматриваются одни из самых актуальных проблем – улучшение инвестиционного климата и повышение конкурентоспособности экономики региона.

Изложение основного материала исследования. В международной практике под инвестиционной привлекательностью, или инвестиционным климатом, территории, как правило, понимается лишь совокупность некоммерческих рисков «вхождения» инвестора в данную страну или регион для осуществления им инвестиционного проекта. Среди исследователей долгое время существовали разные мнения не только по поводу того, как оценивать инвестиционную привлекательность (инвестиционный климат), но и по поводу самого этого понятия.

В одних работах под инвестиционным климатом понималась среда, в которой протекают инвестиционные процессы. В других - инвестиционная привлекательность регионов рассматривалась как распределение фактических объемов привлеченных в регионы инвестиций [1].

В настоящее время принято рассматривать инвестиционный климат территории (страны, региона) как характеристику ее привлекательности с точки зрения целесообразности инвестирования в нее. Последняя определяется на основе анализа и сопоставления экономических, социальных, политических, правовых, организационных и других факторов, действующих на данной территории. Сравнение рейтингов инвестиционной привлекательности (инвестиционного климата) различных

территорий дает возможность потенциальным инвесторам выбрать ту территорию, где условия для инвестирования являются лучшими. Таким образом, инвестиционный климат – это объективные возможности территории и условия деятельности инвестора.

На формирование инвестиционного климата территории влияют и такие факторы, как экономико-географическое положение, природно-климатические условия, наличие природных ресурсов и объем их запасов, состояние окружающей среды (в частности, уровень загрязнения), наличие инфраструктуры (транспортной, производственной, информационной, социальной, связи и т. п.) и степень ее развитости. А также состояние производственной сферы, прибыль предприятий, уровень доходов населения, численность экономически активного населения и его образовательный уровень, степень развития на территории ведущих институтов рыночной экономики.

Инвестиционный климат во многом зависит от состояния и диверсификации экономической среды, перспектив и тенденций экономического развития территории, наличия долгосрочных программ экономического или инвестиционного развития, степени развитости рыночных отношений, финансового рынка и рынка инвестиционных услуг, устойчивости власти на территории и ее авторитета, политической поляризации населения, уровня социальной напряженности и уровня преступности.

В значительной степени на инвестиционную привлекательность влияет надлежащее выполнение органами власти своих полномочий в экономической, бюджетной, социальной и других сферах, разработка специальных программ привлечения инвесторов, обеспечения инвесторам особых экономических условий, связанных с определенными льготами, в том числе по налогообложению. На практике для анализа и оценки инвестиционного климата регионов наиболее часто используют три метода.

Первый метод основан на оценке ограниченного количества индикативных показателей (в числе которых: динамика валового внутреннего продукта, национального дохода и объемов производства промышленной продукции; динамика распределения национального дохода; состояния законодательного регулирования в сфере капиталовложений, развитие инвестиционных рынков).

Второй метод опирается на анализ и оценку комплекса факторов, влияющих на инвестиционный климат (среди них, в

первую очередь, следует выделить экономический потенциал территории, условия хозяйствования, характеристику рыночной среды, политические, социальные, организационные, правовые и финансовые факторы).

Третий метод предполагает оценку и сопоставление инвестиционного потенциала региона (совокупность факторов производства и сфер размещения капитала, имеющихся в регионе) и инвестиционных рисков. Последний метод является лучшим для стратегических инвесторов, так как он позволяет, с одной стороны, сравнить потенциальную привлекательность различных регионов, а с другой – соотнести риски вложений в них [4].

Инвестиционный потенциал – это объективные возможности региона для привлечения инвестиций. Он зависит от наличия и разнообразия сфер и объектов инвестирования, от их состояния и от их экономического развития. Общий (интегральный) инвестиционный потенциал территории состоит из частных потенциалов, таких как ресурсно-сырьевой, трудовой, производственный, инновационный, институциональный, инфраструктурный, финансовый, потребительский, туристико-рекреационный и др.

Следует отметить, что требования к инвестиционной политике в современном мире существенно изменились. Это связано, в первую очередь, с глобализацией и интернационализацией хозяйственной жизни, что обусловило усиление конкурентной борьбы практически во всех сегментах мирового рынка. При выходе на любой рынок перед компаниями встает вопрос: как выжить в борьбе с мощными конкурентами, обладающими колоссальными инвестиционными возможностями. Для региональных властей это означает необходимость формирования на территории региона различных зон инвестиционной активности, основанных на построении типологии территорий и понимании ее особенностей, а также знание и использование всего спектра возможной организации бизнеса для оптимизации инвестиционной политики. Очень важно сравнение возможных типов организации бизнеса и понимание, какой из них будет давать наибольший эффект на конкретной территории.

По мере укрепления и развития рынка, модернизации общественных отношений и формирования экономики инновационного типа, объективно возникает необходимость в создании современных региональных бизнес-структур с позиций их

конкурентных преимуществ и инвестиционной привлекательности.

В контексте вышеизложенного, прежде всего, необходимо обратить внимание на такую форму функционирования современных отраслевых и региональных рынков как кластеры – сетевые структуры, интерес к которым в последние годы резко возрос во всем мире. Влияние кластеров на формирование современного экономического ландшафта становится все более чувствительным, а вопросы кластерной политики постепенно приобретают принципиальный характер с точки зрения конкурентоспособности регионов.

Создание кластеров позволяет задействовать имеющиеся у регионов ресурсы для ускорения социально-экономического развития, а также усилить конкурентные позиции сгруппированных вместе предприятий, занимающихся родственными видами деятельности.

В настоящее время в развитых странах расширяется практика формирования на региональном уровне местных стратегических партнерств. Создание местного стратегического партнерства власти и бизнеса открывает возможности для рационализации существующих и выборе новых стратегических направлений регионального развития. Из этого следует, что региональные власти и их партнеры должны в полной мере использовать преференции совместного формирования единой согласованной стратегии развития региона, направленную на наращивание и эффективное использование его конкурентных преимуществ [3].

В кластерах конкуренция между территориально локализованными предприятиями, фирмами и компаниями той или иной отрасли нивелируется кооперацией их между собой и интеграцией с другими сопряженными сферами хозяйствования в решении общих проблем. Тесные кооперационные и интеграционные связи внутри кластеров позволяют:

- снизить затраты по всем цепочкам производственных процессов и поставок;
- сократить расходы, связанные с выходом на новые рынки;
- ускорить процессы обновления продукции и вывода ее на рынок;
- улучшить доступ к финансам.

Более того, кластеры «притягивают» лучшие кадры и прямые инвестиции, в них находят себе лучшее применение научные и

образовательные учреждения и консалтинговые компании. В целом кластер становится носителем уникального профессионального знания, уподобляется обучающей организации и находит стратегические конкурентные преимущества.

Кластерный подход находит все большее применение при разработке региональных стратегий развития. В рамках этого подхода разработка стратегии начинается с инвентаризации существующего состояния микроэкономических основ конкурентоспособности - и отраслевой, и территориальной составляющей. Этот анализ позволяет выявить слабые места и существующие проблемы и выстроить видение будущего состояния в форме четко поставленных общих целей для всех влиятельных и заинтересованных сторон бизнеса, администрации и структур – носителей ресурсов развития.

Хозяйствующие субъекты, функционирующие в рамках одной кластерной системы, имеют взаимосвязанную стратегию развития, которая определяется как экономическими (инвестирования, финансирования, страхования), так и организационными аспектами, которые обеспечивают оперативное реагирование на изменения во внешней среде их деятельности.

Подобные структуры имеют большое значение при проведении эффективной политики занятости на региональном уровне и расширение налоговой базы. С помощью кластеров расширяются горизонты реализации конкурентных хозяйственных преимуществ региона, связанных с географическим расположением, климатическими условиями, локализацией и специализацией производства и т. д., усиливаются инновационные возможности техники и технологий, присущие интегрированным системам.

Формирование кластера в структуре регионального хозяйства - сложный процесс. Определенной адаптацией идей кластерного подхода может стать создание кластеров на основе действующих вертикально-интегрированных структур. То есть развитие кластеров и вертикально-интегрированных государственных компаний могут и должны дополнять друг друга. Кластерный подход не вступает в конфликт с задачами развития вертикальных корпораций, но не нарушает, что очень важно, сложившейся структуры экономики в регионе. Наличие развитой инфраструктуры сервиса, консультативных услуг, научных и образовательных учреждений, поставщиков машин и оборудования (в структуре кластера) снижают затраты, повышают конкурентоспособность структуры.

Такие объединения оказывают положительное влияние не только на отдельные предприятия, но и на экономику региона в целом, так как кластер предусматривает взаимодействие трех секторов: бизнеса (предпринимательские структуры, общества, коммерческие банки), институциональной среды (университеты и научные центры, общественные организации, торгово-промышленные палаты) и власти (местные органы власти, налоговые администрации, регуляторные структуры) [5].

Выводы. Ключевыми проблемами интенсивного регионального развития следует признать отсутствие правового статуса, локализованный вооруженный конфликт и, как следствие, значительные диспропорции социально-экономического состояния региона, низкую конкурентоспособность и несовершенную инвестиционную деятельность. Хозяйственная деятельность региона сегодня базируется на одной-двух отраслях, предприятия которых являются сырьевыми или производят промежуточную и низкой продукцию.

Для создания надежной основы для экономического развития региона необходимо ускорение темпов экономического роста, устранения дестабилизирующих рисков (экономических, финансовых, социальных, институциональных и политических). Основой, способной обеспечить рост экономики, должно стать выполнение системы неотложных мер по преодолению кризисных явлений в экономике, которые необходимо провести, прежде всего, на макроуровне. Такими основными мерами должны быть: обеспечение инвестиционно-инновационной модели развития, формирования условий для увеличения инвестиций в регион, создание условий для повышения конкурентоспособности производимой продукции.

Таким образом, содействие улучшению инвестиционного климата необходимо будет обеспечивать через масштабные комплексные мероприятия по улучшению условий деятельности инвесторов и расширение механизмов и инструментов осуществления инвестиций и реализации инвестиционных проектов.

Залогом направления государственной инвестиционной политики на качественное изменение национальной экономики и реализацию инновационно-инвестиционной модели экономического развития является взаимодействие правительства, инвесторов и ученых.

Литература

1. О стимулировании развития регионов [Текст]: Закон Украины от 8 сентября 2009 № 2850-IV // Урядовый курьер. – 12 октября 2009. – № 1. – С. 1618.
2. Об утверждении Государственной стратегии регионального развития на период до 2015 года. [Текст]: Постановление Кабинета Министров Украины от 21 июля 2006 г.
3. Управление инновациями [Текст] / Под ред А.И. Сухорукова. – М., 2003. – 206 с.
4. Кривуц Ю. М. Инвестиционная привлекательность Украины: преимущества и недостатки. [Текст] / Ю. М. Кривуц, Д. А. Трушкина // Вестник МСУ. Серия «Экономические науки». – Т.УИ. – № 1. – 2013. – С. 29-31.
5. Юрченко С. А. Тенденции развития инвестиционной деятельности в Украине [Текст]: / С. А. Юрченко, А. Е. Юрченко // Вестник МСУ. Серия «Экономические науки». – Т.УИ. – № 1. – 2013. – С. 73-75. – Библиогр.: с. 75.

УДК 343.2

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Семыкин Н. В.,

*к.ю.н., доцент, начальник научно-методического
управления Генеральной прокуратуры Донецкой
Народной Республики, старший советник юстиции,*

Семыкина М. Н.,

*студентка 5 курса юридического факультета,
Донецкий национальный университет*

В статье рассматриваются теоретические аспекты объекта преступления. А также определяются две диаметрально противоположные концепции относительно объекта преступления, а именно: концепция, согласно которой объектом преступления является совокупность общественных отношений, и концепция, отрицающая первую, в соответствии с которой общественные отношения, будучи по своей сути абстрактной категорией, не могут выступать как реальные объекты конкретных преступлений.

Ключевые слова: объект преступления, объект состава преступления, общественные отношения, охраняемые законом ценности, интересы, блага сфера жизнедеятельности.

The article deals with the theoretical aspects of the crime object. And as defined by two diametrically opposed conceptions about the object of a crime, namely, the concept according to which the object of the crime is the totality of social relations, and the concept that denies the first, according to which public relations, being inherently abstract category, can not act as a real objects of specific crimes.

Keywords: object of the crime, crime object, public relations, law protected values, interests, benefits spheres of life.

Постановка проблемы. Одним из важнейших элементов преступления и признаков состава преступления есть объект преступления. Традиционно это является основным вопросом для отечественного исследователя, но именно этот вопрос традиционно остается и дискуссионным в уголовно-правовой науке.

Анализ исследований и публикаций. На разных этапах развития уголовно-правовой науки анализу объекта преступления были посвящены исследования таких ученых, как Пионтковский А. А., Никифоров Б. С., Глистин В. К., Гавриш С. Б., Емельянов В. П., Кривуля О. М., Куц В. Н., Новоселов Г. П. и др.

Следует отметить, что ни у кого из исследователей не вызывает сомнения тезис о том, что объект преступления – это то, на что посягает преступное деяние, чему оно причиняет или может причинить вред. Вопрос же о том, чему именно оно причиняет или может причинить вред, является одним из самых спорных в науке и, безусловно, нуждается в дальнейшей научной разработке.

Целью статьи является разработка теоретических подходов определения объекта преступления.

В уголовно-правовой науке существует две диаметрально противоположные концепции относительно объекта преступления, а именно: концепция, согласно которой объектом преступления является совокупность общественных отношений, и концепция, отрицающая первую, в соответствии с которой общественные отношения, будучи по своей сути абстрактной категорией, не могут выступать как реальные объекты конкретных преступлений. Первая концепция была безраздельно господствующей в советский период и в наше время имеет достаточно сторонников.

Основные результаты исследования. Взгляды сторонников второй концепции, будучи единодушными в том, что общественные отношения не могут быть объектом преступлений, расходятся в том, что же именно является объектом преступления. Изучение позиций этих ученых позволяет сделать вывод, что сторонников этой концепции можно разделить на три научных направления.

Представители первого направления считают, что объектом преступления являются блага и ценности, охраняемые уголовным правом. Самым выдающимся представителем этого направления является С. Б. Гавриш. По его мнению, с позиции теории объекта как общественных отношений следует, что уголовное право якобы «охраняет не материальные ценности и блага, жизнь, здоровье, среду и т. д., а, наоборот, определенную форму их проявления, те или иные связи между субъектами отношений», тогда как в действительности таким охраняемым объектом является «правовое благо» как «определенная ценность» [1, с. 28, 64, 65].

Признают как объект преступления не общественные отношения, а охраняемые законом ценности, интересы, блага, против которых направлено преступное деяние и которым оно причиняет или может причинить вред, киевские ученые [2, с. 68-72], ученые Московского университета [3, с. 207-210], а также ученые Национального университета внутренних дел [4, с. 1; 5, с. 40-41].

Второе направление наиболее четко и последовательно представлено в работах Г. П. Новоселова. Критикуя концепцию объекта преступления как общественных отношений и основываясь на том, что от преступления всегда страдают люди, он делает вывод, что объектом каждого преступления есть люди-индивиды или их малые или большие группы (объединения), либо в целом общество (социум) [6, с. 53-64].

Третье направление отражено в исследованиях В. П. Емельянова. Принципиально соглашаясь с представителями двух предыдущих направлений, он считает, что они недостаточно полно и адекватно отражают все те объекты, которые находятся под охраной уголовного закона [7, с. 10].

В. П. Емельянов делает вывод, что универсальной категорией, которая способна охватить собой все без исключения охраняемые уголовным законом реальные объекты, может выступать категория «сферы жизнедеятельности людей» [7, с. 10].

На наш взгляд, все существующие в науке уголовного права концепции по объекту преступлений сами по себе являются правильными, но односторонними. В нашем сложном общественном организме такие категории как блага, ценности, сферы жизнедеятельности, люди, интересы, отношения находятся в неразрывной диалектической взаимосвязи и взаимодействии, а потому невозможно посягнуть на одну из категорий, не касаясь в той или иной степени другой.

Акцентируя же внимание на какой-либо из сторон реальной действительности, ученые, образно говоря, освещают некую грань одного и того же рубина и придают ей первостепенное значение. Конечно, в той или иной ситуации, в тех или иных условиях ближе всего может оказаться та или иная грань общественного организма, но при этом не следует упускать из виду ее связь со всеми другими гранями. Попытки же абсолютизировать какую-то отдельную сторону, сосредоточиться на чем-то одном приводят к противоречивым суждениям, а соответственно и к взаимным критическим высказываниям [8, с. 77-78].

Так, А. В. Наумов, будучи в целом сторонником позиции, что объект преступления – «это те интересы (блага), которым наносится или может быть нанесен ущерб в результате преступного посягательства», в то же время отмечает, что «во многих случаях трактовка объекта преступления как определенных общественных отношений вполне справедлива, например, в случаях признания объектом преступления имущественных отношений ... Однако в ряде случаев теория объекта преступления как общественных отношений «не срабатывает». Особенно это касается преступлений против личности, и в первую очередь, убийства» [9, с. 146, 157, 159].

Эту позицию А. В. Наумова подвергли критике как непоследовательную М. И. Панов, В. И. Борисов, В. П. Емельянов. И хотя они придерживаются диаметрально противоположных взглядов по объекту преступления, но данная непоследовательность А. В. Наумова их объединила [10, с. 216].

С другой стороны, А. А. Пионтковский, будучи основателем теории объекта как общественных отношений, вместе с тем утверждал, что непосредственный объект «может быть общественными отношениями, но в основном они не таковы» [11, с. 142]. Б. С. Никифоров, исходя из того, что «в литературе не решен даже вопрос о том, что является объектом – общественные

отношения или что-то другое», пришел к выводу, что «объект преступления – это тот общественный интерес, против которого направляется преступление и который берет под свою охрану уголовное право» [12, с. 4, 6]. «Общий постулат, – отмечает В. К. Глистин, – абсолютно не мешает давать разнообразную характеристику структуры общественных отношений, а при определении непосредственного объекта общественные отношения начинают «исчезать», подменяясь, чаще всего, «интересами» [13, с. 84].

Такая противоречивость, конечно, повлекла за собой критику со стороны представителей противоположных концептуальных направлений. В частности, Г. П. Новоселов не без доли сарказма констатирует: «Пройдя путь не от частного к общему, а от общего к частному и фактически «запрограммировав» себя на необходимость понимания общественных отношений как объекта каждого преступления, советская уголовно-правовая наука за весь период своего существования так и не смогла создать теорию, способную устранить разногласия между декларируемым общим пониманием объекта преступления и его характеристикой в отношении конкретных составов преступлений. Не только ранее, но и в наше время сторонники критикуемой точки зрения в пределах Особенной части как объект преступления рассматривают личность, здоровье, честь, достоинство, конституционные права и свободы, общественную безопасность, конституционные принципы, мир и безопасность человечества и т. д. – то, что никак не может быть названо общественными отношениями как таковыми» [6, с. 23-24].

В. П. Емельянов также отмечает, что «даже самые активные сторонники этого постулата нередко «забывают» о нем при рассмотрении объектов конкретных преступлений», и приводит конкретные цифры об отсутствии упоминаний об общественных отношениях общим количеством указаний на объект преступления, содержащихся в конкретных учебниках [7, с. 10].

Между тем наиболее активные противники этого постулата «вспоминают» о нем, когда речь идет не об объекте преступления как явлении реальной действительности, а о признаках объекта в составе преступления на уровнях непосредственного, родового или общего составов. «Общественные отношения, – отмечает С.Б. Гавриш, – категория абстрактная, которую чаще всего подводят к закону как элемент состава преступления скорее по политическим, а не по

правовым соображениям. По своей природе, как и любая умственная модель, они нематериальны и бестелесны и имеют, по удачному замечанию В. Н. Кудрявцева, характер информационной связи. В действительности, при рассмотрении их как объекта преступления они служат как бы своеобразным мостиком между понятием состава преступления и понятием преступления, сочетая абстрактную умственную модель преступного с реальностью» [14, с. 910].

В. П. Емельянов, обратив внимание на противоречивость существующих в науке суждений относительно объекта преступления, делает следующий вывод: «Представляется, что проблема здесь кроется в отождествлении преступления как явления реальной действительности с признаками состава как информационных характеристиках его элементов ... Когда исследователи говорят об объекте преступления как благе или ценности, то, прежде всего, имеют в виду реальное посягательство, которое наносит реальный вред людям либо их общественным установкам или условиям существования. Если же исходить из трактовки преступления не как реального явления, а как понятия о нем, сформулированного в законе, то абстрактные понятия могут наполняться не конкретными явлениями, а обобщенными характеристиками о них, которыми могут образно называться интересы, а также общественные отношения» [15, с. 62-63].

Таким образом, ни активным сторонникам известного «постулата» не удастся безоговорочно распространить его на все объекты преступных посягательств, ни активным противникам не удастся отказаться от него окончательно и бесповоротно.

В этой связи обращают на себя внимание некоторые попытки своеобразного применения этих диаметрально противоположных концепций, когда исследователями, по сути, ставится знак равенства между благами, ценностями, сферами жизнедеятельности и теми общественными отношениями, которые складываются по поводу тех или иных благ, ценностей или в тех или иных сферах жизнедеятельности людей.

Так, М. И. Загородников, исследуя преступления против жизни, приходит к такому выводу: «При некоторых действиях наиболее отчетливо выступает как объект преступления именно индивидуум, человек и его интересы. К тому же отличительными особенностями объекта таких преступлений остаются социалистические общественные отношения» [16, с. 29].

В той же связи М. К. Аниязц пишет: «Каждое преступление в нашей стране посягает на общественные отношения ... в то же время на участников этих отношений. ... Однако это вовсе не означает, что непосредственным объектом данных преступлений является только личность, его жизнь. Вместе с личностью человека объектом этих преступлений являются общественные отношения» [17, с. 18]. Исследуя вопросы уголовной ответственности за посягательство на управленческую деятельность работников милиции и народных дружинников, П. В. Замосковцев указывает, что «объект данных преступлений определяется ... как порядок управления, совокупность общественных отношений, обеспечивающих порядок управления» [18, с. 4], а В. В. Мальцев, исследуя проблемы терроризма, утверждает, что объектом терроризма является «общественная безопасность (отношения, обеспечивающие безопасность неопределенно большого количества членов общества)» [19, с. 106].

По сути, такую же двуединую позицию по объекту преступлений занимает и В. М. Трубников, с той лишь разницей, что как первичный объект преступного посягательства он рассматривает общественные отношения, которые называет «социальной оболочкой», а как вторичные объекты – блага, ценности, сферу жизнедеятельности, находящиеся внутри социальной оболочки [20, с. 81-87]. В. М. Трубникову возражает В. П. Емельянов на том основании, что «далеко не все объекты преступных посягательств даже теоретически можно отнести к категории «социальная оболочка». По его мнению, «В. М. Трубников представил внутри социальной оболочки личность, человека, однако вряд ли можно представить внутри социальной оболочки такие жизненные реалии, которые реально существуют и находятся под охраной уголовного закона, как среду, воздушное пространство, море, воздух. Земля, недра и т. д. существовали задолго до возникновения различных социальных оболочек и в случае глобальных катаклизмов в один миг могут уничтожить любой социум» [7, с. 9].

Безусловно, социальная оболочка не может охватить собой природные явления, поскольку сам социум является продуктом и частью природы. Но при этом законы, регулирующие отношения между людьми, а через них с природой, принимаются в социуме, который от природы наделен способностью сознательного регулирования собственной деятельности, и законы эти в действительности охраняют не саму природу как таковую, а ее

отдельные полезные для социума свойства.

Любое влияние человека на природу получает положительную или отрицательную оценку в зависимости от того, как это влияние отразится на социуме, причинит ли оно вред той или иной социальной оболочке, будет ли для нее полезным или нейтральным, и оценка эта дается обществом, поскольку сама природа как вечно меняющийся мир не знает оценок. Причем в различных обществах различной может быть и оценка того или иного воздействия человека на природу, то есть одно и то же воздействие может расцениваться как полезное в одни времена или в одном обществе и как вредное в другие времена или в другом обществе.

Человек, общество и природа находятся в неразрывной диалектической взаимосвязи, поэтому причинение социально значимого вреда природе как важнейшей сфере жизнедеятельности людей неизбежно наносит ущерб обществу, общественным отношениям, которые сложились в обществе, и людям, которые составляют это общество. Да и сами эти категории – блага, ценности, сфера жизнедеятельности, общественные отношения, люди – рассматривать отдельно друг от друга можно лишь теоретически и со значительной долей условности, поскольку в реальной действительности они тесно связаны, переплетены и взаимно проникают друг в друга.

Блага и ценности начинают восприниматься людьми как таковые, будучи таким образом оцененными в обществе во время развития общественных отношений. При этом сами общественные отношения можно рассматривать как дарованное людям благо и неотъемлемую ценность и как одну из сфер их жизнедеятельности. В одном из учебников по Общей части уголовного права

Украины, подготовленном киевскими учеными, при рассмотрении объекта преступления (автор главы – Е. В. Фесенко) в качестве такого называются ценности, а структурными частями ценностей, охраняемых уголовным законом, три их разновидности: субъекты общественных отношений, блага, принадлежащие этим субъектам, предметы, вовлеченные в сферу этих отношений [21, с. 124-125], а в другом учебнике по Общей части уголовного права Украины, (авторы Национальной юридической академии Украины им. Ярослава Мудрого), при рассмотрении объекта преступления (автор раздела – В. Я. Таций) указывается: «Общепризнанно, что объектом преступления всегда выступает то благо, которому

преступлением наносится реальный ущерб или создается угроза причинения такого вреда. В науке уголовного права наиболее признанной является точка зрения, согласно которой объектом любого преступления есть охраняемые законом об уголовной ответственности общественные отношения» [22, с. 89].

Выводы. Таким образом, в уголовно-правовой науке существует две диаметрально противоположные концепции относительно объекта преступления, а именно: концепция, согласно которой объектом преступления является совокупность общественных отношений, и концепция, отрицающая первую, в соответствии с которой общественные отношения, будучи по своей сути абстрактной категорией, не могут выступать как реальные объекты конкретных преступлений.

Решая вопрос об объекте преступления, важно установить то, чему это деяние наносит непосредственный вред, а как мы это объект посягательства назовем – благом, ценностью, предметом общественных отношений или сферой жизнедеятельности людей - не суть важно. Гораздо важнее установить все присущие конкретному деянию свойства и с максимальной точностью отразить их в признаках состава преступления.

Литература

1. Гавриш С. Б. Уголовно-правовая охрана природной среды Украины. Проблемы теории и развитие законодательства / С. Б. Гавриш. – Х.: Основа, 1994. – 640 с.
2. Матишевський П. С. Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / П. С. Матишевський. – К.: Юрінком Інтер, 2000. – 272 с.
3. Курс уголовного права. Общая часть: учебник для вузов / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М.: ЗЕРЦАЛО, 1999. – Т. 1: Учение о преступлении. – 624 с.
4. Кривуля О. М. Чи можуть бути суспільні відносини об'єктом злочину? / О.М. Кривуля, В. М. Куц // Вісник Університету внутрішніх справ. Вип. 2. – Х., 1997. – С. 70-75.
5. Харченко В. Б. Уголовное право Украины. Общая и Особенная части: новое законодательство в вопросах и ответах: конспект лекций / В. Б. Харченко. – К.: Аттика, 2002. – 287 с.
6. Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления: методологические аспекты / Г. П. Новоселов. – М.: НОРМА, 2001. –

208 с.

7. Емельянов В. П. Понятие объекта преступлений в уголовно-правовой науке / В. П. Емельянов // Право і безпека. – 2002. – № 4. – С. 7-11.

8. Семикін М. В. Створення терористичної групи чи терористичної організації: кримінально-правове дослідження: монографія / М. В. Семикін, за заг. ред. В. П. Ємельянова. – Х.: Вид-во Нац. ун-ту внутр. справ, 2003. – 145 с.

9. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций / А. В. Наумов, 2-е изд., перераб. и доп. – М.: БЕК, 1999. – 590 с.

10. Панов М. Новий курс лекцій і сучасна російська кримінально-правова думка / М. Панов, В. Борисов, В. Ємельянов // Вісник Академії правових наук України. – 2000. – № 1. – С. 214-217.

11. Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А. А. Пионтковский. – М.: Госюриздат, 1961. – 666 с.

12. Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву / Б. С. Никифоров. – М.: Госюриздат, 1960. – 230 с.

13. Глистин В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений) / В. К. Глистин. – Л.: ЛГУ, 1979. – 128 с.

14. Гавриш С. Б. Теоретические предпосылки исследования объекта преступлений / С. Б. Гавриш // Право и политика. – 2000. – № 11. – С. 4-15.

15. Емельянов В. П. Концептуальные аспекты исследования объекта преступления / В. П. Емельянов // Право и политика. – 2002. – № 10. – С. 61-72.

16. Загородников Н. И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву / Н. И. Загородников. – М.: Госюриздат, 1961. – 276 с.

17. Анианц М. К. Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик / М. К. Анианц. – М.: Юрид. лит., 1964. – 212 с.

18. Замосковцев П. В. Уголовная ответственность за посягательства на управленческую деятельность работников милиции и народных дружинников по охране общественного порядка: Учебное пособие / П. В. Замосковцев. – Омск: Омская высшая школа милиции, 1980. – 56 с.

19. Мальцев В. В. Терроризм: проблема уголовно-правового урегулирования / В. В. Мальцев // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 104-107.

20. Трубников В. М. Новый взгляд на объект преступления / В. М. Трубников // Право і безпека. – 2002. – № 1. – С. 81-87.

21. Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / Г. В. Андрусів, П. П. Андрушко, В. В. Бенювський та ін.; за ред. П. С. Матишевського та ін. – К.: Юршком Інтер, 1997. – 512 с.

22. Кримінальне право України. Загальна частина: Підручник / М. І. Бажанов, Ю. В. Баулін, В. І. Борисов та ін.; за ред. М. І. Бажанова, В. В. Сташиса, В. Я. Тація. – К.-Х.: Юрінком Інтер-Право, 2002. – 416 с.

УДК 347.1

РОЛЬ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Мавлиханова Р. В.,

*к.ю.н., доцент, зам. начальника
научно-методического управления
Генеральной прокуратуры ДНР;*

Подсушная М. В.,

*зам. Генерального прокурора Генеральной прокуратуры
ДНР, старший советник юстиции*

В статье рассматривается роль и значение правовой доктрины в формировании гражданского законодательства Донецкой Народной Республики с учетом действующего законодательства и сформировавшихся в научной литературе мнений. Особое внимание авторы статьи уделяют, более чётким дефинициям понятий «проблема», «гипотеза», «теория», «закон» и их значения в формировании правовой системы государства. С точки зрения научного познания и исторического опыта государств постсоветского пространства, они классифицируют основные признаки построения гражданского законодательства с момента «рождения» мысли о необходимости данного процесса и до завершающего этапа в виде вступления нормативных правовых актов в законную силу. Для достижения отмеченной цели в статье ставятся и одновременно решаются задачи анализа сущности гражданского права, как самостоятельной отрасли права, в целом и его наиболее существенных

свойств, и направлений исследований, связанных с совершенствованием правовой природы гражданского законодательства.

Ключевые слова: гражданское право, проблема, гипотеза, теория, закон, законодательство, правовая доктрина, концепция, учение, общее право, континентальное право.

The article discusses the role and importance of the legal doctrine in the formation of the civil legislation of the Donetsk People's Republic with existing legislation and form opinions in the scientific literature. Particular attention the authors pay more than a clear definition of the term «problem», «hypothesis», «theory», «law» and their importance in the formation of the legal system of the state. From the point of view of scientific knowledge and historical experience of the post-Soviet states, they classify the main features of the construction of civil law from the moment of «birth» of the idea of the necessity of this process and to the final stage of accession in the form of legal acts in force. To achieve the objectives marked in the article are placed at the same time resolved analysis of the essence of the problem of civil law, as an independent branch of law in general, and its most important properties and areas of research related to the improvement of the legal nature of the civil law.

Keywords: civil law problem, hypothesis, theory, law, legislation, legal doctrine, concepts, doctrine, common law, civil law.

Постановка проблемы. Одним из наиболее важных направлений в деятельности молодого и развивающегося государства на сегодняшний день является принятие собственного Гражданского кодекса, как основного акта гражданского права с учетом прогрессивного опыта других суверенных государств. Вопросам формирования и развития гражданского законодательства, классификации видов и форм участников гражданских правоотношений, современного построения стилистики изложения норм гражданского права посвящено значительное количество исследований как отечественных, так и зарубежных правоведов, политологов, социологов и философов.

Анализ последних исследований и публикаций. Различные аспекты проблемы гражданского права исследовались в работах целого ряда отечественных и зарубежных авторов: В. А. Белов, Н. В. Галянтич, Р. Давид, В. В. Залеский, В. П. Кохановский, Т. Г. Лешкевич, Т. П. Матяш, М. Н. Марченко, К. П. Победоносцев, А. А. Подопригора, И. В. Спасибо-Фатеева, Т. Б. Фатхи, Р. Б. Шишка, Г. Ф. Шершеневич и др. учёных. Вместе с тем, правовых исследований, обобщающих проблемы развития гражданского законодательства в

настоящее время недостаточно.

Целью настоящей статьи является определение понятий «проблема», «гипотеза», «теория», «закон» и их значение в формировании правовой системы государства, с точки зрения научного познания и исторического опыта государств постсоветского пространства, классификация основных признаков построения гражданского законодательства с момента «рождения» мысли о необходимости данного процесса и до завершающего этапа в виде вступления нормативных правовых актов в законную силу. Для достижения отмеченной цели в статье ставятся и одновременно решаются задачи анализа сущности гражданского права, как самостоятельной отрасли права, в целом и его наиболее существенных свойств, и направлений исследований, связанных с совершенствованием правовой природы гражданского законодательства.

Изложение основного материала. Правовая доктрина любого государства выступает структурным компонентом любого научного познания, поэтому прежде чем говорить о ее роли в создании правовой системы Донецкой Народной Республики, необходимо определить само понятие правовой доктрины и ее место в процессе научного познания. В этой связи следует учитывать, что наука как знание, как процесс научного познания представляет собой определенную систему приобретения новых знаний.

С точки зрения философии к структурным компонентам теоретического познания относятся проблема, гипотеза, теория и закон [1]. В этой цепи закон (законы механические, социальные, законы природы, общества и мышления и п.п), по мнению ряда ученых, является ключевым элементом теории, которая есть не что иное как система законов, выражающих сущность, глубинные связи изучаемого объекта (а не только эмпирические зависимости) во всей его целостности и конкретности, как единство многообразного [2]. Поэтому к структурным компонентам науки как познания, мы считаем, следует отнести проблему, гипотезу и теорию. Проблема – форма теоретического знания, содержанием которого является то, что не познано человеком, но что нужно познать. Иначе говоря, знание о незнании, вопрос, возникающий в ходе познания и требующий ответа. Гипотеза – форма теоретического знания, содержащая предположение, сформулированное на основе ряда фактов, истинное значение которого неопределенно и нуждается в доказательстве.

В современной юридической литературе научную теорию принято рассматривать, как логически взаимосвязанную систему понятий и утверждений о свойствах, отношениях и законах некоторого множества идеализированных объектов. Сам термин «теория» в науке имеет разные значения. В наиболее широком смысле этот термин применяется как общая характеристика мышления. Обычно это имеет место при анализе соотношения теории и практики (когда теорией называют духовное, мысленное отражение реальной действительности, а под практикой понимают предметную, материально-преобразующую деятельность человека). Другое, нередко употребляемое понимание теории как некоторой доктрины, учения также имеет довольно широкое значение.

В науки философии традиционно выделяют следующие типы теорий: общая теория и частные (среднего уровня) теории, причем последние делятся на специальные и отраслевые. Применительно к праву это будет общая теория права и теории отдельных отраслей права, которые могут делиться на науки основных отраслей права (гражданское, административное, уголовное и др.) и комплексных отраслей права (предпринимательское, информационное, экологическое и др.).

Многие ученые – юристы современности, выделяет в составе науки гражданского права теорию гражданского права, куда они включает понятие частного и гражданского права и общие положения о науке гражданского права [2]. Получается, что теория гражданского права входит как составная часть в общую теорию права и одновременно она является составной частью гражданского права. Это означает, что теория гражданского права является комплексным образованием в системе правовой науки, входя одновременно в состав и общей теории права, и гражданского права.

Теории вырабатываются на различных уровнях познания истины: на начальной стадии формирования теории обычно ее именуют концепцией (общим замыслом), на более обстоятельном уровне – доктриной, при ее возрастании – конструкцией, учением, объединяющим уже несколько теорий, а наиболее важные направления, являющиеся результатом усилий многих исследователей, – школами. Иногда же термины «концепция», «доктрина», «учение» употребляются как однозначные понятия – теории. Таким образом, правовая доктрина означает не что иное, как

теория права.

Кроме этого, выделяются частные теории, что означает теории или доктрины отдельных отраслей права, например, о гражданско-правовой доктрине, уголовно-правовой доктрине, административно-правовой доктрине и т. п. Поэтому правовая доктрина лежит в основе выбора пути развития правовой системы государства. Столкновение правовых доктрин отраслевых наук приводит к выбору того или иного пути развития законодательства внутри правовой системы государства.

После обретения самостоятельности Донецкой Народной Республики прошло два года и перед ней сегодня все также остро стоит проблема выбора пути, по которому должно развиваться законодательство. И немаловажную роль в этом имеет выбор правовой доктрины, в соответствии с которой следует строить новую правовую систему Республики. В этой связи следует отметить, что выбор не очень большой, поскольку существует два основных варианта, приемлемых нам, это континентальное (романо-германское) право и англосаксонское (общее) право.

Общее право (*common law*), или как его еще именуют в теории англосаксонское право, в полной мере основано на судебных прецедентах и «праве справедливости», где особое внимание уделяется судебной процедуре, т. е. процессуальному праву и тем самым недооценивается роль материального права. При этом следует отметить, что в настоящее время положение дел в сфере общего права произошли существенные изменения, поскольку значительно упростилась судебная процедура.

В свою очередь, существенно обогатилось и стало более действенным материальное право. Юристы стран англо-саксонской правовой семьи стали больше внимания уделять изучению не только конкретных судебных решений, ставших прецедентом, но и анализу конкретных норм, институтов, а также принципов права. Однако, несмотря на все указанные изменения, стиль мышления юристов основанный на значимости судебного прецедента, порожденный вековыми традициями, сохраняется до сих пор [3].

Приоритетной для Донецкой Народной Республики является континентальная правовая система и поэтому, строя свою правовую систему необходимо взять все лучшее для себя из континентальной системы права. Континентальное право основано, прежде всего, на так называемом «писаном праве». Одной из отличительных черт

континентального права является особая значимость закона в системе источников права. Отмечая данную особенность следует акцентировать внимание на то, что в современных условиях в странах, правовые системы которых относятся к романо-германской правовой семье, как правило, считается, что для юристов лучшим способом установления справедливого, соответствующему праву решения является обращение именно к закону [4].

В настоящее время все страны континентального права объединены единой концепцией, согласно которой первостепенная роль должна быть признана за законом. Одной из особенностей концепции закона, в романо-германском праве, как раз и является то, что, *во-первых*, именно он – закон, а не любой другой источник права (прецедент, обычай, доктрина и т. д.), ставится в основу процесса формирования и развития данной правовой семьи и составляющих ее национальных правовых систем, равно как и в процессе создания и укрепления в странах романо-германского права, правопорядка. В основе приоритета закона перед всеми иными источниками права при этом лежат такие фундаментальные исторические, социальные, национальные и другие ценности народов Западной Европы, как общая и правовая культура, древние правовые и иные традиции, вековые социальные, правовые и другие обычаи.

Во-вторых, в основу концепции и содержания закона в этих странах традиционно закладывались всеобщие и вечные принципы разума и справедливости, которые нашли свое отражение и в гражданском законодательстве стран постсоветского пространства [4].

Применительно к гражданскому праву, как относительно самостоятельному праву государства, особую значимость, как источник права, имеет именно гражданский кодекс, в соответствии с которым успешно формируется и развивается рыночная экономика любого государства.

При формировании правовой системы Республики следует учитывать, что основные институты гражданского права (право собственности, юридическое лицо, договор) являются общими для различных правовых систем, формы их правового выражения различны. Попытки встроить в одну правовую систему чуждые ей элементы другой правовой системы права (такие как траст, право справедливости, отказ от уставного капитала в акционерном обществе и т. п.) кроме вреда ничего принести не могут. Поэтому

нельзя положения одной правовой системы бездумно применять в стране, относящейся к другой правовой системе.

Донецкая Народная Республика, безусловно, принадлежит к романо-германской правовой семье, где в основе гражданского (предпринимательского) законодательства должны лежать гражданский кодекс. При анализе состояния существующих правовых систем для формирования собственной, необходимо осторожно относиться к научным исследованиям и юридической практике, имея в виду, что не все достижения, имевшие место в зарубежных странах, приемлемы для нашей Республики.

В развитии гражданского законодательства ряда государств постсоветского пространства можно выделить три основных этапа: этап первый – это начальный этап становления гражданского законодательства, на котором разрабатывались Концепции формирования законодательства и принимались законы о собственности, о предприятиях, об иностранных инвестициях, о залоге и др., которые необходимо было принимать в первую очередь. На этом этапе принимались первые Конституции независимых государств, благодаря которым были сформированы основы современного общества и государства, политические институты и основные начала построения экономики государства.

Этап второй – этот этап характеризовался резким ускорением экономической и правовой реформы. На этом этапе уже принимался гражданский кодекс, который заложил основные принципы регулирования товарно-денежных отношений: равенство форм собственности и ее неприкосновенность, свобода договора, равенство субъектов гражданского оборота. На основе гражданского кодекса в ряде государств были сформированы основные пакеты законов, создавших условия для развития рыночной экономики: о земле, о нефти, о недрах и недропользовании, о государственном предприятии, об акционерных обществах, о банкротстве, об ипотеке, о страховании и т. п.

Третий этап – это этап экономической и правовой стабилизации современных государств. На этом этапе, назревает необходимость осмысления того, что сделано, систематизации и кодификации действующего законодательства. На основе неуклонного соблюдения принципа стабилизации законодательства проводятся ревизии законодательства, и законодатели приступают к созданию законов второго, а в некоторых сферах – и третьего поколения.

Выводы. В становлении и развитии гражданского законодательства, Донецкая Народная Республика будет не исключением, она уверенно проходит свой первый – начальный этап характерный принятием своей Конституции, которая сформировала основы современного общества и государства, политические институты и определила основные начала построения экономики государства [5].

Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что для Республики наступило время к переходу на второй этап развития гражданского законодательства, который, как отмечалось выше, характерен принятием Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики.

На этом этапе законодатель Донецкой Народной Республики станет перед серьезным выбором стратегических направлений развития гражданского законодательства и от того, какую правовую доктрину он выберет, во многом будет зависеть эффективность правового регулирования экономических отношений Республики.

Литература

1. Кохановский В. П., Лешкевич Т. Г., Матяш Т. П., Фатхи Т. Б. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 497 с.
2. Белов В. А. Гражданское право. Общая и особенная части: учебник. – М.: АО Центр ЮрИнфоР, 2003. – 938 с.
3. Давид Р. Основные правовые системы современности (Сравнительное право). – Москва, 1967. – 402 с.
4. Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права: учебник. – М.: ТК Велби, Изд-во проспект, 2008. – 768 с.
5. Конституция Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014г. № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/doc/>

ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Мавлиханов Р. И.,

*Генеральная прокуратура ДНР, старший прокурор
отдела проблем организации прокурорской деятельности
научно-методического управления,
юрист 3 класса*

Зажирей М.П.,

*Генеральная прокуратура ДНР, старший прокурор
отдела проблем участия прокурора в рассмотрении дел
судами научно-методического управления,
юрист 2 класса*

Институт компенсации морального вреда способствует наиболее полной защите нематериальных благ и личных неимущественных прав человека, что, бесспорно, служит становлению и укреплению демократического правопорядка в обществе. В этой связи данная статья имеет особое значение и актуальность. При этом она имеет не только теоретическую, но и практическую направленность, позволяя определить пути наиболее полной защиты интересов личности. Об актуальности рассматриваемой темы говорит и тот факт, что проблемы компенсации морального вреда активно обсуждаются сегодня в научной литературе и на страницах периодических изданий. Однако остаются еще принципиальные вопросы, по которым нет однозначной позиции ни в законодательстве, ни в науке.

Ключевые слова: нарушенное право, моральный вред, деловая репутация, возмещение.

Institute of non-pecuniary damage contributes to the most complete protection of non-material values and moral human rights, which, undoubtedly, is the establishment and strengthening of the democratic rule of law in society. In this context, this article is of particular importance and urgency. However, she has not only theoretical but also practical orientation, allowing you to specify the way the fullest protection of the individual's interests. The relevance of the topic is the fact that the problem of non-pecuniary damage being discussed today in the scientific literature and periodicals. However, there are still fundamental issues on which there is no clear position in law no in science.

Keywords: infringement of the right-pecuniary damage, the goodwill indemnity.

Постановка проблемы. Одной из общепризнанных черт правового государства является уровень обеспеченности прав и

свобод человека, верховенство общечеловеческих ценностей. Ряд основополагающих международно-правовых актов, касающихся прав и свобод человека, например, Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах предусматривают необходимость обеспечения основных прав человека. Конституция Донецкой Народной Республики ставит право на жизнь, здоровье, честь и достоинство в ранг неотчуждаемых прав личности, что предполагает, в числе прочего, эффективную охрану и защиту этих прав.

В настоящее время весьма нередки случаи нарушения гражданских прав, в связи с чем важнейшей задачей остается обеспечение наиболее справедливого, быстрого и эффективного восстановления нарушенного права и (или) возмещение причиненного вреда. Одним из видов вреда, который может быть причинен лицу, является так называемый «моральный вред».

Анализ последних исследований и публикаций. Различные аспекты проблемы возмещения морального вреда исследовались в работах целого ряда отечественных и зарубежных авторов: Е. А. Мичурина, А. М. Эрделевского, С. Н. Братуся, С. А. Беляцкина, М. Я. Шиминовой, О. С. Иоффе, Д. И. Мейер, Г. Ф. Шершеневича, Б. Лапицкого, К. М. Варшавского, И. Брауде, Л. А. Майданика, Л. И. Петражицкого, Н. Ю. Сергеевой, Ю. Калмыкова, П. Я. Трубникова, М. Н. Малеиной, Е. Е. Мачульской, Г. Г. Горщенкова, А. В. Шичанина, Н. В. Кузнецовой, К. Б. Ярошенко и др. учёных. Вместе с тем, правовых исследований, обобщающих проблемы возмещения морального вреда в настоящее время недостаточно.

Целью статьи является анализ института возмещения морального вреда в гражданском праве с привлечением слушателя к рассматриваемой проблематике, т. к. без желания граждан отстаивать свои права, все ожидаемые результаты ученых, так и останутся в стадии ожидания.

Актуальность. Донецкая Народная Республика, будучи молодым развивающимся государством, ставит перед собой одну из приоритетных задач по формированию эффективной системы защиты прав и свобод человека и гражданина.

В этой связи Конституция Донецкой Народной Республики (далее – Конституция) закрепляет основу государственной политики, которая заключается в обеспечении прав и свобод человека и гражданина, достойных условий его жизни.

Для развития и укрепления демократического, социального и правового государства необходимо признать высшей ценностью человека, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность. Кроме этого, в статье 3 Конституции закреплено, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность Донецкой Народной Республики, ее государственных органов и должностных лиц [1].

Изложение основного материала. Эффективную защиту нарушенных прав и свобод физических и юридических лиц обеспечивают нормы гражданского законодательства, которые направлены на возмещение не только материального, но и морального вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) субъектов общественных отношений.

Перечень охраняемых законом неимущественных благ закреплён в Конституции. Это право на жизнь, здоровье, честь, достоинство, имя, свободу, личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, пользование родным языком, свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной, не запрещенной законом экономической деятельности, причем в Конституции подчеркивается (п. 1 ст. 48), что этот перечень не должен толковаться как отрицание или умаление других общественных прав и свобод личности, упомянутые права имеют абсолютный характер [1].

На сегодняшний день в любом государстве институт морального (неимущественного) вреда занимает центральное место среди обязательств по возмещению вреда, поскольку проблема его возмещения касается в первую очередь защиты абсолютных прав физических и юридических лиц, которые создают в своей совокупности основу гражданских правоотношений. В законодательстве ДНР отсутствует единое определение понятия морального (неимущественного) вреда, не установлен четкий порядок и критерии определения его размера в денежном выражении.

Моральный вред является явлением недостаточно изученным и исследованным в науке, а потому вызывает значительный интерес. Поскольку практически каждое правонарушение имеет своим результатом определенные негативные последствия, такие, как уменьшение имеющихся имущественных и личных благ. Соответственно вред может быть имущественным (причиненным имуществу лица) и неимущественным, наносимого лицу

непосредственно. Если имущественный (материальный) вред имеет экономический смысл и подлежит денежной, стоимостной оценке, то вред, причиненный личности, не всегда может быть измерен деньгами, потому что носит неэкономический характер. В данном случае речь идет о неимущественном или моральном вреде [2].

Наличие морального вреда предполагает негативные изменения в психической сфере человека и выражается в претерпевании физических и душевных страданий. Одной из важнейших особенностей морального вреда является то, что эти негативные изменения, происходящие в сознании потерпевшего и форма их выражения в значительной степени, зависят от особенностей психики потерпевшего. Моральный ущерб, учитывая его сущность, невозможно возместить в полном объеме, так как он не имеет точных критериев имущественного выражения душевной боли, покоя, чести, достоинства личности. Даже сам человек, которому причинен моральный вред, не всегда может определить его размер, тем более в денежном эквиваленте. Учитывая это, на законодательном уровне не установлен четкий размер возмещения морального вреда, право определения его размера возложено на суд.

На современном этапе развития мирового сообщества проблема защиты прав и свобод человека и гражданина является одной из самых актуальных. Для урегулирования этих отношений принято ряд международных нормативных правовых актов, которые определяют человека высшей ценностью общества, а надлежащее обеспечение его прав и свобод – главной обязанностью демократического и правового государства. Эти идеи должны найти свое отражение и в законодательстве ДНР. Поскольку в странах с развитой правовой системой особое значение приобретает создание развитого механизма реализации прав и свобод человека, в частности права человека на компенсацию морального вреда [3].

В теории гражданского права, под моральным вредом понимаются потери неимущественного характера вследствие моральных или физических страданий, или других негативных явлений, причиненных физическому или юридическому лицу незаконными действиями или бездействием других лиц [4].

В связи с отсутствием в Республике правоприменительной судебной практики по рассматриваемой проблеме, считаем необходимым обратиться к разъяснениям Пленума Верховного Суда Украины и практике судов общей юрисдикции.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Украины «О судебной практике по делам о возмещении морального (неимущественного) вреда» № 4 от 31 марта 1995 года, а также в соответствии с положениями Гражданского кодекса Украины (далее – ГК), действующего на территории Республики в части не противоречащей Конституции, моральный вред может заключаться: в унижении чести, достоинства, а также деловой репутации физического или юридического лица; в нравственных страданиях в связи с увечьем или иным повреждением здоровья; в душевных страданиях, которые физическое лицо испытало в связи с уничтожением или повреждением его имущества; в нарушении прав, предоставленных потребителям, других гражданских прав; в незаконном пребывании под следствием и судом; в нарушении нормальных жизненных связей из-за невозможности продолжения активной общественной жизни, нарушении отношений с окружающими людьми; в других негативных последствиях (в связи с противоправным поведением относительно лица, членов его семьи или близких родственников и т. д.) [4].

В случае, если физическому лицу был причинен вред здоровью (незначительные повреждения человеку его лица, стойкое расстройство здоровья), которое подтверждается надлежащими доказательствами, или в случае наступления смерти лица, шансы на удовлетворение требований о взыскании морального вреда увеличиваются. В качестве примера, следует указать решение украинского суда о взыскании с лечебного учреждения морального вреда, который был причинен матери в связи со смертью ее дочери, наступившей вследствие врачебной ошибки. Именно это судебное решение может стать примером для других подобных ситуаций. К сожалению, все мы знаем, что сегодня существуют случаи, когда недобросовестные врачи умышленно ставят заведомо ложный диагноз, для того чтобы пациент пополнял его бюджет. Именно отчаяние, нервные срывы, затяжные депрессии наносят людям моральный ущерб [5].

Статьей 1167 ГК закреплены обязательства по возмещению морального вреда возникающие при наличии следующих обязательств: нарушение личных неимущественных прав или посягательства на другие нематериальные блага; неправомерные решения, действия или бездействия причинителя вреда; причинной связи между неправомерным поведением и моральным вредом; вины

причинителя вреда [6].

В соответствии с п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Украины «О судебной практике по делам о возмещении морального (неимущественного) вреда» № 4 от 31.03.1995 года, в исковом заявлении о возмещении морального (неимущественного) вреда должно быть указано, в чем заключается этот вред, какими неправомерными действиями (бездействием) он причинен и какими доказательствами он подтверждается. Факт причинения морального вреда должен доказать истец [5].

На сегодняшний день применение принципа, презумпции морального вреда прямо не вытекает из действующего законодательства. Но существует общее правило о распределении бремени доказывания. В частности, согласно ст. 60 Гражданского процессуального кодекса Украины (далее – ГПК): «каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений» [6]. Поэтому потерпевший должен доказать факт причинения ему морального вреда, чтобы суд решил вопрос о возмещении в его пользу.

Согласно ч. 2 ст. 57 ГПК средствами доказывания являются объяснения сторон, третьих лиц, их представителей, допрошенных в качестве свидетелей, показания свидетелей, письменные доказательства, вещественные доказательства, в частности звуко- и видеозаписи, заключения экспертов [7].

Взыскание морального вреда возможно также с органов государственной власти и местного самоуправления, который они причинили своими незаконными решениями, действиями или бездействием. Это предусмотрено ст.ст. 1173 – 1175 ГК. Так, ст. 1175 предусматривает возможность возмещения морального вреда, причиненного лицу в результате принятия нормативного правового акта, признанного незаконным и отмененного [4]. Однако данная норма фактически является «мертвой», так как на практике не работает и органы государственной власти и местного самоуправления не несут реальную ответственность за свои действия. Таким образом, необходимо развивать практику применения указанных норм гражданского законодательства, чтобы безнаказанность не породила беззаконие.

Примером из судебной практики Украины также является дело, когда судом было признано незаконным и отменено решение сельсовета о передаче гражданину в частную собственность

земельного участка на том лишь основании, что предварительное «промежуточное» решение сельсовета о предоставлении разрешения на разработку проекта отвода земельного участка не было зарегистрировано в журнале принятых таким сельсоветом решений.

Одной из важнейших проблем возмещения морального вреда является определение его размера, это обусловлено тем, что на практике в большинстве случаев потерпевшие определяют размер морального вреда не объективно. Поэтому фактически размер возмещения морального вреда определяется судом, руководствуясь характером и объемом физических и душевных страданий лица, характером его неимущественных потерь и прочее.

Необходимо отметить, что согласно действующему законодательству ДНР возмещение морального вреда возможно, как в денежной, так и в иной материальной форме (например, в виде автомобиля, лекарств) (п. 1 ч. 3 ст. 23 ГК) [4]. Пострадавшие, которые самостоятельно осуществляют свои гражданские права, имеют право дать согласие на предложение ответчика о возмещении ущерба в натуральном виде (определенными товарами или услугами) [8].

Следует помнить, что моральный вред возмещается независимо от имущественного ущерба, подлежащего возмещению, и не связан с размером этого возмещения (ч. 4 ст. 23 ГК). В соответствии со ст. 1190 ГК, в случае нанесения морального вреда неправомерно совершенными действиями нескольких лиц, размер возмещения определяется с учетом степени вины каждой из них [4].

Согласно ст. 1193 ГК размер возмещения морального вреда может быть уменьшен судом с учетом степени вины потерпевшего и материального положения ответчика (физического лица) [5].

Моральный вред, как правило, возмещается единовременно, но в случаях, установленных договором или законом, платежи по его возмещению могут иметь периодический характер.

Лицо освобождается от ответственности по возмещению морального вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине. Это является следствием действия в гражданском законодательстве презумпции виновности, суть которой заключается в том, что лицо, причинившее вред, считается виновным в этом до тех пор, пока не докажет отсутствие своей вины. Если в процессе исследования всех материалов дела не удастся опровергнуть эту презумпцию, то она является юридическим основанием для вывода о наличии вины причинителя вреда [8].

Выводы. Таким образом, на сегодняшний день институт возмещения морального вреда является одним из важнейших институтов гражданского права, поскольку направлен на обеспечение защиты, гарантированных Конституцией и ГК прав физических лиц. Его развитие возможно лишь при законодательном закреплении четкого размера возмещения морального вреда и порядка его определения, а также активной работе адвокатского и судейского корпуса, при обязательной поддержке со стороны государства.

И еще одним из главных условий, без которого развитие института возмещения морального вреда невозможно – это желание людей отстаивать свои права. Благодаря этому постепенно права человека действительно станут приоритетом для нашей Республики.

Литература

1. Конституция Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 г. № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/doc>

2. Петрук О. М. Компенсация морального вреда [Электронный ресурс]: метод. реком. / О. М. Петрук. – Режим доступа: <http://shpargalka.org.ua/r/0/805.html>. 2012 г.

3. Стацюк С. В. Вопрос о возмещении морального вреда [Электронный ресурс]: метод. реком. / С. В. Стацюк. – Режим доступа: <http://www.stvadm.gov.ua/index.php/upravlinnva-vustitsii/metodichni-rekomendatsiii/128-pytannia-shchodo-vidshkoduvannia-moralnoi-shkodv>

4. Назаров П. Экспертиза установления факта причинения моральных страданий (морального вреда) и размера их возможной компенсации [Электронный ресурс]: статья / П. Назаров. – Режим доступа: <http://expert-nazarov.com/index.php/vidi-expertizi-2/12-grazhdanskaya-ekspertiza/32-ekspertiza-ustanovleniya-fakta-prichineniya-moralnogo-vreda-i-razmera-ee-vozmozhnoj-kompensatsii>

5. О судебной практике по делам о возмещении морального (неимущественного) вреда: Постановление Пленума Верховного Суда Украины от 31 марта 1995 // Ведомости Верховной Рады Украины. – 1995. – № 4. – Ст. 28 января.

6. Гражданский кодекс Украины: Закон Украины от 16 января 2003 г., № 435-И V // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2003. – № 40-44. – Ст. 356.

7. Гражданский процессуальный кодекс Украины: Закон Украины от 18 марта 2004 г., № 1618 - IV // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2004. – № 40-41. – Ст. 492.

8. Саенко М. Возмещение морального вреда: от теории к практике [Электронный ресурс]: статья / М. Саенко. – Режим доступа: <http://jurliga.ligazakon.ua/news/2013/4/23/88957.htm>

УДК 346.1

КОММУНАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОСНОВА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Степанова О. Г.,

*ст. преподаватель кафедры хозяйственного права,
Донецкий государственный университет управления*

Определение имущественной основы местного самоуправления в Донецкой Народной Республике является ключевой проблемой организации эффективной деятельности местного самоуправления. В условиях государственной независимости возникает необходимость формирования самобытной системы самоуправления, экономической основой которой является собственность территориальных общин. Законодательство не имеет единых подходов к определению формы собственности территориальной громады. Также отсутствует единый нормативно-правовой механизм ее реализации.

Ключевые слова: коммунальная собственность, муниципальная собственность, территориальная община, местное самоуправление, экономическая основа местного самоуправления.

Determination of property bases of local government in Donetsk People's Republic is the key problem of performance management of local government. Under the conditions of state independence is necessary to form a distinctive system of government, the economic basis of which is the property of local communities. The legislation does not have a unified approach to the definition of the form of ownership of the territorial community. Also, there is no single regulatory mechanism for its implementation.

Keywords: municipal property, municipal property territorial community, local government, the economic basis of local government.

Постановка проблемы. В кругу проблем развития местного самоуправления в современных условиях особая роль принадлежит

утверждению правовых основ права собственности территориальных общин [1, с. 67]. В условиях государственной независимости возникает необходимость формирования самобытной системы самоуправления, экономической основой которой является коммунальная собственность. Эта система должна опираться на прошлый отечественный опыт, учитывать тенденции развития украинского общества и многолетний опыт муниципальных реформ в зарубежных странах.

Актуальность. Становление права собственности в современном обществе отражает то противоречивое положение, в котором оно сейчас оказалось. В условиях создания новой экономики в государстве чрезвычайной актуальности приобретает проблема реформирования коммунальной собственности. Теория гражданского права рассматривает право коммунальной собственности в объективном и субъективном смыслах [2, с. 109].

Право коммунальной собственности в объективном смысле – это совокупность правовых норм, которые устанавливают и охраняют принадлежащие материальные блага территориальным громадам села, поселка, города района в городе и определяют объем их правомочий на эти материальные блага.

Право коммунальной собственности в субъективном смысле – это закрепленные в нормах права возможности конкретных территориальных общин осуществлять владение, пользование, распоряжение и другие правомочия в отношении принадлежащего им имущества через местные советы соответствующего уровня или другие органы, созданные или уполномоченные территориальными общинами.

Термин «коммунальная собственность» происходит от понятий «коммуна», что в переводе с французского означает община, а с латинского – общий. В определенных зарубежных странах используется термин «муниципальная собственность» (в частности, в России, США, Великобритании) [3, с. 13].

Изложение основного материала. В дореволюционной России муниципализация получила свое развитие после 1905 года, когда Киевский всероссийский съезд городских деятелей единогласно высказался за муниципализацию [4, с. 65]. Законодательство советского периода определяло государство как единственного владельца всего государственного имущества. То есть, государственная собственность составляла единый фонд, все

государственное имущество, в чем бы оно ни было сосредоточено и в чьем бы владении ни находилось, принадлежало на праве собственности одному собственнику – Советскому государству. В период нэпа было осуществлено децентрализацию экономики. Для укрепления имущественных прав местных советов большое значение имели постановление ЦИК и СНК СССР от 9 января 1929 «Руководящие положения об имущественных правах местных советов» и постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 марта 1934 «О разграничении государственного имущества на имущество республиканского и местного значения». В них предусматривалось, что имуществом местного значения есть все государственное имущество, не отнесенное законодательством к имуществу общесоюзного и республиканского значения.

Коммунальная собственность (собственность административно-территориальных единиц), как и общегосударственная (республиканская) собственность, считалась разновидностью государственной собственности.

26 мая 1992, в анализируемый Закон «О местных Советах народных депутатов и местном и региональном самоуправлении» были внесены существенные изменения относительно содержания функций органов местного самоуправления как собственников коммунального имущества. Так, ст. 7 Закона определяла, что распоряжение коммунальной собственностью осуществляют от имени населения административно-территориальных единиц соответствующие сельские, поселковые и городские (кроме Киевской и Севастопольской городских) Советы народных депутатов и уполномоченные ими органы местного самоуправления.

Эти нормы противоречили в ст. 33 Закона «О собственности», согласно которой уполномоченные органы местного самоуправления наделены правом управления соответствующим имуществом от имени населения административно-территориальной единицы. Следовательно, в этом контексте под управлением следует понимать общерегулятивную функцию, которая может охватывать отдельные элементы всех трех правомочий собственника.

Фактически право коммунальной собственности в Украине начало осуществляться с принятием постановления Кабинета Министров Украины от 5 ноября 1991 г. № 311 «О разграничении государственного имущества Украины между общегосударственной (республиканской) собственностью и собственностью

административно-территориальных единиц (коммунальной собственностью)» а потом еще нескольких постановлений соответствующей направленности [5, с. 18]. Ими утверждался перечень объектов государственного имущества, которое передается в собственность административно-территориальных единиц. На этом этапе на коммунальную собственность распространялось правовое регулирование, установленное для государственной собственности.

В действующей Конституции ДНР определены принципиально новые правовые основы функционирования муниципальной собственности и ее экономической природы. Муниципальная собственность определяется как самостоятельная форма собственности, отделенная от государственной. Таким образом, возникает проблема правового положения формы собственности, на основе которой действуют местные советы.

Легальное определение права коммунальной собственности содержалось в ч. 15 ст. 1 Закона «О местном самоуправлении в Украине» как право территориальной общины владеть, целесообразно, экономически, эффективно пользоваться и распоряжаться по своему усмотрению и в своих интересах принадлежащим ей имуществом, как непосредственно, так и через органы местного самоуправления.

В рамках реформирования местного самоуправления важным является вопрос определения критериев разграничения коммунальной и государственной собственности. В научной литературе разграничение этих двух форм осуществляется по нескольким критериям.

1. По субъектам. Субъектом права государственной собственности является государство (за исключением исключительной собственности украинского народа). А субъектом права коммунальной собственности являются территориальные общины сел, поселков, городов, районов в городах.

2. По объектам. Объектом права государственной собственности может быть любое имущество, в том числе и такое, которое не может находиться в собственности других субъектов. Законодательством устанавливается перечень государственного имущества, подлежащего или не подлежащего приватизации. Объектом права коммунальной (муниципальной) собственности может быть любое имущество, за исключением того, что находится в исключительной государственной собственности.

3. По основаниям приобретения и прекращения права собственности. Законодательство предусматривает некоторые основания приобретения права государственной собственности, а также предусматривает, что не могут быть основаниями приобретения права коммунальной (муниципальной) собственности (например, национализация, конфискация).

4. По содержанию. Права собственника коммунальной (муниципальной) собственности могут быть ограничены, например, это касается права распоряжения (право распоряжения государственными дотациями).

5. По степени обобществления [6, с. 12]. Государственная собственность своим существованием обеспечивает функционирование государства как политико-правового феномена, а коммунальная собственность выступает экономической основой всей системы местного самоуправления в государстве. Без обеспечения субъектов местного самоуправления объектами коммунальной (муниципальной) собственности, которыми они могут распоряжаться по своему усмотрению и в интересах соответствующих территориальных общин, местное самоуправление превращается в фикцию. Именно поэтому назначение объектов собственности в обществе является одним из критериев отграничения коммунальной и государственной форм собственности.

Таким образом, в настоящее время сложилась ситуация, когда вопрос о месте законодательства о коммунальной (муниципальной) собственности приобретает особую актуальность. По нашему мнению, является неоспоримым необходимость в разработке и принятии закона ДНР, регулирующего отношения собственности с учетом новейших общественных требований и тенденций развития общественно-правовых отношений по обеспечению равных условий функционирования различных форм собственности, а также консолидированного нормативного акта, регулирующего исключительно отношения в сфере коммунальной собственности и устранил существующие коллизии в национальном законодательстве.

Имущественную основу обеспечения деятельности органов местного самоуправления составляет право муниципальной собственности, согласно ст.ст. 5, 82 Конституции ДНР, является самостоятельной и равноправной формой собственности наряду с государственной и частной. Главной задачей административно-территориальной реформы в ДНР является постепенный отход от

единого централизованного государственного управления и передача территориальным общинам, как самостоятельным органам полномочий и материальных ресурсов. Что позволит решить множество социальных проблем касающихся, в первую очередь, интересов местного населения и улучшению обеспечения граждан социальными услугами [7, с. 90]. Поэтому мы считаем, что назрела необходимость разработки единой правовой основы для развития и функционирования права коммунальной (муниципальной) собственности в ДНР.

В Украине самостоятельный и независимый характер коммунальной собственности был признан официально еще в Конституционном Договоре между Верховной Радой и Президентом Украины «Об основных началах организации и функционирования государственной власти и местного самоуправления на период до принятия новой Конституции Украины» от 08.06.1995 года [8]. В частности, ст. 5 данного акта определила, что собственность в Украине бывает общегосударственной, коммунальной, коллективной и частной. В то же время эта норма получила дальнейшее развитие в Конституции Украины от 28 июня 1996 года, где в ст. 41 закреплено, что «граждане для удовлетворения своих потребностей могут пользоваться объектами права государственной и коммунальной собственности» [9].

Обращает на себя внимание, что право «государственной» и «коммунальной» собственности изложены как однопорядковые термины. Отсюда следует, что коммунальная собственность не входит в состав государственной, а рассматривается как самостоятельная.

Кроме того, в ст. 5, 82 Конституции ДНР и в ст. 327 ГК Украины, который действует в настоящее время в ДНР, является норма о том, что право коммунальной (муниципальной) собственности принадлежит самостоятельным субъектам – территориальным общинам.

Территориальные общины – это жители сел или добровольное объединение жителей нескольких сел, поселков, города, являющихся самостоятельными административно-территориальными единицами. Тем самым Конституция последовательно проводит мысль о том, что муниципальная собственность является разновидностью публичной собственности. От имени и в интересах территориальных общин права субъектов коммунальной (муниципальной) собственности

осуществляют соответствующие местные советы. Это подтверждается и тем, что в научной литературе стало популярным характеризовать коммунальную собственность как публичную или общественную собственность. Некоторые авторы считают, что публичность коммунальной собственности вытекает из ее сути и поэтому необходимо легально определить эту собственность как вид публичной собственности [10, с. 98].

Следует отметить, что в настоящее время в специальной литературе отсутствует единство в научном определении понятия и содержания права коммунальной (муниципальной) собственности. Его определение содержится в проекте Концепции и ряде проектов закона о коммунальной собственности.

В частности, в проекте Концепции коммунальной собственности в Украине отмечается, что территориальная община имеет статус территориального коллектива граждан Украины и является коллективным собственником средств, объектов и имущества коммунальной собственности. Отсюда следует, что по своей экономической природе коммунальная собственность является коллективной формой собственности, поскольку отражает отношения коллективного присвоения жителями городов, сел, поселков и объединения сел средств, объектов и имущества этой собственности, их отношение к ним, как к своим.

Коллективность же предполагает равный для всех владельцев объем прав на имущество. Однако, ст. 82 Конституции ДНР признает носителем права коммунальной собственности не только территориальную общину, но и совет, который является представительным органом местного самоуправления. Именно сельские, поселковые, городские советы представляют соответствующие территориальные общины и осуществляют от их имени и в их интересах функции и полномочия местного самоуправления, определенные Конституцией Украины и законодательством. Это положение нашло отражение и в научной литературе, по мнению А. Чунаева коммунальную собственность следует характеризовать как коллективную собственность жителей населенных пунктов [11, с. 78].

Право коммунальной (муниципальной) собственности отличается от других форм собственности, в том числе и государственной, не по содержанию правомочий (оно абсолютно идентично у всех владельцев), а по характеру объектов и их

правовым режимом. Учитывая сказанное, мы можем определить право коммунальной собственности как право собственности территориальной общины.

Следует отметить, что не всякое имущество может принадлежать на праве собственности территориальным общинам. Его перечень должен быть ограничен целевыми рамками. Кроме того, в законодательном порядке необходимо определить виды имущества, которые могут находиться только в коммунальной (муниципальной) собственности. Правовой режим имущества коммунальной (муниципальной) собственности также необходимо закрепить в законодательстве. Здесь следовало бы уточнить критерии отнесения имущества к категории объектов права коммунальной (муниципальной) собственности.

Согласно ст. ст. 316-317 Гражданского кодекса Украины собственник по своему усмотрению владеет, пользуется и распоряжается принадлежащим ему имуществом. [12] Владение, пользование и распоряжение составляет правомочность владельца и совокупности характеризует право собственности. Каждое из указанных правомочий отдельно владелец может передавать другому лицу, не теряя при этом права владельца. Возможны и случаи, когда право владения, пользования и распоряжения одновременно находятся у лица, которое не является собственником имущества (например, право собственности на имущество, закрепленное за унитарным коммунальным предприятием).

Необходимо отметить, что имущественные операции, осуществляемые органами местного самоуправления с объектами права коммунальной (муниципальной) собственности, не должны ослаблять экономические основы местного самоуправления, уменьшать объем и ухудшать условия предоставления услуг населению.

В связи с этим, с целью обеспечения эффективной системы управления объектами права коммунальной собственности, решение проблемных вопросов использования имущества для нужд населения города Макеевка, городской совет своим решением от 24.03.2004 № 19/41 утвердил программу «Имущество общества – в пользу Макеевке» [13]. Необходимость в утверждении данной программы возникла из-за того, что механизм управления объектами коммунальной (муниципальной) собственности законодательно урегулирован слишком слабо и нет единого подхода к системе учета

объектов права коммунальной собственности в условиях рыночной экономики. Программа «Имущество общества – в пользу Макеевке» направлена непосредственно на совершенствование деятельности исполнительных органов городской власти в работе с системой учета объектов коммунальной собственности путем создания Реестра объектов права коммунальной собственности с применением компьютерных технологий. В данном Реестре может быть представлена информация о:

- перемещении объектов между балансодержателями;
- стоимости объектов (первичная, балансовая)
- техническом состоянии, характеристике объектов;
- общей площади;
- свободных помещениях, которые могут быть предоставлены в аренду;
- арендованных объектах;
- объектах, предоставленных в пользование государственным органам и другим организациям;
- коммунальных предприятиях и учреждениях (ФИО руководителя, юридические документы и др. виды деятельности);
- бесхозном имуществе, находящемся на учете.

Комплекс мероприятий, включенных в Программу, также направлен на преодоление неэффективного использования коммунального имущества, своевременное доведение информации о свободных помещениях (объектах) для передачи в аренду, получения доходов в бюджет города, обеспечение руководителей оперативной информацией о движении объектов права коммунальной собственности.

С указанными целями решением Макеевского городского совета от 24.03.2004 года утвержден Временный порядок приобретения территориальной общиной города Макеевка права коммунальной собственности на бесхозные недвижимые вещи, выморочное наследство и находки. В нем закрепляется порядок выявления бесхозных вещей и выморочного наследства, учет бесхозных недвижимых вещей, указываются основания приобретения права коммунальной собственности и, наконец, порядок распоряжения имуществом, которое перешло в коммунальную собственность территориальной общины города Макеевка [13]. Характерными чертами объектов права коммунальной собственности в Украине является то, что они, как правило, закреплены за отдельными

коммунальными предприятиями и учреждениями.

Практически всегда субъекты права коммунальной (муниципальной) собственности выступают через местные советы и их исполнительные органы, предоставляя им соответствующие полномочия. Объем этих полномочий устанавливается законодательством или в решениях соответствующих органов местного самоуправления (например, сессии местного совета). Отсюда субъектов, уполномоченных управлять коммунальной (муниципальной) собственностью, значительно больше, чем субъектов соответствующего права собственности. В связи с этим возникают вопросы о компетенции органов местного самоуправления по управлению объектами коммунальной (муниципальной) собственности, которые закреплены за предприятиями.

Последние имеют самостоятельное вещное право на закрепленное за ними имущество – право хозяйственного ведения, что, будучи ограниченным по сравнению с правом собственности, все-таки представляет их субъектам полномочия по владению, пользованию и распоряжению имуществом. Объем этих полномочий уже по сравнению с полномочиями владельца, поскольку субъекты права хозяйственного ведения не вправе безвозмездно отчуждать имущество. Их носители имеют также право на защиту, в том числе и от собственника.

Этого нельзя утверждать относительно компетенции органов, уполномоченных управлять коммунальной (муниципальной) собственностью. Эта компетенция противоречиво и непоследовательно закреплена в нормативных актах, регулирует рассматриваемые вопросы.

Уместно будет привести пример создания на основе решения Донецкого областного совета (от 25.12.98 г. № 23/4-71) общества с ограниченной ответственностью «Областная холдинговая компания», учредителями которой выступили Донецкий областной совет и Мариупольский городской совет. В виде вклада в Уставной фонд этого общества Донецким областным советом было внесено имущество коммунальных аптек как объекта права общей собственности территориальных громад области.

Анализируя это решение, один из ведущих специалистов в данной области И. В. Спасибо-Фатеева считает его неправомерным, обосновывая свою точку зрения тем, что в результате реализации решения областного совета территориальные общины потеряли свои

объекты права собственности, ничего не получив взамен, – ни корпоративных прав, ни средств. Вследствие такой внеправовой конструкции фактически свершилось безвозмездное отчуждение коммунального имущества, произошла подмена права на управление объектами коммунальной собственности правом распоряжения ими, а также нарушилось право полного хозяйственного ведения коммунальных аптек [20, с. 76].

Анализируя этот вопрос, следует обратить внимание на позицию Высшего арбитражного суда. Так, в Информационном листе Высшего арбитражного суда Украины от 17.08.98 г. № 01-8/314 дается разъяснение относительно того, имеют ли право сельские, поселковые, городские советы делегировать свои полномочия по отчуждению объектов коммунальной собственности другим органам и определяется, что для правильного разрешения спора о признании недействительным договора, это связанного с отчуждением объекта коммунальной собственности, хозяйственному суду следует выяснить, кто является собственником предмета этого договора, а в случае необходимости – есть решения сессий соответствующих советов о делегировании полномочий по этим вопросам областному совету. Из разъяснения арбитражного суда видно, что он поддерживает позицию областного совета и не видит в его действиях нарушений законодательства.

Поэтому мы считаем, что было бы разумнее в законодательном порядке определить права районных и областных советов как полноправных представителей интересов территориальных общин. Относительно общей собственности территориальных общин районные и областные советы должны иметь все полномочия субъективного права собственности непосредственно от территориальных общин без такого промежуточного органа, как сельские, поселковые, городские советы. И в случае, если территориальные общины или их местные советы примут решение об объединении имущества, объектов нескольких территориальных общин с определением своих долей, они могут делегировать полномочия по управлению ими районным и областным советам, установив ограничения в соответствии со своими правами собственника. В этой связи возникает необходимость распределения объектов общей собственности на две категории: общая совместная собственность и общая долевая собственность.

Думается, что такой подход будет соответствовать положениям действующего законодательства, ликвидирует промежуточное звено (сельские, поселковые, городские советы) относительно реализации территориальными общинами права собственности на объекты, которые находятся в общей собственности районов и областей (коммунальной (муниципальной) собственности).

В экономическом аспекте этот подход будет способствовать эффективному, оперативному управлению такими объектами, позволит выжить в условиях рыночной конкуренции предприятиям, основанным на общей коммунальной (муниципальной) собственности. Такой подход также учитывает сформированное административно-территориальное деление государства, организационную форму предприятий по оказанию услуг населению в рамках района или области и не требует дополнительных неоправданных расходов по их реорганизации.

Выводы. Таким образом, нельзя не признать, что коммунальная (муниципальной) собственность, хотя и выросла с государственной, в настоящее время имеет свою особую юридическую природу и должна рассматриваться как самостоятельная, независимая форма собственности. Следует также отметить, что в настоящее время имеет место известная непоследовательность и проблема в регулировании отношений коммунальной (муниципальной) собственности.

Во-первых, нет единого подхода к определению формы собственности территориальных общин, Конституция ДНР предусматривает муниципальную форму, но все остальное законодательство, действующее в Республике, предусматривает коммунальную форму собственности, что создает серьезную проблему в определении правовой природы и в использовании данного института в практической деятельности. И в этой связи считаем, что необходимо в первую очередь прийти к единому толкованию формы собственности территориальных общин и привести законодательство в единообразное соответствие.

Во-вторых, необходимо определить юридическую природу права коммунальной либо же муниципальной собственности и нормативно-правовой механизм реализации. При этом коммунальная (муниципальной) собственность должна рассматриваться в единстве ее хозяйственно-экономического содержания и направленности.

Литература

1. Музыка Л. Коммунальная собственность в Украине: законодательные и законопроекты // Право Украины. – 2000. – № 11. – С. 60 -64.
2. Право собственности в Украине: учеб. пособие / В. Дзера, Н. С. Кузнецова, А. А. Подопригора и др., под общ. ред. В. Дзери, Н. С. Кузнецовой. – М., 2000. – С. 12.
3. Кравченко В. И. Местные финансы Украины: учеб. пособие. – М.: Общество «Знание»; КОО, 1999. – С. 180.
4. Гринюк Р. Ф. Правовой статус коммунальных предприятий в Украине: дис... канд. юрид. наук: 12.00.04 / Донецк, Донецкий национальный университет. – 2001. – С. 32 .
5. Право собственности в Украине: учеб. пособие / В. Дзера, Н. С. Кузнецова, А. А. Подопригора и др., под общ. ред. В. Дзери, Н.С. Кузнецовой. – М., 2000. – С. 245.
6. Коммунальное право Украины: учеб. пособ. / В. Д. Волков, А. Г. Бобкова, Н. А. Захарченко и др. – Донецк: ДонГУУ, 1999. – С. 136.
7. Апанасенко К. Коммунальная собственность как самостоятельная форма собственности: признаки, соотношение с государственной формой собственности // Юридическая Украина. – 2003. – № 8. – С. 33.
8. Апанасенко К. Коммунальная собственность как самостоятельная форма собственности: признаки, соотношение с государственной формой собственности // Право Украины. – 2005. – № 10. – С. 35-38.
9. Конституционный Договор между Верховной Радой Украины «Об основных принципах организации и функционирования государственной власти и местного самоуправления в Украине на период до принятия новой Конституции Украины» от 8.06.1995 г. // Голос Украины-1995 от 18 июля 1995. – № 130. – С. 5-6.
10. Конституция Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/>
11. Смирнова Т. С. Теоретические основы местного самоуправления в Украине. – Автореф. дис... канд. юрид. наук (12.00.02). – К., 1998. – 22 с .
12. Закон Украины «О местном самоуправлении в Украине» // Ведомости Верховной Рады Украины. – 1997. – № 24. – Ст. 170.

13. Чунаев А. Какой видится муниципальная реформа // Перестройка государства. – 1996. – № 6. – С. 40-42.

14. Гражданский кодекс Украины: Закон Украины от 16 января 2003 г. // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2003. – № 44. – Ст. 356.

15. Решение Макеевского городского совета «Об утверждении Положения об аренде объектов коммунальной собственности территориальной общины города Макеевка» от 19.08.2005 г. № 35/56.

16. Решение Макеевского городского совета «Об утверждении Методики расчета и порядка использования платы за аренду объектов коммунальной собственности территориальной общины города Макеевка» от 13.08.2005 г. № 35/55.

17. Решение Макеевского городского совета «Об утверждении программы «Имущество общества – в пользу макеевчанам» от 24.03.2004 г. № 19/41.

18. Решение Макеевского городского совета «Об утверждении Временного порядка приобретения территориальной общиной города Макеевка права коммунальной собственности на бесхозные недвижимые вещи, выморочное наследство и находки» от 24.03.2004 года № 19/54.

19. Решение Донецкого областного совета «О реорганизации Донецкого ОПО «Фармация» и коммунальных аптек» от 25.12.1998 года № 23/4-71.

20. Спасибо-Фатеева И. В. Метаморфозы собственности или доморощенные холдинги // Предпринимательство, хозяйство и право. – 1999. – С. 27-30.

21. Информационное письмо Высшего арбитражного суда Украины «О некоторых вопросах практики применения отдельных норм действующего законодательства в решении споров от 27.08.1998 г. № 01-8/333 // Вестник Высшего арбитражного суда Украины. – 1998. – № 4.

СТАНОВЛЕНИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Денисова М. М.,
к.ю.н., Донецкий государственный университет управления

В данной статье рассмотрены проблемы становления судебной системы в непризнанных государствах. Исследованы нормативно-правовые акты непризнанных государств, созданных на территории постсоветского пространства, посвящённых системе, структуре и принципам судопроизводства. Обоснована необходимость создания военных судов. На основе проведенного исследования автором предлагается обеспечить в полном объёме все демократически принципы судопроизводства, создания эффективной системы судебного разрешения споров по поводу права, воплощения в жизнь судейского самоуправления.

Ключевые слова: правосудие, судебная система, непризнанное государство, нормативно-правовой акт, судебная власть.

This article describes the problems of formation of the judicial system in the unrecognized states. Abstract regulations unrecognized states created on the territory of the former Soviet Union, devoted to the system, structure and principles of the proceedings. The necessity of the establishment of military courts. On the basis of the research the author proposes to provide in full all the democratic principles of justice, establishing an effective system of judicial settlement of disputes over rights, realization of the judicial authorities.

Keywords: justice, the judicial system, an unrecognized state, regulatory-legal act, judicial authority.

Постановка проблемы. Государственно-правовым феноменом XX – начала XXIII века стало формирование ряда политических образований, существующих в настоящее время в статусе непризнанных государств. Характер и причины появления таких форм государственности в различных регионах мира может отличаться. Тем не менее, представляется возможным говорить о существовании непризнанных, частично признанных и виртуальных государств. Существование отмеченного феномена порождает целый ряд проблем юридического характера. Одной из наиболее важных нам видится вопрос создания органов судебной власти и отправления правосудия в непризнанных государствах.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросы становления судебной системы в непризнанных государствах являются предметом исследования многих отечественных и западных ученых, а именно: А. Г. Большаков, П. Н. Лукичев, А. Н. Сквозников, А. Г. Шиломенцев, С. Ф. Чебан и другие.

Цели исследования. Настоящая статья имеет целью рассмотреть формирование законодательства о системе и структуре судебных органов непризнанных государств. При этом в качестве основной задачи нам видится исследование нормативно-правовых актов непризнанных государств, созданных на территории постсоветского пространства, посвящённых системе, структуре и принципам судопроизводства.

Актуальность. Закон «О судебной системе Донецкой Народной Республики» представляет собой профильный нормативно-правовой акт в сфере правосудия, определяющий правовые основы организации судебной власти в Донецкой Народной Республике и осуществления правосудия её субъектами – судами. Как отмечают в Комитете по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, в представленном законопроекте отсутствует ряд норм, устанавливающих основные условия и порядок назначения судей в Верховный Суд, и другие суды, входящие в судебную систему Донецкой Народной Республики; определяют порядок назначения судей на административные должности, основания и порядок освобождения их от занимаемых должностей, полномочия Председателя Верховного Суда и председателей других судов; определяют, что Президиум Верховного Суда Донецкой Народной Республики является высшим судебным органом, пересматривающим судебные решения в порядке надзора. «В законопроекте отсутствуют положения, регулирующие правовой статус судов, как юридических лиц, деятельность аппаратов судов и Судебного департамента», – пояснили в Комитете НС ДНР.

Каждый суд, включая специализированные суды и Верховный Суд, должен иметь свой аппарат, в количестве работников соответствующем количеству судей и объёму работы. Однако, как отмечают депутаты Народного Совета, аппараты судов первой инстанции не должны входить в состав Судебного департамента Верховного Суда и подчиняться ему.

В свою очередь, судебный департамент должен быть юридическим лицом, основной задачей которого должна быть

организация финансирования судов, входящих в судебную систему Донецкой Народной Республики. Также парламентарии отметили, что законопроект необходимо дополнить статьёй о порядке формирования, задачах, полномочиях и процедуре оценки знаний Высшей квалификационно-дисциплинарной комиссией судей ДНР. «На законодательном уровне необходимо закрепить основания и порядок привлечения судей к дисциплинарной ответственности, чтобы исключить любое воздействие на судей при осуществлении ими правосудия, в том числе со стороны лиц, занимающих административные должности, как в судебной системе, так и в государстве», – пояснили члены Комитета. Принятие законопроекта «О судебной системе Донецкой Народной Республики» в первом чтении возможно, но со внесением предложенных изменений и замечаний.

Изложение основного материала. Законопроект «О статусе судей» Проект Закона Донецкой Народной Республики «О статусе судей» был разработан в целях соблюдения конституционных прав граждан и организаций на судебную защиту, обеспечения социальной стабильности в обществе. Судьями, в соответствии с законопроектом «О статусе судей» являются лица, наделённые полномочиями осуществлять правосудие и исполняющие свои обязанности на профессиональной основе.

Судья является носителем судебной власти, ему принадлежит одна из высших государственных должностей с соответствующим государственным обеспечением. Статус судьи является не личной привилегией, а государственным средством, призванным обеспечивать гражданам и юридическим лицам правовую защиту их прав и законных интересов [1].

Таким образом, для беспристрастного и справедливого отправления правосудия кандидат на должность судьи должен иметь опыт работы в области права, высокие профессиональные навыки и моральные качества, поэтому в законопроекте, на наш взгляд, необходимо указать более высокие требования к лицам, претендующим на назначение судьями. «В переходных положениях законопроекта указано, что к лицам, подавшим заявления до принятия закона, при назначении в Верховный Суд и суды первой инстанции не применяются требования законов по возрасту и стажу, и они не должны сдавать квалификационный экзамен. Эти предписания законопроекта создают неравные условия для

кандидатов на должность судьи и не отвечают потребностям судебной системы в квалифицированных кадрах», – отметили в Комитете НС ДНР по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству. Депутаты также отметили недочёты в статье 19 законопроекта «Дисциплинарная ответственность судей».

По мнению народных избранников, следует указать, что вопросы привлечения судей к дисциплинарной ответственности должна разрешать Высшая квалификационно-дисциплинарная комиссия судей. «Вопросы приостановления или прекращения полномочий судей, приостановления или прекращения отставки судей должен разрешать орган, назначающий судей, то есть Народный Совет по согласованию с Главой Донецкой Народной Республики, а не Президиум Верховного Суда», – такое мнение высказали члены Комитета. «Основным полномочием председателей судов должна быть организация работы суда, как самостоятельного юридического лица в целом, которая включает организацию деятельности судей по отправлению правосудия, руководство аппаратом суда, решение кадровых вопросов в отношении работников аппарата суда, в том числе привлечение их к дисциплинарной ответственности и другие. Соответственно законопроект требуют доработки», – подчеркнули депутаты.

С учётом высказанных замечаний, члены Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству считают, что возможно принятие законопроекта «О статусе судей» в первом чтении, но с его доработкой ко второму чтению и внесением изменений в статьи.

Согласно Постановлению Совета Министров Донецкой Народной Республики № 40-2 от 22.10.2014 года «О судебной системе»: в соответствии с Конституцией ДНР, правосудие в Республике осуществляется Верховным Судом, судами общей юрисдикции, специализированными судами».

Судебная система ДНР состоит из Верховного Суда, городских и районных судов общей юрисдикции, военных судов, арбитражного суда.

Высшая судебная власть принадлежит Верховному суду. В его ведении находятся системы уголовного, гражданского, административного, торгового и налогового правосудия, он является высшей апелляционной инстанцией по соответствующим делам [2].

Свою деятельность органы судебной власти Донецкой Народной Республики основывают на общепризнанных принципах и нормах права и в соответствии с Конституцией Донецкой Народной Республики, действующем законодательстве.

На сегодняшний день правосудие в Республике осуществляют 44 судьи, назначенные на должность Указами Главы ДНР. В настоящее время штатная численность судей укомплектована не в полном объеме, продолжается процесс формирования судейского корпуса.

По состоянию на сегодняшний день Арбитражным Судом Донецкой Народной Республики принято к производству 67 дел и материалов. Всего рассмотрено 35 дел и материалов, остальные находятся в производстве.

Всего, по данным высшей судебной инстанции, в Республике ведут свою деятельность два судьи Арбитражного суда, каждый из них в среднем за месяц рассматривает около пяти экономических споров.

Высшей судебной инстанцией в ДНР является Верховный Суд Донецкой Народной Республики. По состоянию на 3 декабря 2015 года, Верховным Судом Донецкой Народной Республики по первой, кассационной и надзорной инстанциям принято к производству 2 065 судебных дел и материалов. Рассмотрено 1573 судебных дела и материала, что составляет 76,17 процента от общего количества дел и материалов, принятых к производству.

Вместе с тем одной из важных тенденций развития судопроизводства в некоторых непризнанных республиках на территории СНГ является формирование и деятельность военных судов. Так, 17 августа 2014 г. на первом заседании Президиум Совета министров ДНР принял два постановления: № 27-1 «Об утверждении «Положения о Военных Судах Донецкой Народной Республики» и «Об утверждении Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики». Проекты данных нормативно-правовых актов представил и. о. генпрокурора ДНР Эдуард Якубовский.

В настоящее время в республике открыто шесть межрайонных судов в Донецке, Харцызске, Макеевке и Горловке. Харцызский межрайонный суд также обслуживает территорию Ждановки, Зугреса, Иловайска, Кировского, Снежного, Тореза и Шахтерска.

В соответствии с приказами Председателя Верховного Суда Донецкой Народной Республики в городе Макеевке созданы

Центрально-Городской и Горняцкий межрайонные суды, которые обслуживают территорию Центрально-Городского, Кировского, Червоногвардейского, Горняцкого и Советского районов в пределах их административно-территориальных границ.

20 ноября 2014 в ДНР был введён институт военно-полевых судов, которые и ранее действовали на территории этого государства. Они будут действовать в районах военных действий и в районах, где введено военное положение, в юрисдикцию данных судов вошли уголовные дела по составам: неподчинение приказу командира, убийство, государственная измена, шпионаж, диверсия, умышленное уничтожение имущества, мародёрство, разбой, грабёж, хищение и повреждение военного имущества, уклонение от военной службы или дезертирство. В состав военно-полевого суда должны входить один судья и два народных заседателя из числа военнослужащих.

Система военных судов двухзвенная. К нижнему звену относятся военно-полевые суды, которые рассматривают преступления, совершенные военнослужащими в должности до командира роты. Верхнее звено включает военные трибуналы, которые занимаются правонарушениями командиров батальонов и выше [3].

5 сентября 2014 года был подписан Закон ЛНР № 29-1, предусматривающий создание в этом государстве системы военных судов. Согласно нормам данного правового акта, военные суды Луганской Народной Республики являются судами общей юрисдикции, входят в судебную систему Луганской Народной Республики, осуществляют судебную власть в Вооружённых Силах Луганской Народной Республики, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых законом предусмотрена военная служба и иные полномочия в соответствии с законами Луганской Народной Республики.

Военные суды создаются по территориальному принципу по месту дислокации воинских частей и учреждений Вооружённых Сил Луганской Народной Республики, других войск, воинских формирований и органов. Военные суды располагаются в открытых для свободного доступа местах.

Закон также предусматривает, что Военный Трибунал Луганской Народной Республики создаётся Советом министров Луганской Народной Республики в составе председателя, его заместителя, не менее пяти судей, секретаря трибунала и двух

секретарей судебного заседания.

Выводы. Таким образом, создание системы органов судебной власти в непризнанных государствах является одной из важных задач реализации конституционно-правового принципа разделения властей. Непризнанные государства стремятся воплотить в жизнь защиту прав, свобод и законных интересов своих граждан, для чего создают нормативно-правовую базу организации судопроизводства и систему органов судебной власти [4].

Однако перед непризнанными республиками стоит задача обеспечения в полном объёме всех демократических принципов судопроизводства, создания эффективной системы судебного разрешения споров по поводу права, воплощения в жизнь судейского самоуправления [5]. Отмеченные вопросы могут быть предметом дальнейшего исследования.

Литература

1. Большаков А. Г. Непризнанные государства постсоветского пространства в системе российских национальных интересов. // Политэкс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/413/>

2. Лукичев П. Н., Скорик А. П. Квазигосударственность // Полис. – 2001. – № 2.

3. Сквозников А. Н. Применение права непризнанных государственных образований. // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2013. – 1. – С. 21-29.

4. Шеломенцев А. Г., Берг Д. Б., Дорошенко С. В. Особенности становления платёжных систем непризнанных республик. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.Nvemtemet.-mcommunity/5643488/post370161261/

5. Чебан С. Ф. Правовой аспект жизнедеятельности государства в условиях непризнанного статуса // Приднестровье XXI: Интернет-издание Тираспольской школы политических исследований. Выпуск №37 (Май) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pmr-1.info/text.php?cat=55&name=pravovov+aspect+iiznedevatelnosti+g osudarstva&arch=onsite>

ПРИЗНАКИ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Разбейко Н. В.,

ассистент каф. хозяйственного права,
Донецкий государственный университет управления

В статье изучаются понятие «хозяйственное правовое регулирование» и такой его элемент как юридический факт. Анализируются признаки юридических фактов в хозяйственных отношениях сравнительно с признаками юридических фактов других отраслей права.

Ключевые слова: признаки юридических фактов, хозяйственные отношения, хозяйственное правовое регулирование.

A concept «economic legal adjusting» and such his element as a legal fact are studied in the article. The signs of legal facts are analysed in economic relations comparatively with the signs of legal facts of other fields of law.

Keywords: signs of legal facts, economic relations, economic legal adjusting.

Постановка проблемы. Истоки доктрины юридических фактов берут истоки из римского права, когда лицо обращалось за документальным подтверждением того или иного факта в случае потери документов об этом событии. Теория юридических фактов возникла из потребностей практики и применяется также и на современном этапе развития общества, что подчеркивает актуальность исследований по этой тематике.

Анализ последних исследований и публикаций. Различные аспекты этой проблематике привлекали внимание отечественных и зарубежных ученых, что нашло свое отражение в трудах С. С. Алексеева, О. С. Иоффе, В. Б. Исакова, С. Ф. Кечекьяна, О. А. Красавчикова, Р. О. Халфиной.

В теории хозяйственного права юридические факты рассматривались О. П. Вихровим. Им проведена их классификация, в которую входят: непосредственно закон или другой нормативно-правовой акт, акт управления хозяйственной деятельностью, хозяйственный договор или другое соглашение, нарушение требований закона, создания объектов интеллектуальной

собственности, заявление или обращение субъекта ведения хозяйства к субъекту организационно-хозяйственных полномочий, другие действия или события, с которыми закон связывает наступление правовых последствий в сфере организации хозяйствования [1, с.15-16].

Объекты и методы исследования. Можно утверждать, что рассмотрению особенностей юридических фактов в хозяйственных отношениях все-таки внимания уделено недостаточно. В связи с этим ставятся такие задания: исследовать и определить общие и специальные признаки юридических фактов в хозяйственных отношениях.

Цель статьи – выяснить существуют ли какие-нибудь особенные признаки юридических фактов в хозяйственных отношениях сравнительно с юридическими фактами других отраслей права. Следовательно, нуждаются в более основательном изучении особенности механизма хозяйственно-правового регулирования, функциональные связи между элементами отрасли хозяйственного законодательства в целом, ее институтами, категориями (например, такими понятиями, как «юридический факт» и «хозяйственное правовое регулирование»).

С учетом специфики темы, цели и заданий исследования, автор применил следующие методы: диалектический метод (предоставил возможность определить не только признаки юридических фактов в хозяйственных отношениях, но и место юридических фактов в системе правовых понятий); логический метод (его применение позволило получить новое юридическое знание о природе и структуре признаков юридических фактов в хозяйственных отношениях как логично завершенного понятия); сравнительно-правовой метод использован при анализе признаков юридических фактов в хозяйственных отношениях сравнительно с признаками юридических фактов других отраслей права.

Эмпирическую базу проведенного исследования составили обобщения судебной практики Высшим хозяйственным судом Украины, обобщения практики, которые содержатся в отечественной и зарубежной научной литературе.

Изложение основного материала исследования. В теории права Украины юридические факты и хозяйственные правовые отношения входят как отдельные части в большее понятие – «хозяйственное правовое регулирование». Данный вопрос уже

рассматривался автором [2], на основе разработанного академиком Ю.С. Шемшученко понятия «правовое регулирование» [3]. Однако, в процессе изучения роли юридических фактов в определении метода хозяйственного права [4] установлена специфика и признаки юридических фактов как элемента метода хозяйственного права, которые отличают их от элементов методов правового регулирования других отраслей права. В связи с этим возникла потребность уточнить раньше предоставленное определение понятия.

Хозяйственное правовое регулирование – одно из средств государственного влияния на хозяйственные общественные отношения с целью их упорядочивания и обеспечения:

- 1) роста деловой активности субъектов хозяйствования;
- 2) развития предпринимательства и на этой основе – повышения эффективности общественного производства;
- 3) социальной направленности в соответствии с требованиями Конституции;
- 4) утверждения хозяйственного порядка в экономической системе страны;
- 5) содействие ее гармонизации с другими экономическими системами (как указано в преамбуле Хозяйственного кодекса Украины, в дальнейшем тексте – ХКУ) [5].

Правовой хозяйственный порядок формируется на основе оптимального сочетания рыночного саморегулирования экономических отношений субъектов хозяйствования и государственного регулирования макроэкономических процессов, исходя из конституционного требования ответственности государства перед человеком за свою деятельность (ст. 5 ХКУ).

Предмет хозяйственного правового регулирования – хозяйственные общественные отношения (по поводу хозяйственной деятельности), упорядочивание которых невозможно без использования норм хозяйственного права.

Хозяйственное правовое регулирование обеспечивается с помощью специально созданного механизма.

Главными составными элементами этого механизма являются:

- а) нормы права (нормы права – фундамент механизма правового регулирования);
- б) юридические факты, то есть конкретные жизненные обстоятельства, с которыми связанные возникновения, изменение или прекращение хозяйственных правовых отношений (в том случае акты

реализации прав и обязанностей участников хозяйственных отношений, то есть действия субъектов в пределах предписаний соответствующих правовых норм);

в) собственно хозяйственные правовые отношения, то есть общественные отношения по поводу хозяйственной деятельности, опосредствованные нормами права;

г) процессуально-правовой аспект юридических фактов и хозяйственных отношений (процедура установления, доказывания и др.);

д) ответственность относительно нарушителей норм хозяйственного права (то есть претерпение ими неблагоприятных последствий).

Следовательно, ранее предлагалось признавать главными составными элементами механизма хозяйственного правового регулирования:

а) нормы права;

б) юридические факты; в) правовые отношения;

в) акты реализации субъектов отношений;

г) правовые санкции.

Поскольку юридические факты по волевому признаку разделяются на действия и события [6], а к действиям относят как вид юридических фактов и акты реализации субъектов отношений, то нет потребности выделять как отдельный элемент механизма правового регулирования такую разновидность юридических фактов, как акты реализации.

В этом исследовании предлагается объединить такие элементы механизма хозяйственного правового регулирования, как юридические факты и акты реализации субъектов отношений. На подтверждение такой точки зрения можно привести выводы ученых о том, что действия в зависимости от направленности воли субъекта на достижение определенных правовых последствий разделяются на юридические поступки и юридические акты.

Юридические акты – это действия, направленные на достижение правового результата. Граждане, государственные органы и другие субъекты, которые совершают юридические акты, целеустремленно создают, изменяют или прекращают правовые отношения для себя или других субъектов.

Также вместо такого элемента вышеуказанного механизма, как «правовые санкции», внесено уточнение «ответственность

относительно нарушителей норм хозяйственного права». То есть правовая санкция – это элемент нормы права (гипотеза, диспозиция и санкция), поэтому не следует выносить его как отдельный элемент механизма хозяйственного правового регулирования, поскольку норма правая в целом признана большинством ученых одним из главных составных элементов механизма правового регулирования. Поэтому вместо такого элемента вышеуказанного механизма, как «правовые санкции», предлагается включить такой элемент, как «ответственность», сущность которой заключается не только в применении к правонарушителям (физическим и юридическим лицам) предусмотренных законодательством санкций, но и в претерпении правонарушителями неблагоприятных экономических последствий своей неэффективной хозяйственной деятельности. Именно такое определение понятия «ответственность» поддерживается коллективом авторов [7].

Новым в вышеуказанном определении главных составных элементов механизма хозяйственного правового регулирования является процессуально-правовой аспект юридических фактов и хозяйственных отношений (процедура установления, доказывания и др.). На поддержку такого определения можно привести высказывание ученых относительно возможности сочетания материально-правовых и процессуально-правовых компонент.

Так, О. П. Вихров, анализируя организационно-хозяйственные обязательства из осуществления контроля над соблюдением антимонопольно-конкурентного законодательства, отметил, что эти обязательства в целом выступают преимущественно как материально-правовые, поскольку связаны с реализацией норм материального права. Вместе с тем их можно рассматривать и как процессуально-правовые в той части, которая опосредствует процедуру (порядок) осуществления контроля. Причем в последнем варианте они выступают как процессуально-регулирующие [8].

В. В. Джунь обосновал положение, что право банкротства органично сочетает материально-правовую и процессуально-правовую компоненты [9].

Следовательно, если хозяйственные отношения можно рассматривать и как материально-правовые, и как процессуально-правовые, то допустимо, что и соответствующие им юридические факты могут иметь такие характеристики. Это утверждение предлагается ввиду того, что юридические факты являются

основаниями возникновения, изменения и прекращения правоотношений, в том числе материально-правовых и процессуальных. И если хозяйственные отношения имеют двойной характер, то и юридические факты должны иметь такой характер, поскольку в ином случае хозяйственные отношения вообще не могли бы возникнуть, ведь соответствующие юридические факты не имели бы потенциала быть основанием их возникновения.

В теории права признаки юридических фактов разделяются на общие и специальные. К общим признакам принадлежит то, что юридические факты – это жизненные обстоятельства, которые:

1) заключаются в наличии или отсутствии определенных явлений материального мира;

2) имеют конкретное содержание, существуют в определенном месте и времени;

3) несут информацию о состоянии общественных отношений, которые входят в предмет правового регулирования;

4) имеют внешнее выражение: абстрактные понятия, мысли, духовная жизнь человека не могут быть юридическими фактами;

5) прямо или опосредствовано предусмотрены нормами права;

6) зафиксированы в установленной законодательством процессуальной форме;

7) вызывают юридические последствия, предусмотренные нормами права [6].

Следует согласиться с тем, что факты действительности приобретают юридический характер, который выражается в их общих признаках, которые свойственны и фактам в правовом регулировании хозяйственных отношений:

1) заключаются в наличии или отсутствии определенных явлений материального мира, поэтому имеют конкретное содержание, существуют в определенном месте и времени;

2) имеют внешнее выражение, поэтому факты должны быть зафиксированы в определенной форме (например, соглашение, вывод Торгово-промышленной палаты, конклюдентные действия сторон договора, постановление суда в делах о банкротстве и тому подобное);

3) предусматриваются нормами права;

4) факты вызывают установленные нормой правовые последствия (то есть вызывают возникновение, изменение или прекращение субъективных прав и обязанностей участников

хозяйственных отношений).

Специальные признаки юридических фактов в правовом регулировании хозяйственных отношений:

1. Материально-правовые.

• Юридические факты по общему правилу разделяются на действия и события. Поэтому, систематические действия субъектов хозяйствования в сфере общественного производства, направленные на достижение экономических и социальных результатов (с целью получения прибыли или без цели получения прибыли), следует расценивать как юридические факты. Следовательно, на основании этого следует рассматривать хозяйственную деятельность (ст. 3 ХКУ) как юридические факты.

• Юридические факты всегда вызывают последствия стоимостного характера, то есть имеют ценовую определенность при осуществлении хозяйственной деятельности (ст. 3 ХКУ – сумму договора, стоимость земли, цену иска и др.). Исключением из правил, на первый взгляд, может быть смерть предпринимателя, поскольку это непоправимая потеря как для общества в целом, так и для его родственников, которую обычно незачем рассматривать со стоимостной стороны. Однако смерть предпринимателя является юридическим фактом, который прекращает хозяйственные отношения (например, договорные отношения).

Смерть предпринимателя прекращает его хозяйственную деятельность, которая имела ценовую определенность. Поэтому этот факт рассматривается и как таковой, что имеет стоимостный характер и ценовую определенность. Как удачно отмечено Н.Б. Солтис, смерть как фактическое обстоятельство – это жизненное обстоятельство (событие), которое привело к физиологичному прекращению существования физического лица. Смерть как юридическое обстоятельство – это официальная констатация события в форме государственной регистрации юридического факта [10].

• Юридические факты субъекты хозяйствования вынуждены дополнительно документально фиксировать и удостоверить, для их функционирования в правовом регулировании хозяйственных отношений, для ведения бухгалтерского учета и учета налоговых обязательств (так, необходимо непрерывно, последовательно, полно, со дня регистрации до дня ликвидации вести бухгалтерский учет и финансовую отчетность; хозяйственные операции должны быть отображены в учетных регистрах в том отчетном периоде, в котором

они были осуществлены; информация, которая содержится в принятых к учету первичных документах, систематизируется в регистрах синтетического и аналитического учета путем двойной записи их на взаимосвязанных счетах бухгалтерского учета; основанием для бухгалтерского учета хозяйственных операций являются первичные документы, которые фиксируют факты осуществления хозяйственных операций; первичные документы должны быть составлены во время осуществления хозяйственной операции, а если это невозможно – непосредственно после ее окончания).

В этом заключается отличие юридических фактов в хозяйственных отношениях от юридических фактов в гражданских отношениях. Последние, кроме определенной формы внешнего выражения (например, письменное соглашение), не нуждаются в дополнительном ведении бухгалтерского учета и финансовой отчетности. И только для ведения хозяйственных операций (действий или событий, которые вызывают изменения в структуре активов и обязательств, собственном капитале субъекта хозяйствования) предусмотрена обязанность ведения бухгалтерского учета и финансовой отчетности. Однако сам процесс ведения бухгалтерского учета и финансовой отчетности – это систематические действия по контролю и упорядочению обрабатывания данных на основании первичных документов, во время которых они систематизируются на счетах бухгалтерского учета в регистрах синтетическо-аналитического учета путем двойной записи их на взаимосвязанных счетах бухгалтерского учета.

Такие действия также можно рассматривать как юридические факты – сложные юридические факты в хозяйственных отношениях могут в качестве элементов включать не только юридические факты и юридически значимые условия, но и процессуальные юридические факты.

- Наличие договорных принципов в определении юридических фактов. Так, стороны договора самостоятельно устанавливают, как именно должны производиться определенные действия, которые входят в состав хозяйственной деятельности (например, поставка товара железной дорогой на подъездной путь покупателя возможна лишь в случае ссылки на ЕТП в соглашении о поставке между продавцом и покупателем). Этот признак отличает юридические факты в правовом регулировании хозяйственных отношений от

трудовых, криминальных, административных, налоговых, бюджетных, конституционных отношений. Так, предоставление правового значения (характера) тем или другим обстоятельствам в сфере бюджетных отношений зависит от воли законодателя, а не от участников правоотношений, хотя без них эти обстоятельства могли бы и не наступить [11]. Необходимо различать гражданские договора (обязательства) и хозяйственные. Например, некоторые авторы убеждены, что в отличие от гражданско-правовых обязательств, главной чертой которых считается формально-юридическое равенство кредитора и должника, особенности хозяйственных договорных обязательств заключаются в том, что кредитор и должник:

1) могут иметь разный статус, находясь в состоянии субординации (субъект хозяйствования – субъект организационно-властных полномочий);

2) могут находиться в состоянии фактического (экономического) неравенства, сглаживание которого (в частности, в виде предотвращения злоупотребления правами экономически более сильной стороной) должно обеспечиваться законодательно (нормами о недействительности условий договора присоединения; правилами о публичных обязательствах субъектов хозяйствования, публичными договорами; законодательством о защите экономической конкуренции и тому подобное) [12].

• Юридический факт, который является универсальным (общим) для любых оснований хозяйствования, это – регистрация субъекта хозяйствования в Едином государственном реестре юридических лиц и физических лиц-предпринимателей, поскольку он есть:

1) обязательным фактом для формирования любого основания хозяйствования;

2) является основным юридическим фактом в совокупности юридических фактов, которая предопределяет возникновение хозяйственных правоотношений. Эти признаки отличают универсальный юридический факт для оснований хозяйствования от универсального юридического факта для любых оснований наследования, которым есть смерть наследодателя [10], или от универсального юридического факта для любых оснований возникновения правоотношений в сфере трудового права, которым есть заключение трудового договора [13].

• Факты-презумпции (например, презумпция действительности договора, то есть договор признается действительным до тех пор, пока он не признан судом недействительным) и факты-фикции (предположение и признание субъекта предпринимательской деятельности – физического лица безвестно отсутствующим) в сфере хозяйствования отличаются от таких фактов в других сферах жизнедеятельности человека. Так, в семейном праве активно используется презумпции (при рождении ребенка в браке, мужчина матери считается отцом этого ребенка; презумпция действительности брака, то есть брак признается действительным до тех пор, пока он не признан судом недействительным) [14] и фикции (запись отца ребенка, рожденного не в браке, по фамилии матери; запись фамилии, имени, отчества, места рождения найденного ребенка, если его родители неизвестны);

2. Процедурные.

• Юридические факты устанавливаются по специальной процедуре (например, засвидетельствование факта создания юридического лица, путем внесения соответствующих записей в Едином государственном реестре юридических лиц и физических лиц-предпринимателей; в процессе хозяйственного судопроизводства; в процессе нотариального удостоверения договора на недвижимое имущество; на сессионном заседании местного совета по утверждению проекта землеустройства отведения земельного участка для эксплуатации существующего здания и передачи земельного участка в постоянное пользование; согласование протокола разногласий к договору в 20-дневной срок; на основе первичных документов бухгалтерского учета; путем составления определенного акта согласно требованиям Инструкций П-6 и П-7 и др.).

3. Процессуальные.

• Юридические составы в хозяйственных отношениях имеют специфические особенности – для возникновения правоотношений, вытекающих из решения хозяйственных споров (хозяйственных процессуальных отношений), необходимо, как минимум, три обязательных элемента (юридических фактов): наличие между определенными субъектами хозяйствования хозяйственных отношений (сферу хозяйственных отношений представляют хозяйственно-производственные, организационно-хозяйственные и внутрихозяйственные отношения); возникновение между сторонами

спора; обращение одной из сторон спора в хозяйственный или третейский суд.

• Юридические факты хозяйственных отношениях имеют процессуальные отличия их установления (что отличает эти факты от юридических фактов гражданского права, гражданского процесса) – это невозможность установления юридических фактов на основании свидетельских показаний, вещественных доказательств, в частности звуко- и видеозаписей (как это предусмотрено в ст. 57 Гражданского процессуального кодекса Украины) [15]. Кроме того, в отличие от норм указанного кодекса, которым предусмотрена возможность рассмотрения судами в порядке отдельного судопроизводства дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение, Хозяйственный процессуальный кодекс Украины (далее по тексту - ХПКУ) [16] не содержит положений относительно подведомственности таких споров хозяйственным судам. Следовательно, категория споров относительно установления определенных юридических фактов в правоотношениях между субъектами хозяйствования не подведомственна хозяйственным судам. Такие факты могут устанавливаться хозяйственным судом во время разбирательства дела, то есть в случае, когда истец обращается с иском о защите своих нарушенных или оспариваемых прав и охраняемых законом интересов.

• Юридические факты в хозяйственных отношениях имеют процессуальные отличия их установления, которое отличает эти факты от юридических фактов трудового права, уголовного процесса. Так, судопроизводство в хозяйственных судах осуществляется на принципах состязательности. Каждая сторона должна довести те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и отрицаний; дополнительные доказательства принимаются апелляционным судом, если заявитель обосновал невозможность их предоставления суду первой инстанции по причинам, которые не зависели от него; в апелляционной инстанции не принимаются и не рассматриваются требования, которые не были предметом рассмотрения в суде первой инстанции; суд, принимая решение, имеет право выходить за пределы исковых требований, если это необходимо для защиты прав и законных интересов истцов или третьих лиц с самостоятельными требованиями на предмет спора и об этом есть ходатайство заинтересованной стороны.

. Юридические факты в определенных случаях не подлежат доказыванию. Статья 35 ХПКУ определяет основания, при которых лица освобождаются от обязанности доказывать факты. Факты, установленные решением хозяйственного суда во время разбирательства одного дела, не приходится доказывать вновь при решении других споров, в которых участвуют те же стороны (при этом необходима полная тождественность субъектного состава спора). Решение суда по гражданскому делу, которое набрало законную силу, является обязательным для хозяйственного суда относительно фактов, которые установлены судом и имеют значение для решения спора. Факты, которые в соответствии с законом считаются установленными, не приходится доказывать вновь при разбирательстве дела (например, автору произведения принадлежат и авторские права). Приговор суда по уголовному делу, который набрал законную силу, является обязательным для хозяйственного суда при решении спора по вопросам: имели место или нет определенные действия и кем они совершены (здесь субъектный состав участников спора значения не имеет). В иных случаях вопрос относительно вины конкретных лиц решается хозяйственным судом самостоятельно по результатам исследования всех обстоятельств и материалов дела, в том числе материалов следственных органов. Однако факты, установленные в постановлении органа дознания, следователя, прокурора о закрытии уголовного дела, не являются обязательными для хозяйственного суда. Кроме того, на данный момент ХПКУ не определяет как такие, что не подлежат доказыванию, обстоятельства, установленные в судебных актах административных судов. Поскольку согласно ст. 111 ХПКУ во время разбирательства дела в кассационном порядке хозяйственный суд кассационной инстанции не вправе устанавливать или считать доказанными обстоятельства (факты), которые не были установлены в судебном решении хозяйственного суда или отклонены им; решать вопрос о достоверности или недостоверности того или другого доказательства, о преимуществе одних доказательств над другими, в постановлениях суда кассационной инстанции вообще невозможно устанавливать новые факты. Кассационная инстанция в этом случае может только направить дело на новое рассмотрение в первую или апелляционную инстанции.

. Юридические факты в хозяйственных отношениях устанавливаются, регулируются не только с помощью

Хозяйственного и Хозяйственного процессуального кодексов, хозяйственного законодательства, но и с помощью Гражданского кодекса Украины [17].

• Юридические факты в сфере хозяйствования относительно земли не всегда порождают хозяйственные правоотношения. Так, не может возникать право собственности на земельные участки по решению суда путем установления факта, который имеет юридическое значение.

Выводы. Таким образом, исследуемые выше особенности хозяйственно-правовых фактов качественно отличают их от юридических фактов, которые являются основаниями возникновения, изменения и прекращения правоотношений других отраслей права.

Факты действительности в сфере хозяйствования приобретают юридический характер, который выражается в их общих и специальных признаках.

Общие признаки юридических фактов в правовом регулировании хозяйственных отношений – это качества, критерии юридических фактов, которые являются универсальными для юридических фактов большинства отраслей права.

Специальные признаки юридических фактов в правовом регулировании хозяйственных отношений – это качества, критерии юридических фактов, которые отличают юридические факты как основания возникновения хозяйственных правоотношений от юридических фактов других отраслей права.

Рассмотренные выше предложения будут способствовать всестороннему научно-практическому анализу отношений, которые складываются в процессе регулирования хозяйственной деятельности.

Литература

1. Віхров О. П. Організаційно-господарські правовідносини: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.04 / О. П. Віхров; Ін-т екон.-прав. досліджень НАН України. – Донецьк, 2009. – С. 15-16.

2. Разбейко Н. В. Юридичні факти в механізмі господарсько-правового регулювання // Економіко-правові дослідження в ХХІ віці: історія, сучасний стан та перспективи удосконалення господарського законодавства: матеріали Першої міжнародної науково-практичної Інтернет-конференції (м. Донецьк, 16-18 лютого 2009 р.) / Інститут економіко-правових досліджень, НАН України. – Донецьк: Вебер,

2009. – С. 260-265 // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.hozpravo.com.ua/conferences/uchastnik/index.php?ELEMENT_ID=178&spphrase_id=1405

3. Великий енциклопедичний юридичний словник / За ред. акад. НАН України Ю. С. Шемшученка. – К.: Юридична думка, 2007. – 992 с.

4. Разбейко Н. В. Роль юридичних фактів у визначенні методу господарського права / Інститут економіко-правових досліджень, НАН України. – Донецьк: Вид-во «Вебер». – 2013 // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.hozpravo.com.ua/conferences/uchastnik/index.php?ELEMENT_ID=694&spphrase_id=405

5. Господарський кодекс України від 16 січня 2003 р. № 436-IV // Офіційний вісник України. – 2003. – № 11. – Ст. 462.

6. Загальна теорія держави і права: [Підручник для студентів юридичних вищих навчальних закладів] / М. В. Цвік, О. В. Петришин, Л. В. Авраменко та ін.; за ред. д-ра юрид. наук, проф., акад. АПрН України М. В. Цвіка, д-ра юрид. наук, проф., акад. АПрН України О. В. Петришина. – Х.: Право, 2009. – 584 с.

7. Хозяйственное право: учебник / В. К. Мамутов, Г. Л. Знаменский, В. В. Хахулин и др.; под ред. Мамутова В. К. – К: Юринком Интер, 2002. – 863 с.

8. Віхров О. П. Організаційно-господарські зобов'язання у сфері обмеження монополізму і захисту конкуренції / О. П. Віхров // Вісник Донецького Національного Університету, Сер. В: Економіка і право, Вип. 1. – Т. 2, 2011. – С. 377-382.

9. Джунь В. В. Теоретико-прикладні проблеми реформування законодавства України про банкрутство: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.04 / В.В. Джунь; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. – К., 2009. – 30 с.

10. Солтис Н. Б. Юридичні факти в процесі формування підстав спадкування на етапі відкриття спадщини // Приватне право і підприємництво. – К., 2010. – № 9. – С. 44-48 // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://archive.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/ppip/2010_9/Soltis.pdf

11. Данилюк Ю. Поняття та особливості юридичних фактів у конституційному праві / Ю. Данилюк // Право України. – 2008. – № 2. – С. 13-17.

12. Беляневич О. А. Теоретичні проблеми господарського договірнього права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.04 / О. А.

Беляневич; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. – К., 2006. – 34 с.

13. Плахотта Н. А. Юридичні факти у сучасному трудовому праві // Вісник Запорізького юридичного інституту Дніпропетровського державного університету внутрішніх справ. – 2010. – № 3. – С. 48-54 // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://archive.nbuv.gov.ua/-portal/soc_gum/VZjui/2010_3/10pnaml.pdf

14. Маркосян А. В. Юридические факты в семейном праве Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М.: РГБ, 2007. – 206 с.

15. Цивільний процесуальний кодекс України // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/main/a#Find>

16. Господарський процесуальний кодекс України // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/main/a#Find>

17. Цивільний кодекс України // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/main/a#Find>

УДК 342.6

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Ворушило В. П.,

*к.ю.н., доцент, зав. кафедрой административного права,
Донецкий государственный университет управления*

Тутова Т. В.,

*студентка группы юр 16-м/з, Донецкий
государственный университет управления*

Статья посвящена проблемам становления и развития системы исполнительной власти в Донецкой Народной Республике. Автором проанализирована система исполнительной власти и определены основные проблемные моменты, которые подлежат теоретическому и практическому решению. Рассматриваются методы и формы деятельности органов исполнительной власти в условиях становления правового государства в Донецкой Народной Республике.

Ключевые слова: исполнительная власть, система, органы исполнительной власти, формы и методы деятельности.

The article deals with the problems of formation and development of the system of executive power in the Donetsk People's Republic. The author analyzed the system of executive power and the main problem points, which are subject to the theoretical and practical solution. The methods and forms of activity of executive bodies in the conditions of the rule of law in the People's Republic of Donetsk.

Keywords: executive power, system, executive power bodies, forms and methods of activity.

Постановка проблемы. Конституционная система Донецкой Народной Республики (ДНР) содержит в себе ряд принципов и особенностей, которые задают объективные проблемы в построении и функционировании системы органов исполнительной власти, в осуществлении её становления и модернизации. Речь идет о двойственности (дуалистичности) системы исполнительной власти. Фактически сложилось разделение полномочий исполнительной власти между Главой республики и Советом Министров ДНР.

Анализ последних исследований и публикаций. Некоторые вопросы данной проблемы были подробнее рассмотрены и проанализированы в исследованиях и публикациях таких ведущих российских ученых-правоведов, как: Бачило И. Л., Габричидзе Б. Н., Елисеева Б. П., Козловой Е. И., Кутафина О. Е., Хаманевой Н. Ю., Чиркина В. Е. и других.

Но, не смотря на то, что в данной проблематике проведено много научных исследований, ещё остаются вопросы требующие дальнейшего научного анализа и изучения.

Система органов исполнительной власти осуществляет исполнительную и распорядительную деятельность. На данную систему исполнительной власти возложена организационно-управленческая, исполнительно-распорядительная деятельность, осуществляемая определенными органами государства и должностными лицами на основе и во исполнение законов с целью обеспечения повседневного (текущего) функционирования государства и его аппарата.

Актуальность. На сегодняшний день в Донецкой Народной Республике особое значение приобретает эффективное функционирование исполнительной власти, создание оптимальной системы органов, осуществляющих повседневное государственное управление. Исполнительная власть является объективной необходимостью, она все чаще выступает как организующая

деятельность государства. Именно эта ветвь власти обладает разветвленной системой органов с многочисленным кадровым составом государственных служащих, как в центре, так и на местах.

Цель статьи – разобраться в сущности исполнительной власти и организации системы ее органов в ДНР. Выделить проблемные моменты развития системы исполнительной власти в процессе становления молодого государства. Определить пути развития системы органов исполнительной власти.

Изложение основного материала исследования. Исполнительная власть – это главный рабочий инструмент, реализующий политику государственной власти как целостной системы (целостности всех ветвей и уровней власти) и законы, которые эту политику выражают и исходят от законодательной власти. Работа аппарата исполнительной власти гарантирует исполнение функций органами данной ветви власти.

Орган исполнительной власти – это организация, представляющая собой структурно обособленную единицу государственной администрации, посредством которой реализуются управленческие функции исполнительной власти, и совершается юридически значимые действия от имени государства.

Основная задача органов исполнительной власти – осуществление управленческих полномочий в отношении иных субъектов административно-правовых отношений. Специфику административно-правового статуса любого органа исполнительной власти определяют его функции и задачи, которые он реализует в процессе управления от имени государства в объеме и пределах своей компетенции.

В пределах своей компетенции органы исполнительной власти наделяются необходимой для их нормального функционирования оперативной самостоятельностью. Задачи, место и роль органов управления в государственном аппарате, закрепляются в конституционных и обычных актах [7, с. 162].

Функции органов исполнительной власти – исполнять законы и следить за их исполнением, что и отражено в названии этих органов. Законодательные органы творят законы, органы исполнительной власти их исполняют, претворяют в жизнь. Органы исполнительной власти наделены правом принимать решения по своему усмотрению, но в рамках закона, и издавать нормативные правовые акты, а также ненормативные акты – акты применения права (например, приказы

или распоряжения о назначении государственных служащих на соответствующую должность). Все они должны основываться на законах и соответственно конкретизировать и развивать их, то есть быть подзаконными. Деятельность по изданию подзаконных нормативных актов и их реализации называются распорядительной [3, с. 134].

Органы исполнительной власти обладают общими родовыми признаками:

- представляют собой автономные части государственного аппарата;
- это организованный коллектив людей;
- коллектив имеет юридическое оформление (устав, структура, система);
- осуществляют государственные функции от имени и по поручению государства;
- выполняя эти функции, действуют и от своего имени;
- обладают собственной компетенцией, государственно-властными полномочиями;
- несут ответственность перед государством за свою деятельность;
- их положение, структура и деятельность регламентирована правом;
- учреждаются государством [5, с. 165].

Таким образом, орган государственного управления (исполнительной власти) – это организованный коллектив, образующий самостоятельную часть государственного аппарата, наделенный компетенцией, выполняющий публичную функцию, структура и деятельность которого регламентируется нормами права.

Система органов исполнительной власти, призванная исполнять функции государственной власти ДНР, представляет собой организованную на базе общих принципов закрепленных в Конституции ДНР, задач и целей целостности органов, возглавляемых Советом Министров ДНР и наделенных государственно-властными полномочиями по осуществлению управления.

Согласно ст. 75 Конституции ДНР исполнительную власть в ДНР возглавляет Глава ДНР, осуществляет Совет Министров ДНР и иные органы исполнительной власти ДНР в соответствии с Конституцией и законами ДНР [1].

В соответствии со ст. 5 Закона ДНР «О системе органов исполнительной власти Донецкой Народной Республике», органы исполнительной власти ДНР взаимодействуют в следующих формах:

1. административного подчинения;
2. согласования и координации;
3. нормативного правового регулирования;
4. заключения договоров и соглашений;
5. в иных формах.

Согласно ст. 9 Закона, систему органов исполнительной власти ДНР составляют:

1. Совет Министров ДНР;
2. министерства ДНР;
3. государственные комитеты ДНР;
4. службы ДНР;
5. агентства ДНР;
6. инспекции ДНР;
7. иные органы исполнительной власти ДНР.

Совет Министров ДНР является постоянно действующим высшим органом исполнительной власти Донецкой Народной Республики. Совет Министров ДНР формирует Глава ДНР в соответствии с Конституцией ДНР.

Министерство ДНР – республиканский орган исполнительной власти ДНР, проводящий государственную политику и осуществляющий функции по нормативно-правовому регулированию, контролю в установленной сфере деятельности, а также координирующий в установленных случаях деятельность в этой сфере иных органов исполнительной власти ДНР.

Государственный комитет ДНР – орган исполнительной власти ДНР, проводящий государственную политику и осуществляющий функции по нормативно-правовому регулированию, контролю и надзору в установленной сфере деятельности, оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом, если это предусмотрено положением об указанном органе.

Служба ДНР – орган исполнительной власти ДНР, осуществляющий функции по контролю и надзору, а также специальные функции в установленной сфере деятельности.

Агентство ДНР – орган исполнительной власти ДНР, осуществляющий в установленной сфере деятельности функции по оказанию государственных услуг, по управлению государственным

имуществом и правоприменительные функции, за исключением функций по контролю и надзору.

Инспекция ДНР – орган исполнительной власти ДНР, осуществляющий в установленной сфере (сферах) деятельности функции по контролю и надзору.

Иные органы исполнительной власти ДНР – органы исполнительной власти ДНР специальной компетенции, осуществляющие закрепленные за ними отдельные полномочия [2].

Органы исполнительной власти образуют из себя сложную, иерархически расположенную систему инстанций. Такое построение является логическим следствием территориального деления государства и невозможностью из центра управлять всеми территориями и объектами. Функционирование нескольких уровней органов исполнительной власти создает бюрократическую пирамиду, но дает возможность эффективно осуществлять государственное управление организовывать контроль вышестоящих органов за нижестоящими [4, с. 54].

Таким образом, рассмотрев систему органов исполнительной власти ДНР можно говорить о превышении количества органов исполнительной власти. В связи с этим необходимо упразднить органы исполнительной власти и передать осуществление части полномочий по предметам совместного ведения другому органу исполнительной власти, так как часто встречается дублирование функций, что указывает на несовершенство построения и регулирования деятельности органов исполнительной власти в ДНР. Проблема дублирования полномочий органов исполнительной власти является серьезным препятствием для их эффективного взаимодействия. Главными причинами таких проблем является недостаточное и несовершенное регулирование отношений в сфере межуровневого взаимодействия.

Отождествление понятий «единство системы исполнительной власти» и «единство органов исполнительной власти» также нередко приводит к узкому пониманию единства системы исполнительной власти как исключительно проявления субординации и подчиненности. Понятие «единство системы» как более широкое явления предполагает, прежде всего, единые принципы и правила функционирования, единую политику государственного регулирования и управления, наличие механизмов координации деятельности, а «единство системы органов» означает их

определенную соподчиненность, связь по вертикали [6, с. 236].

Все это также ведет к неопределенности в исполнительной сфере государственно-властного взаимодействия и соответственно к дублированию государственных функций.

Также проблемой является двойственность системы исполнительной власти. Фактически сложилось разделение полномочий исполнительной власти между Главой Республики и Советом Министров ДНР. На данном этапе необходимо определиться в том, какой вариант предпочтительней для организации власти в ДНР:

1. Глава Республики, непосредственно осуществляющий руководство исполнительной властью, стоящий на вершине этой власти.

2. Глава Республики, выполняющий функцию координации в системе разделения властей.

Совместить эти два начала в деятельности Глав государства чрезвычайно трудно. Естественное тяготение Главы государства к исполнительной власти постоянно будет отодвигать на второй план задачи координации деятельности государственных органов, составляющие различные ветви власти: законодательную, исполнительную, судебную. Следовательно, необходимо выбрать одну из функций.

В настоящее время Глава Республики загружен большим объемом дел в сфере исполнительной власти, что неизбежно ограничивает функции Совета Министров ДНР. Изменение акцента деятельности позволит Главе Республики в большей мере заниматься стратегическими вопросами государственной политики, функционирования системы органов исполнительной власти. Совету Министров ДНР удастся концентрировать свои усилия на решении основных экономических и социальных задач, руководстве звеньями исполнительной власти, координации и контролю за их деятельностью.

Следует подчеркнуть, что координация различных органов исполнительной власти является функцией Главы Республики согласно ст.25 Закона Донецкой Народной Республики «О системе органов исполнительной власти ДНР» и она приобретает ведущее значение в правовом государстве в рамках конституционно закрепленной системы разделения властей ст. 6 Конституции Донецкой Народной Республики.

Выработка и реализация общенационального политического курса требуют не только политической воли Главы государства, но и согласованных действий органов законодательной и исполнительной власти на всех уровнях. Без определения совместных целей и взаимного участия в их реализации они могут принимать решения, исключающие друг друга.

Выводы. Таким образом, мы проанализировали некоторые проблемы становления и развития системы органов исполнительной власти в Донецкой Народной Республике. Система органов исполнительной власти, призванная исполнять функции государственной власти ДНР, представляет собой организованную на базе общих принципов закрепленных в Конституции ДНР, задач и целей целостности органов, возглавляемых Советом Министров ДНР и наделенных государственно-властными полномочиями по осуществлению управления.

Основными проблемами становления и развития системы исполнительной власти, являются:

1. Большое количество органов исполнительной власти, функции которых дублируются.

2. Двойственность системы исполнительной власти. Фактически сложилось разделение полномочий исполнительной власти между Главой Республики и Советом Министров ДНР.

Проведенный анализ формирования и функционирования системы органов исполнительной власти ДНР позволяет обосновать вывод о необходимости разработки специальных мер, предметом которых должно стать развитие системы исполнительной власти в Донецкой Народной Республике.

Следует остановиться на таких специальных мерах:

- разработка организационных мер по совершенствованию действующей структуры органов исполнительной власти;

- организация координационных механизмов по совершенствованию информационных процессов в системе исполнительной власти ДНР, обеспечение информатизации этой ветви власти;

- меры по повышению эффективности организационных механизмов в деятельности органов исполнительной власти, по улучшению взаимодействия последней с другими ветвями государственной власти ДНР;

- меры по комплексному обеспечению и постоянному управлению процессами развития системы исполнительной власти;
- ориентация науки на проведение исследований тенденций развития системы исполнительной власти.

Литература

1. Конституция Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 г. принята Верховным Советом Донецкой Народной Республики.
2. Закон Донецкой Народной Республики «О системе органов исполнительной власти Донецкой Народной Республики» от 24.04.2015г. принятый Народным Советом Донецкой Народной Республики.
3. Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации. – Москва: Норма, 2011. – 258 с.
4. Бельский К. С. Разделение властей и ответственность в государственном управлении (политологические аспекты): учебное пособие. – Москва: Типография ВНИИТЭМР, 2011. – 156 с.
5. Костькова О. В. Административное право: учебник. – Москва: Дело и сервис, 2011. – 420 с.
6. Игнатюк Н. А. Компетенция органов исполнительной власти Российской Федерации. – М.: Эксмо, 2012. – 376 с.
7. Домин Б. П. Система органов государственной власти в РФ. – Москва: Эксмо, 2013. – 254 с.

УДК: 343.611

УБИЙСТВО – ПРЕСТУПЛЕНИЕ, НАРУШАЮЩЕЕ ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ЖИЗНЬ

Смирнов А. А.,
к.ю.н., доцент, ст. помощник прокурора г. Донецка,
Котова А. И.,
студентка ЮФ ДонНУ, 4 курс группа «А»

В статье проанализировано такое преступление, как убийство, и его влияние на конституционное право на жизнь. Рассмотрена формулировка данного права в конституциях различных стран. Изучена классификация убийств в Донецкой Народной Республике и в зарубежном законодательстве.

Ключевые слова: право на жизнь, убийство, убийство при отягчающих обстоятельствах, убийство при смягчающих обстоятельствах.

The article analyzes the crime of murder, and its impact on the constitutional right to life. We consider the formulation of this right in the constitutions of different countries. Studied the classification of murders in Donetsk People's Republic and foreign legislation.

Keywords: right to life, murder, aggravated murder, murder with extenuating circumstances.

Постановка проблемы. Жизнь является величайшим и самым важным из социальных и правовых благ личности. Ибо все остальные права, свободы и обязанности утрачивают смысл и значение в случае гибели человека. Сегодня в рамках цивилизованного общества жизнь рассматривается в качестве абсолютной социальной ценности высшего приоритета, которая должна гарантироваться и охраняться правом. Поэтому защита права человека на жизнь является одной из главных задач государства.

Анализ последних исследований и публикаций. Данный вопрос был предметом исследования таких ученых, как И. Х. Бабаджанов, С. А. Коняев, В. А. Якушин, А. В. Малешина и другими.

Актуальность. Жизнь человека всегда будет оставаться самой главной ценностью, которая нуждается в защите. Способы защиты данного права должны совершенствоваться, а для этого необходимо знать, как развивался институт убийства, какое законодательство действует на данный момент в нашем государстве и как эта проблема решается в иностранных государствах.

Цель статьи – проанализировать историю развития института убийства, рассмотреть виды убийств в нашем и иностранных государствах, изучить формулировку права на жизнь в конституциях различных стран.

Изложение основного материала исследования. При формировании уголовного законодательства на разных этапах исторического развития общества, формировался и институт убийства. Жизнь человека защищалась еще со времен Древней Руси.

В IX-X веках общность уголовно-правовых норм Древнерусского государства испытала на себе существенное влияние со стороны византийского уголовного права, для которого, как известно, было характерно отсутствие каких-либо четких границ между светской и духовной (церковной) юрисдикцией.

Однако, безусловно, наиболее значимым для всей общественно-правовой жизни Древней Руси явилось принятие греческого христианства, православной веры, которая пришла на смену прежней языческой системе мировосприятия [1].

Первые нормы, получившие свое законодательное закрепление и запрещающие убийство, содержались в договорах Руси и Византии [2]. Согласно Договору Руси и Византии 911 г. (ст.4), если кто-либо убьет (кого-либо) – русский христианина или христианин русского, – пусть умрет на месте совершения убийства. Договором Руси с Византией 944 года также была предусмотрена ответственность за убийство (ст. 13).

В Русской Правде, как и в договорах Руси с Византией, предусматривалась ответственность за убийство. Так, в ст. 1 говорится, что если человек убьет человека, то мстит брат за (убийство) брата, сын за отца или двоюродный брат, или племянник со стороны сестры; если не будет никого, кто бы отомстил, положить 40 гривен за убитого; если (убитый) будет русин, гридин, купчина, ябедник, мечник или же изгой и Словении, то положить за него 40 гривен [3].

В начале XVIII века в российском уголовном праве впервые формируется стройная система преступлений. Она была изложена как в Воинских артикулах, так и в других законодательных актах данного периода. Они содержали такой состав, как преступления против личности, которые включали преступления против жизни, телесной неприкосновенности, чести. В этой группе главное место занимало убийство.

В первой половине XIX века началась кодификация русского права. Среди многих документов был подготовлен проект Уголовного Уложения 1813 года.

В 1845 году был принят новый уголовный кодекс «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». Система преступлений включала 12 разделов, каждый из которых делился на главы и отделения. Одними из важнейших преступлений в нем указывались преступления против жизни [4].

Формирование основ социалистического права началось с издания первых декретов II Всероссийского съезда Советов.

В июне 1922 года был принят Уголовный кодекс РСФСР. Статья 142 данного кодекса предусматривала ответственность за умышленное убийство, а ст. 143 за простое убийство [5].

В 1960 году был принят новый Уголовный кодекс РСФСР. Статья 102 данного кодекса предусматривала ответственность за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, таких как убийство из корыстных побуждений, совершенное с особой жестокостью и другие [6].

В настоящее время в рамках цивилизованного общества жизнь рассматривается в качестве абсолютной социальной ценности высшего приоритета, которая должна гарантироваться и охраняться правом. Жизнь является величайшим и самым важным из социальных и правовых благ личности. Ибо все остальные права, свободы и обязанности утрачивают смысл и значение в случае гибели человека [7].

В соответствии с ч. 1 ст. 14 Конституции Донецкой Народной Республики, каждый имеет право на жизнь [8]. Поскольку право на жизнь является наиважнейшим правом человека, конституции других стран также гарантируют данное право.

Конституцией Российской Федерации закреплено, что каждый имеет право на жизнь (ч. 1 ст. 20) [9].

Согласно ч. 2 ст. 2 Основного закона Федеративной Республики Германии каждый имеет право на жизнь и физическую неприкосновенность [10].

Конституция Японии в ст. 13 предусматривает, что все люди должны уважаться как личности. Их право на жизнь, свободу и на стремление к счастью является высшим предметом заботы в области законодательства и других государственных дел, поскольку это не нарушает общественного благосостояния [11].

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что право на жизнь гарантируется многими государствами.

Любому субъективному праву всегда корреспондируют обязанность. Провозгласив право на жизнь, государство обязано обеспечить реализацию и защиту данного права [12].

Одним из способов защиты права на жизнь является установление в Уголовном Кодексе ответственности за убийство. Убийство является преступлением против жизни, то есть нарушающим данное право.

Согласно ч. 1 ст. 106 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее УК ДНР), убийством является умышленное причинение смерти другому человеку [13].

Смерть может быть разной. Есть физиологическая (биологическая) и клиническая смерть. Клиническая смерть – это временная приостановка работы сердца, жизнь может быть еще восстановлена за счет принятия реанимационных мер. Если клинической смерти преднамеренно придается необратимый характер, то это уже убийство.

Уголовное право интересуется физиологическая (биологическая) смерть – когда происходит остановка сердца, вследствие чего прекращается снабжение тканей человеческого тела, в том числе и мозга кислородом, в силу чего происходит распад клеток центральной нервной системы, исчезает нейрофизиологическая активность мозга [14].

В уголовно-правовой литературе, законодательстве и следственно-судебной практике выделяют такие виды убийств:

а) «простое» убийство (по мнению ряда авторов, это основной состав убийства);

б) убийство с отягчающими обстоятельствами;

в) убийство со смягчающими обстоятельствами [15].

В ч. 2 ст. 106 УК ДНР можно увидеть перечень обстоятельств, отягчающих убийство. Всего установлено тринадцать таких обстоятельств. Наиболее опасными из них являются убийство двух или более лиц; убийство, совершенное с особой жестокостью; убийство, совершенное общеопасным способом.

Убийства при отягчающих обстоятельствах обладают повышенной степенью общественной опасности. Повышенной опасностью обладает не только само деяние, но и лицо, его совершившее, поскольку проявляется его безжалостность и сильное неуважение к обществу.

Согласно УК ДНР (ст. 107-110), убийствами со смягчающими обстоятельствами являются: убийство матерью новорожденного ребенка; убийство, совершенное в состоянии аффекта; убийство, совершённое при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление; причинение смерти по неосторожности [13].

Любые виды убийств – простое, со смягчающими или с отягчающими (квалифицирующими) обстоятельствами могут совершаться как путем действия, так и путем бездействия.

Посягательство на жизнь путем бездействия можно рассматривать таковым при наличии двух условий:

а) на этом (посягающем) лице лежала обязанность;

б) имелась реальная возможность выполнять эти действия по уходу (кормлению) за ребенком. Если такой реальной возможности не было, то никакого посягательства на лишение жизни путем бездействия не будет.

Обязательным условием ответственности за убийство является наличие причинно-следственной связи между действием (бездействием) виновного лица и смертью потерпевшего.

Убийство характеризуется непосредственной, конкретной причинной связью. При этом нужно помнить, что причинная связь между деянием (действием и бездействием), посягающим на убийство и наступившим результатом – смертью потерпевшего, может быть не прямой, а опосредованной с помощью каких-то обстоятельств. Это могут быть:

а) механические или электронные взрывные устройства;

б) использование действий малолетних или невменяемых;

в) использование произвольных действий других лиц;

г) использование сил природы;

д) использование сил животных;

е) использование действий самого потерпевшего.

Убийство считается оконченным с момента наступления смерти [15].

Субъективная сторона убийства характеризуется только умышленной виной. Умысел при убийстве может быть как прямым, так и косвенным.

При прямом умысле виновный осознает, что он посягает на жизнь другого человека, предвидит, что его деяние содержит реальную возможность или неизбежность наступления смерти, и желает ее наступления.

При косвенном умысле на убийство виновный осознает, что своим деянием ставит в опасность жизнь человека, предвидит, что от этого деяния может наступить его смерть, не желает ее наступления, но сознательно допускает либо безразлично относится к этому [16].

Так как в других государствах гарантируется право на жизнь, то в этих странах также устанавливается ответственность за нарушение данного права.

Рассмотрим уголовное законодательство зарубежных стран различных правовых систем.

Одной из основных правовых систем современности считается романо-германская правовая семья. Система отличается нормативной упорядоченностью и структурированностью источников, устойчивыми демократическими правовыми принципами, обеспечением строгой юридической техники. К данной правовой семье относятся такие государства, как Италия, Франция, Испания, Португалия, Австрия, Швейцария, Германия [17].

Уголовный кодекс Швейцарии предусматривает все три вида убийств. Ответственность за простое убийство предусмотрено ст.111 данного кодекса. К убийству с отягчающими обстоятельствами относится тяжкое убийство (ст. 112), а к убийству со смягчающими обстоятельствами – убийство в состоянии аффекта (ст. 113), убийство по просьбе потерпевшего (ст. 114), детоубийство, то есть убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 116), неосторожное убийство (ст. 117) [18].

Широкое распространение в мире получила англосаксонская правовая семья. Это «право судебной практики», когда в решениях судов не только применяются, но и создаются нормы права. В англосаксонской правовой семье различают группу английского и американского права. В группу английского права входят Англия, Северная Ирландия, Канада, Австралия, Новая Зеландия и др. [17].

По Уголовному кодексу Канады, убийство делится на тяжкое убийство, простое убийство и детоубийство. В свою очередь тяжкое убийство делится на тяжкое убийство первой и второй степени. Прежде всего, для квалификации деяния как тяжкого убийства первой степени необходимо установить, что преступление было осознанным и запланированным. Отнесение деяния к тяжкому убийству второй степени происходит по остаточному принципу. По определению Уголовного кодекса, всякое тяжкое убийство, не являющееся тяжким убийством первой степени, представляет собой тяжкое убийство второй степени.

Другим видом убийства, предусмотренного канадским уголовным законом, является простое убийство. Уголовный кодекс определяет простое убийство через убийство тяжкое. «Винное лишение жизни человека, которое не может быть признано тяжким убийством или детоубийством, должно быть квалифицировано как простое убийство» (ст. 234 УК Канады. Доктрина по сложившейся в

странах общего права традиции выделяет простое намеренное и простое ненамеренное убийство. К простому намеренному убийству относятся случаи намеренного лишения жизни, которые не могут быть квалифицированы как тяжкое убийство в силу наличия определенных смягчающих обстоятельств.

К первому из таких обстоятельств относится провокация, а именно виновное лишение жизни, которое при иных обстоятельствах было бы тяжким убийством, следует квалифицировать как простое убийство, если лицо, его совершившее, действовало под влиянием душевного волнения, вызванного внезапной провокацией.

Другим смягчающим тяжесть убийства обстоятельством является состояние интоксикации. Лицо, находящееся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, не может сформировать специального намерения, которое необходимо для тяжкого убийства, и, соответственно состав тяжкого убийства отсутствует [19].

Третьим видом правовых семей являются религиозно-традиционные правовые семьи. В этих семьях различают так называемые религиозные (еврейское право, мусульманское право, индусское право) и традиционные (право стран Дальнего Востока, ряда стран Африки, Мадагаскара) правовые группы [17].

В соответствии с Уголовным кодексом Японии (ст. 199), наказывается тот, кто совершил убийство. Данный состав можно считать простым видом убийства. Согласно ст. 200 «Убийство родственника по восходящей линии» наказывается тот, кто совершил убийство человека, состоящего в родстве по прямой восходящей линии с ним или его супругом. За простое убийство предусмотрено наказание в виде смертной казни либо лишения свободы с принудительным физическим трудом без срока или на срок не ниже трех лет. За убийство, предусмотренное ст. 200 – смертной казнью или бессрочным лишением свободы с принудительным физическим трудом [20].

Так как за убийство родственника по восходящей линии предусмотрено наказание не менее строгое, чем за простой состав убийства, то убийство родственника по восходящей линии можно считать квалифицированным видом убийства.

Уголовный кодекс Японии также предусматривает такие виды убийств, как участие в самоубийстве или убийстве с согласия (ст. 202), приготовление к убийству (ст. 201), покушение на совершение убийства (ст. 203) [20].

Выводы. Таким образом, право на жизнь является неотъемлемым правом человека. Данное право гарантируется и защищается государством. Преступлением, нарушающим право на жизнь, является убийство. Ответственность за убийство предусмотрена как в отечественном, так и в зарубежном законодательстве.

Выделяют три вида убийств: простое, убийство с отягчающими обстоятельствами и убийство со смягчающими обстоятельствами. Все виды убийств совершаются с умышленной формой вины.

Литература

1. Рыбин И. Истоки уголовного права Древней Руси: влияние христианской византийской уголовно-правовой традиции / И. Рыбин // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2011. – № 3. – С. 10-13.

2. Георгиевский Э. В. Убийство в уголовном праве Древней Руси / Э. Георгиевский // Сибирский юридический вестник. – 2010. – № 2. – С. 96-106.

3. Зимин А. А. Памятники права Киевского государства: учебник / Под ред. С. В. Юшкова, А. А. Зимина. – Москва: государственное издательство юридической литературы, 1952. – 288с.

4. Исаев И. А. История государства и права России: учебник / И.А. Исаев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юристъ, 2004. – 797 с.

5. Постановление ВЦИК «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») от 01.06.1922 / ВЦИК. – М.: СУ РСФСР, 1922. – № 15. – 153 ст.

6. Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 27.10.1960 / ВС РСФСР. – М.: Ведомости ВС РСФСР, 1960. – № 40. – Ст. 269.

7. Бабаджанов И. Х. Жизнь человека как социальная ценность и право на жизнь // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 25-34.

8. Конституция Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 Официальный сайт Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – URL: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/>

9. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 / «Собрание законодательства РФ». – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

10. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учеб. пособие / Под ред. В. В. Маклакова. – 8-е изд., исправл. и доп. – Москва: Инфотропик Медиа, 2012. – 640 с.
11. Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; под ред. Т. Я. Хабриевой: Норма, 2010. – 1040 с.
12. Коняев С. А. Конституционное право на жизнь и обязанность государства создавать условия для его реализации // Правовая наука и реформа юридического образования. – 2011. – №1(24). – С. 13-18.
13. Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики от 17 августа 2014 г. // Постановление Президиума Совета Министров ДНР. – 2014. – Ст. 431.
14. Якушин В. А. Убийство: понятие, виды, квалификация // Материалы XII Международной научно-практической конференции: в 2-х частях. Волжский университет им. В. Н. Татищева. – 2015. – С. 162-180.
15. Якушин В. А. Некоторые вопросы квалификации убийств // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2015. – № 2 (82). – С. 211-230.
16. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / Под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: «ИНФРА-М», 2008 г. – 786 с.
17. Теория государства и права: учебник / А. В. Мелехин. – Москва: Маркет ДС, 2007. – 640 с.
18. Уголовный кодекс Швейцарии / Научное редактирование, предисловие и перевод с немецкого канд. юрид. наук А.В. Серебренниковой. – Санкт-Петербург: «Юридический центр Пресс», 2002. – 350 с.
19. Малешина А.В. Ответственность за убийство по Уголовному кодексу Канады // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2008. – № 4. – С. 50-59.
20. Уголовный кодекс Японии / Науч. редактирование и предисловие докт. юрид. наук, проф. А. И. Коробеева. – Санкт-Петербург: «Юридический центр Пресс», 2002. – 226 с.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ В СБОРНИКЕ НАУЧНЫХ РАБОТ СЕРИИ «ПРАВО»

Уважаемые коллеги!

Редакционная коллегия сборника научных работ серии «Право» Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования Донецкий государственный университет управления (ГОУ ВПО «ДонГУУ») (официальный сайт: <http://pravodsum.do.am/>), готовит к изданию очередной выпуск сборника научных работ и приглашает Вас присылать научные статьи для публикации.

Периодичность издания сборника – 1 раз в квартал. Время опубликования принятой к публикации статьи – по наполняемости сборника. Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается.

Статьи принимаются на русском языке объемом примерно 20000 знаков (пользуйтесь меню Сервис – Статистика) не менее 8 страниц текста, формата А-4, соблюдая все нижеизложенные требования.

При наборе текста необходимо придерживаться следующих требований:

1. Исключить знак переноса.
2. Отступ первой строки каждого абзаца делается не «пропусками», а автоматически через меню Microsoft Word (Формат – Абзац – первая строка: отступ на 1,27 см).
3. Поля зеркальные: левое – 3 см, правое – 1,5 см, верхнее, нижнее – 2 см.
4. Шрифт Times New Roman, размер – 16; интервал – одинарный.
5. Рисунки и диаграммы должны быть сделаны в приложении к Microsoft Word – Microsoft Graph.
6. Расстояние между словами – не больше одного пропуска.

Статьи должны быть оформлены следующим образом:

1. УДК слева в верхнем углу.
2. Название статьи (прописными буквами, полужирным, выравнивание – по центру).
3. Фамилия, имя, отчество автора/авторов (по правому краю, полужирным).
4. Сведения об авторе (по правому краю, курсивом) включают следующие элементы: наименование страны (для иностранных

авторов); учёную степень, учёное звание; должность или профессию; место работы и/или учёбы, включая подразделение (кафедра, факультет); контактную информацию (адрес электронной почты или другие средства оперативной связи, для указания в журнале и на сайте издателя).

5. Аннотация на статью на русском и английском языках (каждая не менее 5 и не более 10 строк, курсивом, без слова «аннотация»). Должна раскрывать поставленную задачу, основные результаты и выводы и помещается сразу же после сведений об авторе. Текст аннотации не должен повторять текст, использованный в статье.
6. Ключевые слова к статье на русском и на английском языках (не менее 5 и не более 10 слов, курсивом).
7. Основной текст статьи выравнивается по ширине.
8. Авторские материалы должны обязательно сопровождаться библиографическими ссылками на используемые источники (ссылки на источники (литературу) в тексте статьи указываются в квадратных скобках [2, 4]).
9. Литература (прописными буквами, полужирным, выравнивание – по центру), далее – перечень использованной литературы в алфавитном порядке с последовательной нумерацией в соответствии с ГОСТом 7.1-2006 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», ГОСТом 7.82-2001 «Библиографическая запись. Библиографическое описание электронных ресурсов. Общие требования и правила составления». ГОСТ Р 7.0.12-2011 «Библиографическая запись. Сокращение слов и словосочетаний на русском языке. Общие требования и правила».
10. Научные статьи, подготовленные авторами не имеющие научной степени или ученого звания, направляются в редакцию с обязательной рецензией (отсканированной в цвете) от кандидата или доктора наук заверенных «мокрой» печатью.

*Структура основного текста научной статьи должна
содержать такие элементы:*

1. Постановка проблемы (после ключевых слов, курсивом).
2. Обзор последних исследований и публикаций по данной проблеме (курсивом).
3. Актуальность статьи (курсивом).
4. Цель статьи (курсивом).

5. Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.
6. Выводы по данному исследованию.
7. Литература.

Ответственность за содержание, точность представленных фактов, цитат, цифр и фамилий, наличие актуальных ссылок на официальные документы и иные источники несут авторы материалов.

Рукописи не возвращаются.

Присылать свои статьи и при необходимости обратиться за дополнительной информацией Вы можете к главному редактору **Ворушило Виктору Павловичу**, эл. почта: e-mail: k_ap@dsum.org, тел.: (062) 312-57-66.

Ознакомится с публикацией можно на официальном сайте издания <http://pravodsum.do.am/>, а при необходимости получения печатного варианта сборника, обратится к главному редактору сборника (с оплатой затрат на доставку и пересылку).

Внимание! Основаниями к отказу в опубликовании статьи могут служить:

- несоответствие представляемого материала тематике журнала;
- несоответствие представляемого материала требованиям, предъявляемым к представляемым к опубликованию материалам;
- отрицательная рецензия на представляемый материал;
- несоблюдение автором материала действующего законодательства об авторском праве и смежных правах.

Редколлегия может отклонить статью, не объясняя авторам причины этого.

Научное издание

Донецкий государственный университет управления

Сборник научных работ серии «Право»

Выпуск 1

Материалы представлены на языке оригинала

Опубликованные материалы отражают точку зрения авторов, которая может не совпадать с мнением редколлегии сборника.

При цитировании или частичном использовании текста публикаций ссылка на сборник обязательна.

Ответственный за выпуск Ворушило В. П.

Ответственный секретарь Денисова М. М.

Технический секретарь Степанова О. Г.

Компьютерная вёрстка Зензеров В. И.

Подп. к печати 26.11.2015 г. Формат 60x84¹/₁₆ Бумага офсетная
10,5 усл.-печ. л. Тираж 100 экз.

Донецкий государственный университет управления
ДНР, 83015, г. Донецк-15, ул. Челюскинцев, 163а